

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский государственный университет иностранных языков

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

Минск
БГУИЯ
2025

УДК 81'36'37'373+378.147(082)

ББК 81.4+81.2-9+95.4

А 691

Рекомендован Редакционным советом Белорусского государственного университета иностранных языков. Протокол № 5/79 от 19.11.2025 г.

Редакционная коллегия: М. Н. Романкевич (*ответственный редактор*), Е. А. Гапанович (*зам. ответственного редактора*)

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент О. В. Сидоревич-Стахнова (БГУ); кандидат филологических наук, доцент Н. М. Токаревич (БГУИЯ)

А691 **Аномалия** в языке, гармония в речи : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т иностр. языков ; редкол.: М. Н. Романкевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИЯ, 2025. – 168 с.

ISBN 978-985-28-0346-5

Сборник включает научные статьи, подготовленные на основе материалов выступлений участников IV Международной научной конференции «Аномалия в языке, гармония в речи», посвященной памяти выдающегося лингвиста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Степановой Альбины Николаевны. Конференция состоялась 5–7 декабря 2024 г. в Минском государственном лингвистическом университете.

В сборнике представлены исследования в области романского, германского и славянского языкознания. Исследуются семантика и структура языковых единиц, функционально-стилистическая специализация грамматических форм, дифференциация и конвергенция лексических подсистем языков, актуальные вопросы современной методики.

Предназначен для специалистов в области романской, германской и славянской филологии, общего и сравнительного языкознания, научных работников и аспирантов.

УДК 81'36'37'373+378.147(082)

ББК 81.4+81.2-9+95.4

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке БГУИЯ
по ссылке e-lib.bsuf.by/ или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0346-5

© УО «Белорусский государственный
университет иностранных языков», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов, представленных на IV Международной научной конференции «Аномалия в языке, гармония в речи», посвященной памяти выдающегося лингвиста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Степановой Альбины Николаевны. Конференция проходила 5–7 декабря 2024 г. в Минском государственном лингвистическом университете с участием лингвистов из вузов Республики Беларусь и зарубежных коллег из Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Азербайджанской Республики. Наряду со статьями известных ученых-языковедов предложены работы молодых исследователей. Статьи посвящены различным аспектам теории языка, лингвокультурологии, проблемам семиотики культуры, методики преподавания романских языков и др.

Сборник состоит из таких разделов, как «Пленарное заседание», «Лексическая система языка: гармония vs. аномалия», «Грамматическая система языка: норма vs. “нарушение”», «Фонетическая и графическая системы языка: норма vs. вариативность», «Текст и дискурс: гармония vs. аномалия» и «Норма vs. вариативность в преподавании языков», в которых рассматриваются актуальные вопросы развития романских языков.

В предлагаемых в сборнике научных статьях содержатся результаты исследований о репрезентации оппозиции «свой-чужой» в региональной антропонимии, о приемах создания окказионального фразеологизма в публицистическом тексте, о лингвокогнитивных аспектах функционирования антипословиц в современном французском языке, о лексических средствах выражения эмоций в текстах телеграм-каналов и др.

Авторы статей уделили внимание фонетическому и фонологическому аспектам звучащей речи в разных лингвокультурах, рассмотрев акцентно-ритмическую структуру французской устной речи, парадигматику слогового ритма при неподготовленном чтении вслух, подходы к восприятию французского слога при ограниченной сформированности перцептивной базы языка и др.

Отдельно следует упомянуть исследования, в которых рассматриваются лексические, грамматические и функциональные особенности разных языков. В частности, изучены вариативность указательных местоимений в белорусском и английском языках, средства репрезентации концептов *победа* и *поражение* в современных газетных текстах медицинской тематики, особенности конструкций с расщепленным инфинитивом, рассмотрена семантика бессубъектных предложений в русском пословичном дискурсе и др.

В сборник включены также научные статьи, в которых рассматриваются теоретические и практические вопросы обучения романским языкам. Особое внимание уделено методике коррекции моторной сферы и просодической стороны речи у детей с дизартрией, методам обучения реферированию на

занятиях по иностранному языку, представлению нестандартных методов обучения иностранным языкам в вузе. В данном сборнике обсуждаются вопросы воспитания современного поколения студентов – будущих педагогов, профессионально-ориентированного подхода в процессе преподавания иностранного языка, а также развитие стратегической компетенции у студентов-лингвистов.

Во всех разделах сборника научных статей поднимаются вопросы вариативности языковой и речевой нормы в различных типах дискурса, устанавливаются принципы кодификации грамматической, фонетической и лексической нормы разноструктурных языков.

Оргкомитет благодарит всех участников и авторов за плодотворное сотрудничество.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О. А. Артемова (г. Минск, Беларусь)

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ

Статья посвящена анализу употребления белорусских и английских указательных местоимений в зависимости от типа ситуации. В экзофорической ситуации выбор демонстратива обусловлен расстоянием до объекта и способностью участников речевой ситуации воспринимать его визуально. При дискурсивно-дейктическом типе выбор английских демонстративов зависит от коммуникативного статуса источника информации в отличие от белорусских единиц, которым свойственно их экспрессивно-стилистическое разнообразие.

Ключевые слова: *демонстратив, дейксис, пространство, речевая ситуация, референт.*

О. Artemova (Minsk, Belarus)

DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN BELARUSIAN AND ENGLISH: NORM AND VARIABILITY

The article is devoted to the analysis of the use of Belarusian and English demonstrative pronouns depending on the type of situation. In the exophoric situation, the choice of a demonstrative is determined by the distance from the object and the ability of the participants in the speech situation to perceive it visually. In the discursive-deictic type, the choice of English demonstratives depends on the communicative status of the source of information. Belarusian units are characterized by their expressive-stylistic diversity.

Key words: *demonstrative, deixis, space, speech situation, referent.*

К указательным местоимениям (демонстративам, местоименным прилагательным) относятся белорусские единицы *гэты, той, такі* и английские *this* 'это', *these* 'эти', *that* 'то', *those* 'те', *such* 'такой'. Демонстративы *гэты, гэтыя, той, тая, this* 'этот', *these* 'эти', *that* 'тот', *those* 'те' осуществляют указание на объект в актуальной речевой ситуации и выполняют *экзофорическую* функцию: выделяют объект из окружающей среды и фокусируют на нем внимание собеседника. В таком случае говорящий сопровождает свое указание невербальными проксемическими (жесты, направление взгляда) или кинетическими (приближение говорящего к предмету) знаками [1, р. 94]: *Вы мне заўтра знішчыце кулямёт, вунь **той** буйнакаліберны, – **тыцкае** ён пальцам у цэмуру* (В. Быкаў. Трэцяя ракета);

“Look”, Ignosi said, “what is **this**?” and he **pointed to** the picture of a great snake tattooed in blue round his middle (H. R. Haggard. King Solomon’s Mines) ‘— Смотри, — сказал Игнози. — Знаешь ли ты, что **это** такое? — и **указал** на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле’.

В экзофорической функции выбор демонстратива обусловлен границами поля зрения собеседников и включением объекта наблюдения в свою личную сферу. Общеизвестно, что каноническое положение наблюдателя в пространстве — это его положение стоя. Следовательно, дейктический центр — это горизонтальная линия на уровне глаз говорящего. Объекты, находящиеся на этой линии, категоризируются как близко расположенные и обозначаются проксимальными демонстративами *гэты, гэтыя* и *this, these*: *Вось давай, брат, патрасём гэту завоінку, — сказаў Марцін. Завоінай называлася паласа стаячай вады пры беразе* (Я. Колас. На ростанях); *Look at **this** beige coat* (L. Snicket. The Carnivorous Carnival) ‘Посмотрите на **это** бежевое пальто’. Объекты выше, ниже этой линии или за спиной говорящего воспринимаются как находящиеся на расстоянии и обозначаются дистальными демонстративами *той, тыя, that, those*: *Ці даляцеў бы ты, буслік, да неба, дзе свеціцца унь мая зорка, што над намі?* (Я. Колас. Адзінокі курган); *Gingerly, Denison sat down with a grunt. Deliberately, he faced northward, away from the Earth. “Look at **those** stars!” Selene sat facing him, at right angles* (I. Asimov. The Gods Themselves) ‘Денисон, покряхтывая, осторожно сел лицом к северу, так, чтобы не видеть Землю. — Взгляните-ка на **те** звезды! — Селена села напротив него’.

В английском языке демонстративы *this, these* могут указывать на приближающийся к говорящему объект, *that, those* — на удаляющийся от него. Например, как в одном из самых лаконичных анекдотов, популярном в 50-е гг. XX в., о шуточном репортаже с авторалли, в котором приближение гонщика к спортивному комментатору обозначается единицей *this* ‘этот’, его удаление — *that* ‘тот’: *Ladies and gentlemen, **this** is Stirling Moss, **that** was* ‘Дамы и господа, к нам приближается Стирлинг Мосс... и вот его уже нет’ [2].

Как правило, расстояние определяется говорящим визуально. Объекты же вне поля зрения наблюдателя могут восприниматься другими сенсорными каналами, например обонянием. В таком случае английское указательное местоимение *that* сигнализирует об исключении источника запаха из личной сферы говорящего: *I wrinkled my nose. “What is **that** smell?”* (J. Evanovich. Two for the Dough) ‘Я сморщила нос. — Чем **это** воняет?’. В белорусском языке источник запаха включается говорящим в свою личную сферу, о чем свидетельствует употребление проксимального демонстратива *гэта*: *Валерык пацягнуў носам. — А што гэтак пахне, дзядуля?* (П. Ліпка. Рунец).

Обязательным признаком канонической речевой ситуации, по мнению Дж. Лайонза, выступает единство пространства отправителя сообщения и адресата [3, p. 275]. В английском языке их несовпадение, например в телефонном разговоре, маркируется. Пространство отправителя сообщения обозначается местоимением *this*, пространство слушающего на другом конце

провода – *that*: – *Hello, **this** is Clair. Who is **that** speaking? Is **that** Mike?* ‘– Алло, Клэр слушает. Кто **это**? **Это** Майк?’ [4, с. 86]. Белорусской телефонной коммуникации свойственно сохранение единства пространств адресанта и адресата. Об этом свидетельствует обозначение личной сферы получателя сообщения на другом конце провода указательным местоимением *гэта*: *Алё! Наглядчыца? Гэта ты, Караліна? Слухай мяне ўважліва, дарагая* [5].

Наряду с экзофорической, или собственно-дейктической, референцией демонстративы могут выполнять *дискурсивно-дейктическую* функцию [6, р. 93–114], которая заключается в передаче данными единицами связи между двумя высказываниями и соотнесении с целой пропозицией. В таком случае подкрепление жестом невозможно: *Загорскі абвёў вачыма вязняў і ўбачыў, што Андрэя між іх не было. І гэта было добра. Значыцца, яго ўжо ўмыкнулі хлопцы* (У. Караткевіч. Зброя); *“It’s going to be a fine night,” he said aloud. “**That’s** good for a beginning. I feel like walking”* (J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring) ‘Хорошая будет ночь, – сказал Фродо вслух. – **Вот** и отлично, идти одно удовольствие’. В данном случае выбор английского демонстратива определяется источником сведений говорящего относительно сообщаемой им информации. В качестве такого источника может выступать сам говорящий, адресат или третье лицо. Например, в следующем контексте субъект речи обозначает единицей *that* ссылку на сведения, предоставленные ему третьими лицами: – *You mean you’d rather go to New York and live among Yankees than come to Atlanta? – Who told you **that**?* (M. Mitchell. Gone with the Wind) ‘– Вы хотите сказать, что скорее поедете в Нью-Йорк и будете жить среди янки, только не в Атланте? – Кто вам **то** сказал?’. В следующем примере сам говорящий является источником сведений и, информируя собеседника, употребляет указательное местоимение *this*: *Listen to **this**. On Auction Day, when the sun goes down, Gunther will sneak us out of town* (L. Snicket. The Ersatz Elevator) ‘Послушайте вот **это**. В день аукциона, после захода солнца, нас Гюнтер тайком увезет отсюда’. Полагаем, данная особенность обусловлена личностно-ориентированным аспектом указательных местоимений: прагматически демонстративы *this, these* включают референт в личную сферу говорящего, представляют его как источник информации и являются средствами реализации категории прямой эвиденциальности – указания на говорящего как источника информации относительно сообщаемых им сведений о событиях, которые он сам наблюдал или принимал непосредственное участие [7, с. 161]. В этой связи есть основания считать эвиденциальность дейктической категорией, поскольку сам говорящий выступает точкой отсчета ситуации, описываемой им в сообщении [8, с. 101–102].

Дистальные демонстративы *that, those* указывают на принадлежность сообщаемых сведений адресату или третьему лицу, которые не присваиваются говорящим и не включаются в его личную сферу. Данные единицы выступают маркерами косвенной эвиденциальности – ренарратива, когда сообщаемая говорящим информация получена опосредованно – через промежуточную инстанцию от вторых или третьих лиц (*говорят, что..., он*

сказал, что... и др.) [9, с. 161], что, в свою очередь, позволяет субъекту речи как бы «отгородиться» от описываемых им событий [10, с. 253] и снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации. В белорусском языке параметр источника информации в данном типе ситуации нерелевантен: *Прызнаю. Але не памыляецца той, хто нічога не робіць. Хто на печы сядзіць. А мы на памылках вучымся. Хто гэта сказаў? Ты ж адукаваная, павінна ведаць* (В. Быкаў. Пайсці і не вярнуцца).

По мнению Н. Д. Арутюновой, демонстративы могут указывать не только на объект, но и на его признаки без их непосредственного описания, выступая средствами выражения признакового дейксиса – одного из механизмов компенсации семантических лакун в области предикатных слов и достижения существенной компрессии текста, когда описание заменяется указанием [11, с. 64]. Маркерами признакового дейксиса являются единицы *такі* и *such*: *Разумееш, ён такі... – Які? – чакальна працягнула Эва. – Высакародны* (К. Шталенкова. Адваротны бок люстра); *And they must marry! Yet he is such a man!* ‘Они должны пожениться! Даже при том, что он такой человек!’ (J. Austen. *Pride and Prejudice*).

Когда говорящий сомневается в достаточной идентифицируемости референта для адресата, указательные местоимения в сопоставляемых языках выполняют функцию распознавания, осуществление которой обеспечивается общим пресуппозиционным фондом собеседников (*Common Ground*) и эмоциональной близостью – эмпатией. Их наличие уменьшает умозрительное или физическое расстояние коммуникантов до объекта указания и маркируется указательными местоимениями *гэта, гэтыя, this, these*: *Мы малявалі на зямлі палкамі, на шпалерах самапіскай і фарбай – на аркушах белай паперы. Памятаеце, як гэты працэс захапляў?* (Серия лекций «Дзеці. Мастацтва. Творчасць»); *You remember this problem I had you take care of for me?* ‘Ты помнишь эту проблему, которую я просил тебя решить?’ (*Reverso Context*).

Давность совместного опыта во времени и пространстве или его отсутствие обуславливают употребление указательных местоимений *той, тая* и *that, those*: *Памятаеш тую італьянку? Што напрасіла была пранесці сабачку?* (П. Місько. Грот афаліны); *Калі хочаш, слухай. Памятаеш мой вечар, калі я хацеў пагаварыць з Марынай?* (М. Стральцоў. Двое ў лесе); *You remember that landscape of mine, for which Agnew offered me such a huge price but which I would not part with?* (О. Wilde. *The Picture of Dorian Gray*) ‘Помнишь тот пейзаж, за который Эгнью предлагал мне громадные деньги, а я не захотел с ним расстаться?’.

Для белорусских указательных местоимений характерно наличие экспрессивно-стилистических вариантов и дублетов. Так, местоимения *гэта, тая* ж. р. в творительном падеже ед. ч. имеют краткую (*гэтай, той*) и полную (*гэтаю, тою*) формы. Краткая форма типична для литературного языка: *Над гэтай версіяй Litesound працаваў сумесна з еўрапейскім прадзюсарам Дзімітрасам Кантаполусам на запрашэнні Белтэлерадыёкампаніі ў студыі гуказапісу Беларускага радыё* (БелаПАН); *Назва оперы на-італьянску заста-*

валася **той** самай (усё адно Іван не разбярэцца), а на расейскую мову перакладалася зусім іначай (У. Караткевіч. Зброя). Полная форма тыпічна для художественнага дыскурса пры перадачы устнай рэчы: *А што рабіць з гэ-таю* зямлёю, дзе было жыта? (П. Броўка. Калі зліваюцца рэкі); *Тою* шырэйшай вуліцай я, здаецца, выбег на ўскраіну гораду (В. Быкаў. Пункціры жыцця). В художественном дискурсе употребляются формы *гэтакая* і *гэткая*. *Гэтакая* не является литературной нормой: *Падыходзім мы да бабкі... Гэтакая* старэнькая, у белым фартушку – ну адуванчык божы (А. Жук. Не забывай мяне). Краткая форма *гэткая* характерна для разговорной речи: *Было крыўдна на сваю няўдалую долю – і чаму гэткая* дасталася яму? (В. Быкаў. Ваўчыная яма). Местоимение *гэтакі* м. р. В именительном и винительном падежах ед. ч. употребляется в двух вариантах – *гэтакі* і *гэткі*. Первая форма характерна для художественного дискурса: *Радж знарок прапанаваў гэтакі* маршрут, хоць на набярэжнай было б хутчэй (П. Місько. Грот афаліны). Другая – для разговорного стиля: *Чаму менавіта яго напаткаў гэткі* нялюдскі лёс? (В. Быкаў. У тумане).

Таким образом, употребление белорусских и английских указательных местоимений зависит от типа ситуации. В экзотической ситуации выбор демонстратива обусловлен расстоянием до объекта и способностью участников речевой ситуации воспринимать его визуально. При дискурсивно-дейктическом типе выбор английских демонстративов зависит от коммуникативного статуса источника информации в отличие от белорусских единиц, которым свойственна их экспрессивно-стилистическая вариативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Diessel, H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1999. – XII, 203 p.
2. Translating demonstrative pronouns // Лекции.Ком. – URL: <https://www.lektsii.com/3-110035.html> (date of access: 23.07.2024).
3. Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 519 p.
4. Прошина, З. Г. Теория перевода : учеб. пособие / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 277 с.
5. Ён прыходзіў з дажджом / уклад. Г. Янкута. – Мінск : Янушкевіч, 2015. – URL: <https://books.google.by/books?id=DDl8DwAAQBAJ&pg=PT261&dq> (дата звароту: 23.05.2024).
6. Diessel, H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1999. – XII, 203 p.
7. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие / В. С. Храковский // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие : материалы междунар. науч. конф., С.-Петербург, 22–24 сент. 2003 г. / Рос. акад. наук [и др.] ; отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2003. – С. 156–164.

8. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения ; сост. О. Г. Ревзиной. – М., 1972. – С. 95–113.

9. Каксин, А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования / А. Д. Каксин // Коммуникативные исследования – 2014. – № 1. – С. 252–259.

10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 339 с.

Н. С. Евчик (г. Минск, Беларусь)

АКЦЕНТНО-РИТМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАНЦУЗСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: НОРМА И ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию акцентно-ритмической структуры французской устной речи. На материале экспериментально-фонетического анализа выявлены нормативные параметры ритмической организации речи носителей литературного французского языка в официальном, нейтральном и непринужденном стилях. Рассмотрена динамика становления акцентно-порождаемого ритма у студентов-лингвистов на разных этапах освоения французского языка. Полученные результаты позволяют предложить нормативные модели для преподавания и анализа французской речи как иностранной.

Ключевые слова: *французский язык, устная речь, просодия, акцентно-ритмическая структура, норма, экспериментальная фонетика, иноязычное сознание, становление.*

N. Evchyk (Minsk, Belarus)

ACCENTUAL-RHYTHMIC PATTERNS IN FRENCH SPEECH: STANDARDIZATION AND PROCESSES OF FORMATION

This article investigates accentual-rhythmic patterns in French speech, with a focus on their normative characteristics and developmental dynamics. Based on experimental phonetic analysis, the study identifies standard rhythmic models used by native speakers of literary French across official, neutral, and informal styles. Particular attention is given to the processes of rhythm acquisition by linguistics students at different stages of learning French as a foreign language. The results provide a foundation for standardizing prosodic components of French and for developing effective teaching materials in second language acquisition.

Key words: *French language, spoken speech, prosody, accentual-rhythmic patterns, standardization, experimental phonetics, second language acquisition, developmental dynamics.*

Орфоэпическая норма французского литературного языка сформировалась на основе произношения жителей Иль-де-Франс (фр. l'Île-de-France) в эпоху нормализации языка XVII века. Ее описание дал французский грамматист Клод Фавр де Вожела (Claude Favre de Vaugelas), который в своих трудах ориентировался на речь представителей королевского двора. Последняя считалась образцовой и получила название *bon usage* («правильное употребление», «образец»). Зафиксированная им норма, дополненная произношением парижской аристократии и представителей высшей буржуазии, долгое время служила престижной моделью для образованных французов.

Сегодня существуют систематизированные издания, посвященные орфоэпической норме французского литературного языка. Однако, несмотря на высокую степень стандартизации сегментного уровня (звуков и их сочетаний), просодические компоненты языка – в частности мелодический компонент и акцентно-ритмическая структура – остаются недостаточно регламентированными. За последние полвека эти аспекты активно исследовались в рамках экспериментальной фонетики, но результаты пока мало интегрированы в нормативные пособия и руководства.

Между тем акцентно-ритмическая структура заслуживает особого внимания: она играет ключевую роль в организации устной речи и ее восприятии, а значит, непосредственно влияет на успешность коммуникации. Отсутствие четких норм затрудняет преподавание французского языка, особенно для студентов, изучающих его как иностранный вне естественной языковой среды.

Настоящее исследование предлагает новый подход: рассматривать акцентно-ритмическую структуру не только как важнейший элемент организации устной речи, но и как системный компонент, поддающийся нормированию. В связи с этим работа сосредоточена на двух направлениях: а) выявление нормативных параметров акцентно-ритмической структуры французской устной речи; б) изучение динамики ее становления у студентов-лингвистов на разных этапах обучения.

А. Нормативные параметры. Экспериментально-фонетическое исследование нормы акцентно-ритмической структуры проводилось на материале студийных аудиозаписей исконных носителей литературного французского языка. В анализ были включены три фонетических стиля, охватывающих основные сферы общения: официально-деловой, нейтральный и непринужденный.

В ходе исследования выявлены закономерности, характеризующие акцентно-ритмическую организацию нормативной французской речи:

1. Выделенность слогов по позиции во фразе проявляется в двух типах: маркирующем границы акцентных единиц и функционирующем внутри них.

2. Выделенность, маркирующая акцентные единицы, во всех стилях формирует преимущественно структуры с кратностью трем: 3-, 6-, 9-, 12- и 15-сложные.

3. В официальном стиле наиболее частотны трехсложные структуры; в нейтральном и непринужденном их число снижается, но возрастает доля шести- и девятисложных, а также появляются двенадцати- и пятнадцатисложные.

4. Выделенность, функционирующая внутри акцентных единиц обеспечивает во всех стилях максимальное число трехсложных акцентно-ритмических структур, частотность появления которых последовательно убывает от официальной речи к непринужденной.

Таковы закономерности, которые отражают нормативные параметры акцентно-ритмической структуры французской устной речи, свойственные звучанию из уст образованных носителей.

Б. Динамика становления. Классическое определение ритма трактует его как чередование ударных и безударных слогов через более или менее одинаковые интервалы [Grammont M., 1971]. Однако современные исследования показывают, что ритм – это более сложное многоуровневое явление. Поэтому акцентно порождаемый ритм следует рассматривать как динамическую систему, которая проходит этапы становления, соотносящиеся с развитием языковой личности на разных уровнях ее формирования.

Научный интерес представляет изучение именно этой динамики: каким образом нормативные характеристики акцентно-порождаемого ритма проявляются у изучающих французский как иностранный на различных стадиях языкового освоения.

Для изучения этой динамики в эксперименте участвовали четыре группы испытуемых: носитель литературного французского языка, речь которого была принята за эталон; студенты лингвистического вуза (МГЛУ), чья звучащая речь фиксировалась на 1-м, 3-м и 5-м курсах – то есть на инициальной, медиальной и завершающей стадиях освоения французского языка.

Анализ данных показал, что акцентно-ритмическая структура формируется постепенно и проходит сложный путь в перцептивно-артикуляционной базе обучающихся. В ее организации выделяются два уровня: низший – распределение безударных слогов между ударными и высший – соотношение ударных слогов по степени их выделенности.

Становление иноязычной акцентно-ритмической структуры в сознании проходит три этапа, каждый из которых имеет свойственные признаки.

Первый этап характеризуется отсутствием признаков, соответствующих норме на обоих уровнях. Нарушается соотношение ударных и безударных слогов в элементарных смысловых единицах речи, а также иерархия между самими ударными. Это проявляется в чрезмерном дроблении речи, отсутствии частичных и выделительных ударений, а также в минус- и плюс-сегментации акцентных единиц, что приводит к искажению смысла.

Второй этап демонстрирует относительное выравнивание (табл. 1): на низшем уровне приближение к адекватности трехсложных структур при несформированности одно-, двух- и шестисложных; на высшем уровне – частичное выравнивание сильно- и слабовыделенных слогов.

Т а б л и ц а 1

Динамика становления иноязычных акцентно-ритмических структур
в языковом сознании испытуемых, медиальный этап, %

Типы акцентно-ритмической структуры	Эталон	Испытуемый		
		1	2	3
односложные	3	16	17	15
двусложные	26	33	30	31
трехсложные	36	27	28	25
четырёхсложные	23	18	21	24
пятисложные	3	4	2	3
шестисложные	9	2	2	2
Σ	100	100	100	100

Третий этап показывает, что низший уровень ритма практически завершает свое становление: выявляется соответствие эталону в двух-, трех- и четырехсложных структурах и приближение к нему – в шестисложных, то есть тех характеристик, которые действительно свойственны французской аутентичной речи (табл. 2). Это дает основание судить о вполне приемлемом перцептивно-артикуляторном становлении у испытуемых статического ритма.

Т а б л и ц а 2

Динамика становления иноязычных акцентно-ритмических структур
в языковом сознании испытуемых, завершающий этап, %

Типы акцентно-ритмической структуры	Эталон	Испытуемый		
		1	2	3
односложные	3	8	9	116
двусложные	26	26	26	25
трехсложные	36	28	33	34
четырёхсложные	23	24	22	23
пятисложные	3	7	4	5
шестисложные	9	7	6	7
Σ	100	100	100	100

В целом, на фоне адекватно функционирующего низшего высший иерархический уровень характеризуется меньшей степенью сформированности. У испытуемых сохраняются погрешности в реализации выделительных ударений, выполняющих экспрессивную функцию, и частично-выделенных слогов, обеспечивающих нюансировку смысловых единиц. Это приводит к отклонениям в динамическом ритме, в частности в распределении односложных и пятисложных структур. В итоге ни один испытуемый не сумел реализовать закономерности, полностью соответствующие норме акцентно-ритмической организации французской устной речи.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) установлены закономерности акцентно-ритмической структуры французской устной речи, которые могут рассматриваться как стандарт и использоваться в качестве нормативных моделей для основных сфер коммуникации;

2) определены особенности становления акцентно-ритмической структуры в иноязычном сознании и признаки, необходимые для ее нормирования на разных этапах освоения языка;

3) полученные результаты могут служить основой для разработки новых теоретически и методически значимых материалов, что станет шагом к стандартизации просодических компонентов французского языка и позволит анализировать динамику его освоения вне естественной языковой среды.

И. В. Скуратов (г. Москва, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И НЕОЛОГИЯ (МЕЖДУ АНОМАЛИЕЙ И НОРМОЙ)

В статье рассматриваются вопросы неологии с позиций языкового воображения, где конструктивная аномалия выступает как принцип регулярного образования слов, а аналогия выстраивает новый порядок на основе сходства и унификации в рамках новой, складывающейся системы. В творческом процессе аномалия выступает как исключение из правил, отступление от заданного порядка. Однако в языке действует закон аналогии, т. е. любое изменение в системе вызывает ее перестройку.

Ключевые слова: *неология, языковое воображение, реклама, норма, отклонение от нормы, творческий процесс.*

I. Skuratov (Moscow, Russia)

LINGUISTIC IMAGINATION AND NEOLOGY (Between Anomaly and Norm)

The article examines the issues of neology from the standpoint of linguistic imagination, where constructive anomaly acts as a principle of regular word formation, and analogy builds a new order based on similarity and unification

within the framework of a new, emerging system. In the creative process, anomaly acts as an exception to the rules, a deviation from the given order. However, in language, the law of analogy operates, i.e. any change in the system causes its restructuring.

Key words: *neology, linguistic imagination, advertising, norm, deviation from the norm, creative process.*

Partager son amour de la langue française, c'est nous en donner le goût, en insistant sur les beautés de cette langue que sur les dangers qui la menacent.

A partir d'un mot qu'on choisit, on cherche à en préciser le sens, l'étymologie, ainsi que l'évolution qui, en fonction des changements de la société, des découvertes scientifiques ou des réflexions des écrivains, charge ce mot de nuances nouvelles.

La néologie est le processus de formation de nouvelles unités. Tant qu'il y a des gens pour se servir d'une langue, elle est en perpétuel mouvement.

La néologie possède une double histoire: histoire des modes d'enrichissement du français, mais aussi histoire des idées relative à la créativité lexicale.

La création des unités lexicales nouvelles est orientée de façon à rendre plus facile la créativité.

Toute langue vivante intègre un *composant néologique*. L'impulsion qui déclenche l'apparition d'un néologisme se situe dans la communication, lorsqu'un locuteur a le sentiment que le stock de mots dont il dispose à un moment donné ne lui fournit pas le mot adéquat. C'est pourquoi le néologisme est d'abord un élément du discours [1, p. 5]. On dit souvent d'une langue qu'elle est belle, qu'elle est claire, d'une autre qu'elle est dure, que cette façon de dire est incorrecte ou vulgaire. D'où viennent de telles appréciations? D'un Imaginaire sur les langues.

De la publicité à la parole quotidienne

Les indices de l'**Imaginaire linguistique** découlent de la description lexicographique d'un apport de la publicité à la parole quotidienne (**positiver, bienvenue au club**).

Avec Carrefour je positive

Avec Troismoulins je positive

La formation de **positiver** est transparente: il a été formé sur l'adjectif **positif**.

C'est la forme de féminin, positive, qui a été utilisée. C'est la règle, voyez par exemple **activer** de **actif**, **objectiver** de **objectif**. C'est le féminin qui fournit à l'adjectif la forme qui donne lieu à la dérivation.

Contrairement à ce qu'on peut penser, le verbe **positiver** est loin d'être tout récent. Il a été créé en 1842 par Auguste Comte, l'auteur de *La philosophie positive*.

L'auteur s'exprime avec une admirable modestie: «On se proposait vainement de **positiver** la philosophie sociale».

Dans la pub de *Troismoulins*, **positiver** ne vient pas d'Auguste Comte [2].

La valeur épistémologique que la philosophie entendait lui donner est totalement ignorée.

Dans le message publicitaire, le verbe signifie «rendre positive une dépense», c'est-à-dire faire des économies en dépensant.

De cet emploi publicitaire, le verbe se répand dans l'usage quotidien: on vous conseillera peut-être de «positiver ce qu'il y a de négatif dans votre situation». A vous de comprendre.

Exemple de dérivé

Utopie positive

«Utopie: idéal, vue politique ou sociale qui ne tient pas compte de la réalité», dit le *Petit Robert* [3].

L'utopie positive est plus proche du rêve que l'utopie, car on la croit réalisable. Ainsi, supprimer la prostitution serait une *utopie positive*.

On ose imaginer qu'il puisse exister des «utopies négatives» ou des «utopies contreproductives».

La littérature et les mots

On dit que la littérature se fait avec des mots. Erick Orsenna dit des choses importantes tout en rendant heureux dans son petit bijou de culture et d'humour:

«Des mots innombrables, radieux sous le soleil. Ils se promenaient comme chez eux, ils étiraient dans l'air tranquillement leurs syllabes, ils avançaient, les uns sévères, clairement conscients de leur importance, amoureux de l'ordre, de la ligne droite. Les autres mots, beaucoup plus fantaisistes, incontrôlables, voletaient, caracolaient, cabriolaient comme de minuscules chevaux fous, comme des papillons ivres. Pas une seconde, je n'aurai imaginé qu'ils avaient chacun, comme nous, leur caractère» [4, p. 69].

Et à présent, quels mots utilisons – nous?

La multiplication des supports écrits favorise également la diffusion de termes argotiques empruntés à d'autres langues.

On se souvient de cette publicité visible dans les couloirs du métro parisien où une jeune musulmane déclare: «Je peux *gassar* sans compter», ce qui équivaut en français plus conventionnel à: «Je peux *papoter* sans compter».

Entre faute et norme

On dit que la publicité génère une langue fautive: s'agit-il d'une fiction fautive?

La notion de faute s'inscrit dans le système des normes prescriptives qui mettent en avant certains usages et les donnent comme les seules formes normales.

Quant aux rares fautes de syntaxe et de morphosyntaxe elles empruntent au registre oral, comme la juxtaposition: «*MAG-C*» = *Magnésium* + *vitamine C*. *1er hydratant-fortifiant* au magnésium et à la vitamine C (Vichy).

A l'inverse, les fautes orthographiques sont prépondérantes. La plupart d'entre elles sont des transcriptions phonétiques «sauvages»:

«**SIELMONMARI! ABACEDUJOLI**» (*texto*)

Si ces termes évoquent pour nous un mystérieux langage tribal, il est temps de nous intéresser aux textos, chats, mails et autres forums où s'écrit (ou se parle) une langue qui ne s'apprend dans une école, mais est utilisée quotidiennement en France par plusieurs millions de «tchacheurs».

Les constructions syntaxiques fautives sont peu nombreuses: «**SOURIRE LA VIE**» (Coca Cola).

S'agit-il d'un nouveau langage? Si c'est le cas, il a sans doute son vocabulaire, sa syntaxe, son orthographe ou peut-être même son système d'écriture propres. Comment l'apprendre? Écoles, cours particuliers, manuels? Ce nouveau langage serait-il la langue totalitaire décrit par Orwell dans 1984? [5]

Les nouvelles technologies transmettent la parole et l'écrit, elles constituent aujourd'hui une voie privilégiée d'accès aux connaissances et à la culture, disponibles dans une immense bibliothèque virtuelle, et constituent, comme un forum ou une agora planétaire un vaste espace de communication.

La pression néologique est le résultat d'une perception fautive de la langue de la publicité.

Gouvernée par la nouveauté, celle-ci éprouve rapidement les limites du lexique et recourt à l'expressivité par l'inédit, souvent aux marges de la néologie en utilisant des procédés habituellement peu usités.

Bernard Gardin parle à cet égard de «fonction **néologène**» [6, p. 69].

Cette surcharge néologique peut provoquer un rejet et participer à la construction d'une perception fautive.

Une langue, c'est beaucoup plus qu'une somme de règles grammaticales.

C'est un mélange subtil d'habitudes et de valeurs.

C'est aussi le fruit d'une longue maturation, dans laquelle les éléments successifs viennent ajouter à la richesse de l'ensemble.

Les Académies se développent, imitant les traditions françaises.

Des gens s'ouvrent à la langue française ou cherchent à s'y ouvrir, dans des endroits d'Afrique ou bien d'Asie. Il existe, encore souvent, en faveur de la France, un sentiment d'amour et de respect, et cela mérite d'être encouragé [7].

REFERENCES

1. Skouratov, I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке : монография. На франц. яз. / И. В. Скуратов. – М. : ИУУ МГОУ, 2016. – 158 с.
2. Houdbine-Gravaud, A-M. L'imaginaire linguistique / A-M. Houdbine-Gravaud. – Paris : Editions L'Harnattan, 2005. – 154 p.
3. Le Petit Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/utopies> (дата обращения: 08.09.2025).
4. Orsenna, E. La grammaire est une chanson douce / E. Orsenna. – Paris : Stock, 2002. – P. 69.
5. Anis, J. Parlez-vous texto? / J. Anis. – Paris : Le cherche midi éditeur, 2001. – 111 p.
6. Gardin, B. La néologie, aspects sociolinguistiques / B. Gardin // Langages 36. – 1974. – P. 69.
7. De Romilly, J. Dans le jardin des mots / J. de Romilly. – Paris : Editions de Fallois, 2007. – 344 p.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

Л. А. Грачева (г. Минск, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ГОЛОВА» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности соматических фразеологизмов с компонентом «голова» во французском и белорусском языках. Чаще всего в двух языках данные фразеологические единицы используются для характеристики человека, его действий и состояний. При совпадении некоторых значений соматизмов 'tête' и 'галава' в сравниваемых языках преобладают частично эквивалентные и безэквивалентные соматические фразеологические единицы, полные эквиваленты встречаются редко.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, соматизм, соматический фразеологизм, французский язык, белорусский язык.*

L. Gracheva (Minsk, Belarus)

LINGUOCULTURAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SOMATIC COMPONENT “HEAD” IN THE FRENCH AND BELARUSIAN LANGUAGES

The article examines the linguistic and cultural features of somatic phraseological units with the lexical component “head” in the French and Belarusian languages. In both languages, somatic phraseological units are predominantly used to characterize a person as well as his actions and states. While some meanings of the somatisms 'tête' in French and 'галава' in Belarusian coincide, partially equivalent and non-equivalent somatic phraseological units prevail, full equivalents being rare.

Key words: *phraseological unit, somatism, somatic phraseological unit, French language, Belarusian language.*

С древних времен человек использует названия частей тела, соизмеряя их с окружающим миром. Находясь постоянно перед глазами, части тела становятся своеобразными эталонами для сравнения, часто приобретая символический характер. Сопоставительное изучение соматических фразеологизмов французского и белорусского языков позволяет выявить национальные особенности фразеологической картины мира данных народов в единстве ее универсальных и уникальных характеристик.

От значимости тех или иных частей тела зависит тематическое многообразие фразеологизмов, включающих в себя соответствующий соматизм. Голова относится к важнейшим частям тела человека, что объясняет частое использование данного соматизма в составе фразеологических единиц.

Во французском языке слово *tête* ‘голова’ имеет следующие анатомические значения:

partie supérieure du corps humain de forme arrondie qui est rattachée au thorax par le cou, composée de deux parties (le crâne et la face), qui contient l'encéphale, les principaux organes des sens et l'extrémité supérieure des voies respiratoires et digestives ‘верхняя часть человеческого тела округлой формы, которая присоединяется к грудной клетке с помощью шеи, состоит из двух частей (черепа и лица), в которой находятся мозг, основные органы чувств и верхняя часть дыхательных и пищеварительных путей’ [1];

partie antérieure du corps des animaux, analogue à la tête de l'homme ‘передняя часть тела животных, похожая на голову человека’ [2, p. 1597].

Похожие значения имеет слово *галава* в белорусском языке:

верхняя частка цела чалавека, верхняя або пярэдняя частка цела жывёліны, якая заключае ў сабе мозг [3];

верхняя частка цела чалавека (або жывёлы), якая складаецца з чарапной каробкі і твару (або морды жывёлы) [4].

Соматизмы *tête* и *галава* используются для описания внешности человека, например, *avoir la tête (enfoncée) dans les épaules* ‘иметь очень короткую шею’ (досл. ‘иметь голову в плечах’); при визуальных ассоциациях, связанных с движением, положением головы человека: *(la) tête basse* ‘опустив голову, смиренно, покорно’, *(la) tête haute* ‘с высоко поднятой головой, с чувством своей правоты’, *baissier, courber la tête* ‘опустив голову, смириться, поникнуть головой, чувствовать себя пристыженным; признать себя виноватым’; *вешаць галаву* ‘сумаваць, маркоціцца’, *задраць галаву (нос)* ‘зазнацца, заганарыцца’, *навесіць (звесіць) галаву* ‘замаркоціцца, затужыць’, *падняць (узняць) галаву* ‘стаць бадзёрым, смелым, упэўненым’.

С анатомическим значением во французском языке связано также следующее описание: *tête, une fois qu'elle est séparée du corps* ‘голова, после того как она отделена от тела’. Например, *chasseurs de têtes* ‘охотники за головами’. *Peuplades aux mœurs primitives qui ont coutume de conserver la tête de leurs ancêtres ou d'hommes tués lors d'un combat, d'une expédition* ‘Народы с примитивными обычаями, у которых существует обычай сохранять головы своих предков или людей, убитых во время сражения или похода’ [1].

Слово *tête* имеет также значение *partie supérieure de la tête, où poussent les cheveux* ‘верхняя часть головы, где растут волосы’: *tête pelée* ‘плешиная, лысая голова’; *tête ébouriffée* ‘растрепанная голова’; *avoir la tête sale, grasse* ‘иметь грязную, сальную голову’. Подобные значения имеют и фразеологизмы в белорусском языке, например, *лысая галава, растрепаная галава*.

Голова рассматривается как верхняя часть тела человека (*la tête en tant qu'extrémité supérieure d'une personne* [1]) в следующих фразеологизмах: *des pieds à la tête; de la tête aux pieds* ‘с ног до головы, с головы до ног’; *з галавы да ног, з ног да галавы, з (ад) галавы да пят*.

Во французском языке соматизм *tête* может иметь следующее значение: *visage, en tant que les traits reflètent les sentiments, le caractère, l'état d'une personne* ‘лицо, поскольку черты лица отражают чувства, характер, состояние человека’ [1].

Примеры использования соматизма *tête* в данном значении многочисленны:

avoir une bonne tête (fam.) – avoir un visage sympathique, qui inspire confiance ‘иметь симпатичное лицо, которое внушает доверие’;

avoir une sale tête (fam.) – avoir un visage antipathique qui n'est pas agréable à regarder; avoir l'air fatigué, en mauvaise santé ‘иметь недружелюбное лицо, на которое неприятно смотреть; выглядеть уставшим, нездоровым’;

avoir une tête qui ne revient pas (à qqn) (fam.) – avoir une tête qui généralement est considérée comme antipathique ‘иметь лицо, которое обычно считается несимпатичным’;

avoir ses têtes – manifester à quelqu'un de l'amitié, de la bienveillance ou de l'aversion sans raisons objectives, sans motifs précis ‘проявлять к кому-либо дружбу, доброту или неприязнь без объективных причин, без конкретных мотивов’;

faire une tête d'enterrement, une tête de six pieds de long (fam.) – être triste, abattu ‘быть грустным, удрученным’;

avoir une (drôle de) tête (fam.) – manifester, par son expression, le désappointement, la colère, le mécontentement ressenti ‘передавать посредством выражения своего лица испытываемое разочарование, гнев или недовольство’;

faire la tête – manifester par une expression fermée du visage son mécontentement, sa mauvaise humeur; boudier ‘выражать свое недовольство или плохое настроение с помощью замкнутого выражения лица; дуться’ [1].

Характерным для французского языка является использование соматизма *tête* в следующем значении: désigne une personne en tant que caractéristique d'une activité connotée négativement; désigne une collectivité, une personne dont la physionomie reflète la faible capacité intellectuelle ‘обозначает человека, характеризуя его в зависимости от отрицательно окрашенной деятельности; обозначает человека (принадлежащего к определенному сообществу), чье лицо отражает низкие интеллектуальные способности’: *tête d'assassin, de coci, d'imbécile, d'ivrogne, de mouchard* ‘голова убийцы, рогоносца, слабоумного, пьяницы, стукача’; *tête de boche* ‘голова боша; медный лоб, упрямец, упрямый осел’, *tête de turc* ‘козел отпущения, предмет всеобщих насмешек’.

Следующее значение связано с профессиональной деятельностью, родом занятий: *avoir la tête de l'emploi* – avoir un visage qui correspond tout à fait à la profession, à l'activité exercée ‘иметь лицо, полностью соответствующее профессии, выполняемой деятельности’ [1].

Alors vous avez vu notre assassin? Comment le trouvez-vous? Tout à fait la tête de l'emploi ‘Так вы видели нашего убийцу? Как вы его находите? Абсолютно подходит для этой работы’.

Соматизм *tête* может использоваться в метонимическом значении для обозначения человека, индивида: *individu, personne* ‘индивид, человек’ [2, p. 1597]. Например:

tête blonde ‘маленький ребенок’;
têtes couronnées ‘коронованные особы’;
tête à tête, en tête à tête ‘лицом к лицу’;
par tête ‘на душу населения, на человека’;
par tête de pipe, de veau ‘на каждого, «на рыло»’;
vote par tête ‘голосование по числу голосов’.

В таком же значении, однако реже, чем во французском языке, используется и соматизм *галава*: *на галаву, з галавы; што галава, то розум*. Кроме того, в белорусском языке соматизм *галава* используется в значении ‘адзінка падліку жывёлы’ [4].

Соматизм *tête* часто используется в значении *vie d'une personne* ‘жизнь человека’ [1]:

jouer, risquer sa tête ‘рисковать головой’;
répondre de qqn, de qqch. sur sa tête ‘отвечать за кого-то, за что-то головой’;
demander la tête de qqn ‘требовать смертную казнь, высшую меру наказания для обвиняемого; требовать расправы над кем-либо’;
mettre à prix la tête de qqn ‘назначить цену за чью-то голову; предлагать вознаграждение за поимку или смерть кого-либо’;
jurer sur la tête de qqn ‘клясться чьей-либо головой’;
mettre sa tête à couper ‘дать голову на отсечение’;
payer de sa tête ‘поплатиться головой’.

В белорусском языке фразеологические единицы с соматизмом *галава*, используемым в значении ‘жизнь человека’ также отличаются высокой частотностью использования, причем значения фразеологизмов часто совпадают в двух языках: *адказваць галавою, ручацца галавой, даць галаву на адрэз (на адсячэнне), злажыць (скласці) галаву, наплаціцца галавой*.

Во французском языке слово *tête* имеет также следующие значения:

La tête en tant que siège de l'activité cérébrale, ou considérée du point de vue des activités intellectuelles et du psychisme ‘голова как место мозговой деятельности, или рассматриваемая с точки зрения интеллектуальной деятельности и психики’:

- a) *faculté intellectuelle, intelligence, esprit, réflexion* ‘интеллектуальные способности, ум, работа мысли, размышление’;
- b) *mémoire* ‘память’;
- c) *un état d'esprit, un état affectif* ‘состояние ума, эмоциональное состояние’;
- d) *un état mental* ‘психическое состояние’;
- e) *un trait de caractère* ‘черта характера’ [1].

Анализ практического материала показал, что в белорусском языке соматизм *галава* в составе фразеологических единиц может передавать те же значения, однако преобладающими в двух языках оказались фразеологизмы, характеризующие умственные способности человека. В качестве примера во французском языке можно привести следующие фразеологические единицы:

avoir une grosse tête (fam.) ‘быть умным, «башковитым»’;
(*avoir, être*) *une bonne tête* ‘быть разумным человеком; внушать доверие’;
être une forte tête ‘обладать большими интеллектуальными способностями’;

avoir une petite tête ‘быть недалекого ума’;

avoir la tête vide ‘быть неспособным думать, размышлять о чем-либо’;

femme, homme de tête ‘женщина, мужчина, одаренные умом, волей и решительностью; рассудительные, мало обращающие внимания на чувства’.

В белорусском языке: *вялікая галава, з галавой, галава варыць, мець галаву (на плячах), залатая галава, разумная галава, светлая галава, без галавы, вецер (гуляе) у галаве, авечая галава, галава і два вухі, клёнкі ў галаве не хапае, няма галавы, яловая галава, садовая галава*.

Следует отметить частое использование во французском языке орнитонимов при характеристике человека глупого, поверхностного, легкомысленного: *tête d'oiseau, de moineau, de linotte* (досл. ‘голова птицы, воробья, коноплянки’).

В словарях двух языков фиксируется значение лидерства, авторитета и власти, присущее соматизмам *tête* и *галава*.

Во французском языке слово *tête* может иметь значение *personne, instance qui conçoit, dirige, organise, fait agir les autres suivant une direction, pour atteindre un but déterminé* ‘личность, орган, который проектирует, направляет, организует, заставляет других действовать в определенном направлении для достижения определенной цели’: *la tête de* – *les meneurs, les organisateurs, les personnes les plus représentatives* ‘лидеры, организаторы, самые представительные люди’, *les grosses têtes* – *les principaux dirigeants* ‘главные лидеры’ [1].

В белорусском языке отмечается следующее значение соматизма *галава*: *кіраўнік, начальнік; старэйшы ў сям’і*. Кроме того, в историческом контексте данное слово используется в значении ‘старшыня і кіраўнік некаторых выбарных органаў у дарэвалюцыйнай Расіі, а таксама ваеннае або грамадзянскае званне’ [3].

Таким образом, многие значения соматизмов *tête* и *галава* в составе фразеологизмов в сравниваемых языках совпадают. Чаще всего в двух языках используются соматизмы для характеристики человека, его действий и состояний. Вместе с тем наблюдается ряд отличий в использовании фразеологизмов с данными соматическими компонентами. Во французском языке, в отличие от белорусского языка, наблюдается частое использование соматизма «голова» в значении «лицо как отражение чувств, характера, состояния человека» (*avoir une bonne (sale) tête*). Следует также отметить частое использование во французском языке соматизма «голова» для характеристики человека в зависимости от его деятельности или принадлежности к определенному сообществу (часто в отрицательном значении) (*tête d'assassin, de mouchard, de boche, de turc*). Для сравниваемых языков

характерно частое использование соматизма «голова» для характеристики умственной деятельности человека. Что касается характеристики моральных качеств человека использование фразеологизмов с данным соматическим компонентом более характерно для французского языка (*tête brulée, tête faible, tête froide*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionnaire français. Centre national de ressources textuelles et lexicales // Lexilogos. – URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/tete> (дата обращения: 18.12.2024).
2. Dictionnaire Hachette. – Paris : Hachette livre, 2006. – 1858 p.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы // Skarnik моўны скарб. – URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/16345> (дата звароту: 11.01.2025).
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы // Verbum. – URL: <https://verbum.by/?q=галава&in=tsblm> (дата звароту: 09.01.2025).

Е. Б. Греф (г. Псков, Россия)

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОЛОФРАЗИСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале романа Д. Митчелла «Облачный Атлас»)

Статья посвящена изучению голофразиса как средства выражения семантических вариантов категории экспрессивности в англоязычном художественном тексте. Активность голофразиса как способа словообразования обусловлена развитием тенденций аналитизма в английском языке и стремлением к речевой компрессии. В ходе исследования делается вывод о том, что способы репрезентации семантики категории экспрессивности (стилистические вкрапления) передают широкий спектр эмоционально-оценочных оттенков в речи и усиливают восприятие высказывания читателем.

Ключевые слова: *голофразис, голофрастическая конструкция, экспрессивный потенциал, речевая компрессия, художественный текст.*

E. Gref (Pskov, Russia)

EXPRESSIVE POTENTIAL OF ENGLISH HOLOPHRASIS (Based on the Material of Novel *Cloud Atlas* by D. Mitchell)

The article focuses on the problem of holophrasis as a means of the category of expressivity realization in an English literary text. The active implementation of holophrasis as a method of word formation is due to the development of analytical

tendencies in the English language and the principle of speech economy. The study concludes that the ways of representing the semantics of the category of expressivity (stylistic inclusions) convey a wide range of emotional and evaluative connotations and enhance the reader's perception of the text.

Key words: *holophrasis, holophrastic construction, expressive potential, speech economy, literary text.*

В настоящее время все более распространенными становятся способы английского словообразования, способствующие экономии речевых усилий. Особое место среди них занимает голофразис. Актуальность проблемы исследования обусловлена необходимостью изучения голофразиса как способа словообразования в связи с развитием тенденций аналитизма в английском языке и стремлением к речевой компрессии. Кроме того, голофрастические конструкции все чаще используются в современной художественной литературе, что определяет научную целесообразность системного анализа голофразиса как средства выражения семантических вариантов категории экспрессивности в художественном тексте.

В научной литературе до сих пор не существует единого термина для данного феномена. Подобные образования называют «фразовыми композициями», «поликомпонентными окказиональными образованиями синтаксического типа», «компрессивами», «сложными словами синтаксического типа», «метафорической транспозицией» [1, с. 154–155]. Кроме того, существует проблема определения языкового статуса данных образований, поскольку некоторые исследователи причисляют их к отдельной группе окказиональных или потенциальных слов [2, с. 31]. В качестве опорного для данного исследования выбрано широкое определение голофразиса как слияния в одно слово словосочетания, предложения или нескольких предложений [3, с. 21].

Как отмечает И. А. Ковынева, основными причинами появления голофразиса и его словообразовательного продукта – голофрастических конструкций – являются «особенности современного мышления и менталитета» [4, с. 99]. По верному наблюдению И. А. Столяровой, лингвокреативные механизмы словосложения, способствующие развитию и обогащению языка, обусловлены несоответствием между миром мысли и миром слов, асимметричностью глубинного мыслительного содержания и его языкового выражения [5].

Со структурной точки зрения голофрастические конструкции могут быть представлены несколькими видами, в зависимости от лексического состава словосочетания или синтаксической структуры предложения. В анализируемом произведении были выявлены голофрастические конструкции, образованные от 1) аффиксально неоформленных словосочетаний, например, *hour-before-dawn; dead-of-night*; 2) повествовательных предложений: *I'm-an-outraged-feminist; Limey-Aristo-Gets-Comeuppance-from-Downtrodden-Gaelic-Son*.

Модели, по которым образуются голофрастические конструкции, могут быть продуктивными и непродуктивными [6]. Продуктивные модели образуются от словосочетаний, а не предложений, количество конstituирующих элементов не превышает трех, в их состав входят служебные элементы. Большинство многокомпонентных единиц, созданных по непродуктивным моделям, не представлены в словарях и ограничены рамками контекста, в котором используются. Голофрастические конструкции как окказиональные образования можно рассматривать как результат творческого использования правил словообразования или, наоборот, намеренного их нарушения. В этом смысле голофрастические конструкции могут представлять собой вариант языковой игры. В исследуемом произведении большинство голофрастических конструкций образовано по непродуктивным моделям (62 %): *I'm-an-outraged-feminist* (Prn-Art-Adj-N); *listen-I've-been-in-the-business-thirty-years* (V-Prn-V-PP-Prep-Art-N-Num-N(pl)); *day-in-the-life-of-a-scientist* (N-Prep-Art-N-Prep-Art-N). К наиболее типичным продуктивным моделям относятся: *N-to-N coast-to-coast*; *N-and-N block-and-tackl*; *Not-Adv-Adj not-so-young*; *Adj-of-N dead-of-night*; *Adj-and-Adj black-and-white, red-and-blue, pearl-and-tangerine*; *Adv+Adv before-and-after*.

Голофрастические конструкции в основном встречаются в текстах художественной литературы и используются авторами для придания повествованию большей эмоциональной окрашенности. В художественном тексте автор может прибегнуть к использованию голофрастической конструкции в том случае, если для создания художественного образа или выражения идеи имеющихся общепринятых языковых средств недостаточно.

Согласно определению Б. Тошовича, экспрессивность – это категория, 1) охватывающая гомогенные и гетерогенные связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, 2) отражающая и выражающая сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение А (отправителя, автора, говорящего) к В (получателю, реципиенту, собеседнику) или С (предмету, содержанию сообщения), 3) обладающая функцией воздействия и 4) служащая для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения [7, с. 9].

По нашим наблюдениям, голофразис обнаруживает несколько способов актуализации экспрессивного значения. Во-первых, необходимо отметить лексический способ, который подразумевает присутствие вариантов экспрессивности (эмотивности, интенсивности, стилистической окраски, образности) в лексическом значении слов, входящих в состав голофрастической конструкции. Данные семантические варианты категории экспрессивности представлены в коннотации слова и тем самым передают в речи коннотативную экспрессивность.

Рассмотрим проблему репрезентации экспрессивности голофразиса как способа словообразования на основе анализа романа Д. Митчелла «Облачный атлас» (2004), а также определим функции данных экспрессивных единиц в произведении. Корпус проанализированных примеров составил 35 языковых единиц.

Обратимся к анализу примера из текста произведения:

*The American publishers, glory glory Hallelujah, they loved the **Limey-Aristo-Gets-Comeuppance-from-Downtrodden-Gaelic-Son** hook, and a transatlantic auction skyrocketed the advance to giddy heights* [8, p. 137].

Разговорная окраска и эмоциональная оценка выражаются в коннотации входящих в состав голофрастической конструкции сленгизмов: *Limey* (русск., сл.: «англичанин») и *Aristo* (усеченный вариант лексической единицы «aristocrat»), посредством которых реализуется презрительное отношение персонажа – потомка кельтов, некогда эмигрировавших в Америку, к своему сопернику-англосаксу. Голофрастическая конструкция, представленная простым двусоставным предложением, компоненты которого объединены дефисным написанием, в сжатой форме передает исторический контекст, а также эмоционально-оценочную коннотацию, создавая яркий художественный образ.

Голофрастическая конструкция, будучи стилистическим вкраплением, может одновременно представлять собой какой-либо троп (метафору, сравнение, гиперболу и др.):

*Friends? I crossed off those to whom I owed money, the dead, the **disappeared-down-time's-rabbit-hole**, and I was left with...* [8, p. 143]

Метафора «disappeared-down-time's-rabbit-hole» содержит идиому «go down the rabbit hole», являющуюся аллюзией на «Алису в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла. Данный авторский неологизм усиливает образность высказывания и передает подавленное эмоциональное состояние героя, а также выражает его самоиронию.

В следующем примере голофрастическая конструкция содержит гиперболу:

*Did I ever lie to get my story? **Ten-mile-high** whoppers every day before breakfast, if it got me one inch closer to the truth* [8, p. 104].

Посредством использования гиперболы «ten-mile-high» выражается ироническое отношение говорящего к описываемой ситуации, усиливается эмоциональность и образность высказывания.

Экспрессивные голофрастические конструкции встречаются в описании поведенческих характеристик героев, отражая различные эмоциональные состояния и отношения участников коммуникации:

*“He was murdered, Jakes.” Jakes represses a **here-we-go-again** face* [8, p. 104].

Английская идиома *here we go again* (русск.: *взяться за старое, опять все сначала, вот опять, снова, ну вот*) выражает недовольство какими-либо повторяющимися действиями. Использование данной идиомы в качестве фразового эпитета создает эффект неожиданности и усиливает образность описания, подчеркивая эмоционально-оценочное отношение персонажа к высказыванию собеседника.

Использование экспрессивных голофрастических конструкций создает своеобразный эффект погружения в живую, насыщенную эмоциональными красками речь. Например, в следующих высказываниях передана не только разговорная стилистическая окраска, но и эмоциональная оценка ситуации главной героиней и ее собеседником (раздражение, сарказм):

Don't you dare give me the I'm-an-outraged-feminist act [8, p. 108].

Then don't give me the listen-I've-been-in-the-business-thirty-years act!
[7, p. 108]

Экспрессивность данного фрагмента, содержащего диалог, усиливается синтаксическим параллелизмом, который в теории выдвижения является реализацией принципа сцепления.

Еще одна важная функция исследуемых нами структур – это формирование денотативного пространства романа «Облачный атлас», обозначение объектов и процессов в художественном произведении, а также их качественных характеристик.

Рассмотрим пример, в котором название исторических процессов и событий экспрессивно маркировано:

Frobisher, today I'd like you to come up with some themes for my Severo movement. Something eve-of-war-ish in E minor [8, p. 401].

Использование автором голофрастической конструкции «eve-of-war-ish» в данном примере способствует активизации ассоциативного восприятия читателя и создает напряжение в тексте.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Активность голофразиса как способа словообразования объясняется развитием тенденций аналитизма в английском языке и стремлением к речевой компрессии. В художественном тексте голофразис проявляет себя как продуктивное средство выражения семантических вариантов категории экспрессивности. Способы репрезентации семантики категории экспрессивности (стилистические вкрапления) часто дополняют друг друга, передают широкий спектр эмоциональных оттенков в речи и усиливают восприятие высказывания читателем. В качестве обобщения отметим, что, реализуя свои лингвистические и текстовые функции, голофрастические конструкции взаимодействуют с общей категорией эстетического в литературном произведении и создают напряженность текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нухов, С. Ж. Языковая игра в словообразовании (на материале лексики английского языка): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Нухов Салават Жавдатович ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1997. – 371 с.
2. Антюфеева, Ю. Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Антюфеева Юлиана Николаевна ; Тульск. гос. пед. ун-т им Л. Н. Толстого. – Тула, 2004. – 184 с.
3. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Изотов Владимир Петрович ; Орлов. гос. ун-т. – Орёл, 1998. – 148 с.

4. Ковынева, И. А. Голофразис в лингво-философском осмыслении / И. А. Ковынева // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 3. – № 5. – С. 99–101.

5. Столярова, И. А. Лингвокреативные механизмы словосложения: на материале номинативных комплексов в романе Джеймса Джойса "Улисс" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Столярова Ирина Александровна ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2003. – 178 с.

6. Алешина, А. А. Классификация голофрастических конструкций в английском языке (на материале романа L. Weisberger «The Devil Wears Prada») / А. А. Алешина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – Т. 4. – № 60. – С. 115–117.

7. Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербско-го/хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 557 с.

8. Mitchell, D. Cloud Atlas / D. Mitchell. – London : Hodder and Stoughton, A Division of Hodder Headline, 2004. – 449 p.

С. С. Ключенович (г. Минск, Беларусь)

СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ:
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ГРУППА
КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Одной из ярких особенностей современного немецкого языка является открытость первой позиции сложного слова для словосочетаний. В рамках рассматриваемого словообразовательного типа происходит столкновение морфологии и синтаксиса. В статье исследуется также вопрос графического оформления производных такого типа. По ходу развертывания текста возможно появление целой серии композитов с одинаковой инкорпорированной синтаксической группой.

Ключевые слова: *словосложение, композит, синтаксическая группа, словообразовательный элемент, инкорпорация.*

S. Klyuchenovich (Minsk, Belarus)

COMBINE THE INCOMPATIBLE:
SYNTACTIC GROUP AS A WORD-FORMATIVE ELEMENT

One of the striking features of modern German is the openness of the first position of a compound word for word-groups. Morphology and syntax confront within the word-formation type under consideration. The article also investigates the issue of graphic design of derivatives of this type. As the text unfolds, a series of compounds with the same incorporated syntactic group may appear.

Key words: *composition, compound, syntactic group, word-formative component, incorporation.*

Словосложение в современном немецком языке представляет собой наиболее продуктивный способ образования новых слов [1, S. 139; 2, с. 13; 3, S. 61; 4, S. 34; 5, S. 125]. На это же указывают исследователи, сопоставляя немецкий язык с другими германскими языками [6].

Указанный факт создает предпосылки для еще одной яркой характеристики современного немецкого языка, которая заключается в открытости первой позиции сложного слова для словосочетаний. Проиллюстрируем сказанное на примерах:

- *Vier-Tage-Woche* ‘четырёхдневная (рабочая) неделя’;
- *Formel-1-Fahrer* ‘пилот «Формулы 1»’;
- *Industrie- und Handelskammer* ‘торгово-промышленная палата’;
- *Dritte-Welt-Realität* ‘реальность третьего мира’;
- *Mitte-rechts-Regierung* ‘правоцентристское правительство’;
- *Ich+Wir-Sichtweise* [7] ‘мировоззрение по принципу «я + мы»’.

Если обратить внимание на те синтаксические группы, которые инкорпорированы в универб в качестве определяющего компонента, то можно констатировать их структурно-частеречную разнотипность. Достаточно сравнить хотя бы следующие словосочетания:

- *vier Tage* ‘четыре дня’;
- *Formel 1* ‘Формула 1’;
- *Industrie und Handel* ‘промышленность и торговля’;
- *Mitte rechts* ‘центр + справа’;
- *ich + wir* ‘я + мы’.

Как видим это и разные типы синтаксической связи (сочинение vs. подчинение), и неоднородный частеречный состав (числительные, существительные, наречия, местоимения).

Немецкий лингвист К. Хайн закономерным образом ставит вопрос о том, насколько включение синтаксической конструкции в структуру композита в качестве одного из его компонентов соответствует пониманию норм словообразовательной системы как таковой. В результате своего исследования лингвист приходит к выводу, что подобные производные, в которых происходит смычка морфологии и синтаксиса, играют исключительно важную роль в создании окказионализмов [8, S. 331] (ср. также [9]).

Окказиональные универбы, в составе которых в качестве определяющего компонента фигурирует синтаксическая группа, не редки в современном немецком дискурсе, особенно в тех случаях, когда возникает прагматическая необходимость в создании компактной единицы номинации.

Рассмотрим несколько примеров из современной немецкой прессы.

Der Industriekonzern Thyssen-Krupp hat die Beteiligung des tschechischen Milliardärs Daniel Kretinsky an seiner Stahlsparte Thyssen-Krupp Steel abgeschlossen. <...> Auch mit der 20-Prozent-Beteiligung wird die Stahlsparte vorerst weiterhin durch den Thyssen-Krupp-Konzern finanziert [10] ‘Промышленный концерн «Тиссен-Крупп» завершил сделку с чешским миллиардером Даниэлем Кретинским о приобретении доли в «Тиссен-Крупп Стал». Несмотря на продажу 20-процентного пакета акций производитель стали пока по-прежнему будет финансироваться концерном «Тиссен-Крупп»’.

Aleph Alphas aufgeblasene 500-Millionen-Finanzierung

Hat das Heidelberger KI-Start-up Aleph Alpha Ende 2023 wirklich eine Kapitalspritze über 500 Mio. Dollar von Investoren bekommen? Interne Unterlagen wecken Zweifel [11]

‘Финансовый пузырь «Алеф Альфы» в 500 миллионов

Гейдельбергский стартап в сфере искусственного интеллекта «Алеф Альфа» действительно получил в конце 2023 года более 500 млн долларов от инвесторов? Внутренняя документация заставляет усомниться в этом’.

Оба немецких производных *20-Prozent-Beteiligung* ‘20-процентное долевое участие’ и *500-Millionen-Finanzierung* ‘финансирование в объеме 500 миллионов’ являются довольно типичными реализациями исследуемого словообразовательного типа в современном медийном дискурсе экономической тематики. Подобные единицы представляют собой продукт речевого словообразования и не подлежат лексикографической фиксации в силу практически бесконечной вариативности в определяющем компоненте универба.

Обратимся также к некоторым иллюстративным фрагментам, заимствованным из современной художественной литературы.

...erschrocken starrten sie zusammen auf die Glocken, die sich unerbittlich in ihren Lagern bewegten, die Glocken des Campanile von San Marco in ihrem Neun-Uhr-Geläut [12, S. 141] ‘...испуганно они вместе уставились на колокола, которые неумолимо раскачивались в своих подшипниках, колокола Кампанилы Сан-Марко, исполняя свой девятичасовой звон’.

Мы видим, что художественный текст также открыт к появлению универбов, где в качестве определяющего компонента возможно включение переменного синтаксического словосочетания (*neun Uhr* ‘девять часов’).

Рассмотрим еще один фрагмент.

...dieser Mann war zwei Meter hoch und zwei Meter breit und war in ein grellbuntes Stoffgemälde gekleidet, auf dem Palmen und Sand und ein leuchtend blauer Himmel und grüne Kolibris zu sehen waren sowie ausladende Paradiesblüten, die aus einer Art Dschungel auf den Strand hingen. Dieses Strand- und Dschungelgemälde... [13, S. 143] ‘...этот мужчина был два метра ростом и два метра в ширину, одет он был ярко-пеструю тканевую картину, на которой можно было видеть пальмы, песок, голубое небо, зеленых колибри, а также большие райские цветы, которые из своего рода джунглей свисали над побережьем. Эта картина с побережьем и джунглями...’

Синтаксическое совмещение двух имен *Strand*, *Dschungel* на основе сочинительной связи происходит в рамках именной группы *Strand und Dschungel*, которая в результате вовлечения в последующий словообразовательный процесс становится определяющим компонентом окказионального композита *Strand- und Dschungelgemälde*.

Следующий пример также представляет лингвистический интерес.

...aus dem Pavone-Tea-Room-Zauber hatte er sie in die Realität zurückgerufen, in die Zehntausend-Lire-Realität [12, S. 87] ‘...из очарования чайной комнаты отеля «Павоне» он вернул ее в реальность, в реальность десяти тысяч лир’.

Авторское новообразование *Zehntausend-Lire-Realität* являет собой пример еще одного окказионализма. Это емкое производное не только компактирует в своей структуре сочетание *zehntausend Lire* ‘десять тысяч лир’, преобразуя его в словообразовательный компонент, но и имплицитно еще коннотацию, связанную с эмоциональным состоянием героини, испытывающей финансовые проблемы.

Как показали приведенные примеры, окказиональные универбы с синтаксической группой в качестве определяющего компонента являют собой довольно распространенное явление как в текстах прессы, так и в художественных произведениях.

Современный немецкий язык открыт также к иноязычным заимствованиям и вкраплениям. Особую распространенность в последнее время обрели англо-американизмы, что естественным образом отражается и на исследуемом типе производных. Приведем примеры:

- *Open-Air-Konzert* ‘концерт на открытом воздухе’;
- *High-Tech-Euphorie* ‘эйфория по поводу высоких технологий’;
- *Social-Media-Bann für Jugendliche* ‘запрет на пользование соцсетями для несовершеннолетних’;
- *Emerging-Markets-Anleihen* ‘корпоративные облигации растущих рынков’.

Эмпирический материал демонстрирует примечательный факт, а именно непоследовательность орфографического оформления новообразований исследуемого типа. Проследим это на конкретных примерах:

Um uns ist die dunkelste Dunkelheit der alten Frey & Söhne-Fabrik [14, S. 14] ‘Вокруг нас темнейшая темнота старой фабрики «Фрай и сыновья»’.

...sagt der Morgan Stanley-Analyst Kevin Gardener [15, S. 47] ‘...заявляет аналитик «Морган Стенли» Кевин Гарденер’.

Diese Woche gab die Kastner-&-Öhler-Tochter Gigasport bekannt, sich von vier ihrer 14 Standorten zu trennen [16, S. 16] ‘На этой неделе дочерняя компания австрийской сети универмагов «Кастнер энд Элер» «Гигашпорт» сообщила, что планирует продать четыре из своих 14 магазинов’.

Указанная непоследовательность касается использования дефиса, необходимого в словообразовательных конструкциях такого типа для индикации границ композита. Очевидно, что авторы создаваемых производных ощущают конфликт, возникающий в результате словообразовательного акта между морфологией и синтаксисом. Это и объясняет их некоторую неуверенность в использовании дефиса в случае с *Frey & Söhne-Fabrik* и *Morgan Stanley-Analyst*. В итоге, как представляется, они не решаются нарушить визуальную узнаваемость соответствующих названий и пожертвовать синтаксико-графической атрибутикой на алтаре словосложения. Лишь в третьем примере *Kastner-&-Öhler-Tochter* можно наблюдать последовательное использование сквозного дефиса, призванного четко (графически однозначно) объединить все компоненты в одно сложное слово.

Если продолжить эту мысль о степени срастания компонентов, участвующих в словообразовательных актах подобного рода, то логично обра-

тить внимание на ту группу примеров, где таковая связь является еще более тесной. В эту группу входят такие слова, как *Mehrfamilienhaus* ‘многоквартирный дом’ (*mehrere Familien* ‘несколько семей’), *Zweidrittelmehrheit* ‘большинство в две трети’ (*zwei Drittel* ‘две трети’). Как видим, здесь отсутствуют не только межсловные пробелы, столь характерные для синтаксической группы, но и сквозные соединительные дефисы. Вместо этого можно наблюдать слитное написание, как в «обычном» сложном слове наподобие *Elternhaus* ‘родительский дом’ или *Hochschule* ‘высшее учебное заведение’. Сопоставление разных типов исследуемых производных позволяет сделать вывод, что слитность написания сложного слова, где в качестве первого компонента выступает синтаксическая группа, объясняется лексикализацией этих производных и их словарной фиксацией, обусловленной их значимостью в жизни языкового коллектива.

Корпус анализируемого материала демонстрирует еще одну интересную особенность производных исследуемого словообразовательного типа. По ходу развертывания текста синтаксическая группа способна вступать в словообразовательный контакт с разными субстантивными лексемами. Рассмотрим фрагмент из современного художественного произведения.

*Berti drückt sich vor seiner **Große-Stadt-Aufgabe**, bei der es darum geht, dass man sich keinen Zentimeter vom Mercedes entfernen darf. In der großen Stadt, sagt Vater, stehlen die Leute alles, und unser Mercedes ist neuseelandgrün, willst du, dass er uns gestohlen wird?* [14, S. 70] ‘Берти пытается увильнуть от своей задачи для большого города, которая предполагает, чтобы он ни на сантиметр не отходил от «Мерседеса». В большом городе, говорит отец, всё крадут, а наш «Мерседес» цвета новозеландской зелени, ты что хочешь, чтобы его украли?’

*Der **Große-Stadt-Tag** muss verschoben werden* [14, S. 70] ‘Надо перенести день большого города’.

*Ein guter Tag für die große Stadt, sagt Vater, und ich muss ihm recht geben, denn der Himmel ist sehr blau, überhaupt müsste ich eine beste Stimmung in mir haben, eine **Große-Stadt-Stimmung** sogar* [14, S. 71] ‘Прекрасный день для большого города, говорит отец, и мне приходится с ним согласиться, ведь небо ярко-голубое, вообще мне нужно быть в наилучшем настроении, настроении, соответствующем большому городу’.

На небольшом текстовом отрезке писатель создает три сложных слова *Große-Stadt-Aufgabe*, *Große-Stadt-Tag*, *Große-Stadt-Stimmung*. Мы видим, что с участием одной и той же синтаксической группы *große Stadt* ‘большой город’ возникает целая серия броских и одновременно емких окказионализмов.

Подводя итог нашему исследованию, сформулируем выводы.

Одной из ярких особенностей современного немецкого языка является открытость первой позиции сложного / сложнопроизводного слова для словосочетаний, отмеченных как разными типами синтаксической связи, так и неоднородным частеречным составом.

Современный дискурс являет также примеры инкорпорирования иноязычных синтаксических групп в состав немецкого универба.

Эмпирический материал демонстрирует непоследовательность орфографического оформления немецких сложных слов, включающих в качестве компонента синтаксическую группу. Так, возможны три варианта оформления: а) стыковочный дефис, б) сквозной дефис, в) слитное написание.

Подобная вариантность объясняется целым рядом причин: во-первых, столкновением правил морфологии и синтаксиса при образовании подобных производных; во-вторых, нежеланием автора нарушить визуально-графическую узнаваемость раздельнооформленных (несколькословных) имен собственных; в-третьих, степенью срастания компонентов, участвующих в словообразовательных актах подобного рода; в-четвертых, значимостью производных в жизни языкового коллектива как воспроизводимых единиц номинации; в-пятых, лексикализацией этих производных и их словарной фиксацией.

Прагматическая установка в сочетании с авторской интенцией позволяют синтаксической группе реализовать в ходе текстопостроения свою способность вступать в словообразовательный контакт с разными субстантивными лексемами, что открывает возможность образования целой серии окказионализмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stepanova, M. D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / M. D. Stepanova, I. I. Černyševa. – 2., verbess. Aufl. – Moskau : Academia, 2005. – 251 S.
2. Яковлюк, А. Н. Семантические аспекты взаимодействия простых многозначных и сложных однозначных слов современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Яковлюк Александр Николаевич ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2010. – 51 с.
3. Elsen, H. Grundzüge der Morphologie des Deutschen / H. Elsen. – 2., aktual. Aufl. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. – 350 S.
4. Donalies, E. *Eine Zeitlang* – über die ärgerliche Univerbierung / E. Donalies // Sprachreport. – 2016. – Jg. 32, H. 2. – S. 34–39.
5. Hanneschläger, V. Poetische Brücken über sprachliche Lücken. Kompositabildung und Gapping in Peter Handkes „Bildverlust“ und „Kali“ analysiert mit corpuslinguistischen Methoden / V. Hanneschläger, W. U. Dressler // Studia austriaca. – 2017. – XXV. – S. 119–139.
6. Finkbeiner R. Compounds and multi-word expressions in the languages of Europe / R. Finkbeiner, B. Schlücker // Complex Lexical Units: Compounds and Multi-Word Expressions / Hg. B. Schlücker. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2019. – S. 1–44. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110632446-001>.
7. Lecjewejski, K. Wider die Moralische Anarchie in der Gemeinschaft / K. Lecjewejski // Süddeutsche Zeitung. – 1996. – 9. Sept. – S. 7.

8. Hein, K. Phrasenkomposita – ein wortbildungsfremdes Randphänomen zwischen Morphologie und Syntax? / K. Hein // Deutsche Sprache. – 2011. – Heft 4. – S. 331–361.
9. Meibauer, J. How marginal are phrasal compounds? Generalized insertion, expressivity, and I/Q-interaction / J. Meibauer // Morphology. – 2007. – Vol. 17, iss. 2. – P. 233–259.
10. Wermke, I. Kretinsky hält nun 20 Prozent am Stahlgeschäft von Thyssen-Krupp / I. Wermke // Handelsblatt. – 2024. – 31. Juli. – URL: www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/industriekonzern-kretinsky-haelt-nun-20-prozent-am-stahlgeschaef-von-thyssen-krupp/100056587.html (date of access: 17.11.2024).
11. Schwär, H. Aleph Alphas aufgeblasene 500-Millionen-Finanzierung / H. Schwär, C. T. Schlenk // Capital. – 2024. – 9. Juli. – URL: <https://www.capital.de/wirtschaft-politik/aleph-alpha--die-aufgeblasene-500-millionen-finanzierung-der-ki-hoffnung-34864132.html> (date of access: 17.11.2024).
12. Andersch, A. Die Rote / A. Andersch. – Zürich : Diogenes, 1993. – 236 S.
13. Nawrat, M. Die vielen Tode unseres Opas Jurek / M. Nawrat. – Reinbek b. Hamburg : Rowohlt, 2015. – 411 S.
14. Nawrat, M. Unternehmer / M. Nawrat. – Reinbek b. Hamburg : Rowohlt, 2015. – 137 S.
15. Morgan Stanley rät zu britischen Konsum- und Finanzaktien / tik // Handelsblatt. – 1999. – Nr. 186. – S. 47.
16. Kainrath, V. Der Sporthandel rast durch die Krise / V. Kainrath // Der Standard. – 2024. – 17. Okt. – S. 16.

Т. А. Козлова (г. Минск, Беларусь)

ПРИЗНАК ‘РЕЛИГИОЗНОСТЬ’ В СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

В статье на основании данных этимологических словарей устанавливается взаимосвязь английских, белорусских и русских наименований моральных качеств и экстралингвистической области «Религия». Данная связь проявляется в признаках мотивации, положенных в основу наименований моральных качеств. Установлено, что при функционировании лексем в тексте происходит актуализация семантического признака ‘религиозность’, а также семантическое развитие наименований моральных качеств.

Ключевые слова: *наименования моральных качеств, сема, сопоставительное языкознание, семантика, признак мотивации.*

T. Kazlova (Minsk, Belarus)

The article focuses on the relationship of English, Belarusian and Russian names of moral qualities and extralinguistic area “Religion” on the basis of the etymological dictionaries. The connection is manifested in the motivation markers

of the names of moral qualities. It is established that when a lexeme functions in the text, the semantic feature of 'religiosity' is revealed as well as the semantic development of the names of moral qualities.

Key words: *names of moral qualities, seme, comparative linguistics, semantics, motivation marker.*

Источником происхождения и основного содержания понятий *мораль* и *нравственность* являются 10 канонических заповедей всех христианских вероучений [1, с. 775–776]. Изучение взаимодействия лингвистических и экстралингвистических, религиозных, факторов в семантике наименований моральных качеств в английском, белорусском и русском языках возможно в связи с тем, что в странах, где сопоставляемые языки репрезентируют титульную нацию, христианство является доминирующей религией.

Сопоставительное изучение признаков мотивации, положенных в основу наименования моральных качеств в английском, белорусском и русском языках, позволяет выявить, какие из них при общности христианского учения и христианских заповедей являются общими, а какие – культурно-специфическими. Особый интерес при таких исследованиях представляет не абсолютное совпадение признаков мотивации, а их принадлежность одной и той же или близкой области внеязыковой действительности. На основе данных этимологических словарей [2; 3; 4] выявлены следующие особенности признаков мотивации, положенных в основу наименований моральных качеств.

Для наименований моральных качеств в английском языке характерна фиксация идеи духовности, представленной корнями германского и романского происхождения: *-soul-*, *-anima-*, *-spirit-* (*soullessness* 'бездуховность'; *animosity* 'враждебность / уст. смелость', *magnanimity* 'великодушие', *pusillanimity* 'малодушие'; *spirituality* 'духовность'). В соответствии с христианским учением душа является самым ценным, что есть у человека: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф 16:26) [5]. Кроме корня *-god-* 'бог', присутствующего в наименованиях таких моральных качеств, как *godliness* 'набожность', *ungodliness* 'безбожность', зафиксирован антонимичный корень *-devil-* 'дьявол' (*daredevilry* 'храбрость и бесшабашность'), не представленный в белорусском и русском языках. Идея святости обнаруживается в английском языке в семантике лексем *holiness* 'святость', *sacredness* 'священность', *sanctimoniousness* 'ханжество', *sanctimony* 'ханжество / уст. набожность', *sanctity* 'святость', *saintliness* 'святость', *self-sacrificingness* 'жертвенность'. Немногочисленны лексемы, восходящие к идее греховности (*impeccability* 'безгрешность', *sinfulness* 'греховность', *sinlessness* 'безгрешность', *viciousness* 'порочность'). Христианское учение о необходимости верить и надеяться зафиксировано в значении следующих лексем: *faithfulness* 'верность', *trustiness* 'верность, надежность', *infidelity* 'неверность', *perfidiousness* 'вероломность' и др.

В белорусском языке у ряда лексем также отмечается указание на наличие или отсутствие, а также физические параметры души (*велікадушнасць, маладушнасць, слабадушнасць* и др.). Поскольку сама лексема душа этимологически восходит к слову дух, то в данную группу единиц включены лексемы *духоўнасць, бездухоўнасць*. При этом прямое апеллирование к высшей силе представлено как посредством корня -бож- (*набожнасць*), так и фиксацией имени сына Бога Иесуса (*езуіцтва*). Идея важности веры и надежды сохранилась во внутренней форме лексем *вераломнасць, нядобранадзейнасць* и др. Несоответствие нормам морали и нравственности зафиксировано в этимологической семе 'грех' (*бязгрэшнасьць, нявіннасьць, рашучасць, нерашучасць*).

Связь с духовным началом характерна и для внутренней формы единиц русского языка (*простодушие, простодушность, криводушие, прямодушие* и др.). Указание на высшую силу в русском языке представлено лексемой *набожность*, а также дублетными единицами *иезуитизм, иезуитство*. Общее в этимологии наименований моральных качеств сопоставляемых языков заключается в наличии заимствованных лексем, изначально называвших полубога – *heroism* 'героизм', *гераічнасьць, героизм*. Идея святости зафиксирована во внутренней форме слова *святасць* в белорусском языке и соотносительной лексемы *святость* в русском языке. Идея веры и надежды зафиксирована во внутренней форме ряда единиц русского языка (*вероломность, неверность, самонадеянность* и др.), а идея греховности представлена в большем количестве единиц в русском языке (*непогрешимость, нерешимость* и др.) по сравнению с английским и белорусским языками.

Интерпретация значения слова с помощью обращения к тексту означает учет экстралингвистической информации, так как на сочетаемость лексем влияет природа референта [6, с. 86–92]. При функционировании в тексте происходит актуализация потенциальных сем, присущих семантике языковой единицы, однако не зафиксированных в толковых словарях ввиду ограниченности представляемой там информации. Контекстный анализ наименований моральных качеств позволяет установить связь с религиозной сферой, которая отмечается в выражениях, фиксирующих апелляцию к богу, а также к вере и надежде: *gentleness isn't Christian* 'мягкость не христианское качество' (G. Greene. A Burn-Out Case) [7], *there is a grace of the gods which sends goodness* 'милость богов посылает нравственность' (I. Murdoch. The Nice and the Good) [7]; *духоўная скнарнасць* (А. Бароўскі. Тры елкі дзяцінства) [8], *божская цярплівасць* (А. Адамовіч. Хатынская аповесць) [8]; *добродота* людей вне религиозного и общественного добра (В. Гроссман. Жизнь и судьба) [9], *безнадёжная решимость* (Г. Медынский. Честь) [9]. Указывается на соответствие религиозным правилам поведения: *There was a careless magnanimity about them both, something too of the bounty of those who might have been magnificent sinners deciding for righteousness* 'Беспечная широта души их обоих представляла собой что-то, свойственное щедрости тех, кто был, возможно, поразительным грешником, рассуждающим о праведности' (I. Murdoch. The Nice and the Good) [7], *a rather severe Christian woman who admired a sense of responsibility in others* 'достаточно суровая

христианка, которая восхищалась чувством ответственности у других' (P. Pope. The Rich Pass by) [7]; *не вельмі верыць у шчырасць папоўскага ўчынку* (І. Мележ. Подых навалыніцы) [8], *хрысціянская, чалавечая ці якая яшчэ там міласэрнасць гэтай цёткі-пападдзі* (В. Быкаў. Кар'ер) [8]; *склонен к какой-то странной религиозной покорности* (В. Гроссман. Жизнь и судьба) [9], *безграничное милосердие Бога* (В. Войнович. Замысел) [9], *произнесла со светской небрежностью* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль) [9], *в этой ангельской кротости* (Ю. Бондарев. Берег) [9].

Развитие вторичной семантики у аксиологической лексики, к которой относятся наименования моральных качеств, представляет собой одно из направлений в изучении взаимодействия данных единиц с другими лексико-семантическими объединениями. Анализ контекстов, в которых употребляется исследуемая лексика, позволяет выявить лексико-семантические области, с которыми взаимодействуют наименования моральных качеств английского, белорусского и русского языков, поскольку изменение сочетаемости слов служит наиболее объективным свидетельством происходящих семантических сдвигов [10, с. 189]. Взаимосвязь с лексико-семантической областью «Религия» выявлена при указании на источник духовной силы и его антагониста, а также на место локализации такой силы – душу:

1) высшая сила: *audacity of the devil* 'дьявольская смелость' (Q. Wilder. One Shining Summer) [7], *a demon courage* 'демоническая смелость' (I. Murdoch. The Nice and the Good) [7]; *і ў Бога ж цярплівасці* (І. Мележ. Подых навалыніцы) [8], *подласцю не нафаршыроўвалі сваіх багоў* (А. Адамовіч. Хатынская аповесць) [8]; *снисходительность бога* (Н. Джин. Учитель) [9], *безграничное милосердие Бога* (В. Войнович. Замысел) [9] и др.;

2) душа: *humility of soul* 'покорность души' (D. Potter. Hide and Seek) [7], *laziness of spirit* 'леность духа' (C. Brayfield, The Prince) [7]; *сквапнасць / скнарнасць / жорсткасць* души (А. Бароўскі. Ахутавана. Кніга другая – прытча аб мроях) [8]; *леность духа* (Н. Джин. Учитель) [9], *благородство души* (Ф. Искандер. Морской скорпион) [9] и др.

Таким образом, признак 'религиозность' в семантике наименований моральных качеств может быть установлен на основании анализа этимологии рассматриваемой лексики: выявлена апелляция к душе, богу, надежде, вере, греху. При функционировании в тексте английских, белорусских и русских наименований моральных качеств происходит актуализация семантического признака 'религиозность', а также перенос наименований моральных качеств для именовании качеств высшей силы и души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. Константы: словарь русской культуры / Ю. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 991 с.
2. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 17.11.2024).

3. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. // Беларуская палічка. – URL: https://knihi.com/none/Etymalahicny_slounik_bielaruskaj_movy_zip.html (дата звароту: 18.11.2024).
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 4.
5. Евангелие от Матфея. Глава 16 // Библия тека. – URL: <https://biblioteca.com/synodal/40/16/> (дата обращения: 12.11.2024).
6. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
7. British National Corpus (BNC). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 21.11.2024).
8. Беларускі N-корпус. – URL: <https://bnkorporus.info/korpus.html> (дата звароту: 23.11.2024).
9. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).
10. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

В. С. Машошина (г. Москва, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЙ В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается функциональный потенциал и структурные особенности аномалий в современном американском художественном дискурсе на материале повести Дж. Стейнбека «О мышах и людях». Предмет исследования составляют грамматические, лексико-семантические и фонетико-графические особенности языковых девиаций в художественном пространстве анализируемого произведения.

Ключевые слова: языковые аномалии, американская литература, Дж. Стейнбек.

V. Mashoshina (Moscow, Russia)

FUNCTIONAL FEATURES OF LINGUISTIC ANOMALIES IN THE AMERICAN LITERARY DISCOURSE OF THE 20TH CENTURY

The article examines the functional potential and structural features of linguistic anomalies in modern American literary discourse based on the novel by J. Steinbeck *Of Mice and Men*. The paper looks at the grammatical, lexico-semantic, graphic and conceptual features of linguistic deviations in the artistic space of work under analysis.

Key words: linguistic anomalies, American literature, J. Steinbeck.

Язык художественного произведения представляет собой особую семиотическую систему, обладающую широким созидательным потенциалом. Как отмечают отечественные ученые, изучение аномальности в художественном тексте коррелирует с актуальной для современной науки проблемой нелинейности базовых языковых единиц и особенностей их функционирования, дальнейшая разработка которых позволяет расширить представления о «языке как о творчестве», рассмотреть категории «языковой игры» и «языкового эксперимента» [1, л. 3–4].

Исследование аномальности в художественном тексте подразумевает рассмотрение множества аспектов, включая лексические, синтаксические и прагматические элементы, а также культурную информацию, закрепленную в языковых знаках [2]. На сегодняшний день существуют различные принципы классификации языковых аномалий, «которые распределяются по нескольким уровням» [3, с. 31]. К наиболее значимым из них можно отнести теоретические положения, сформулированные Ю. Д. Апресяном, который подразделяет аномалии на:

- уровневые (морфологические, синтаксические, семантические, фонетические, прагматические);
- аномалии степени;
- намеренные / ненамеренные;
- аномалии, возникающие в результате тавтологии / противоречия и т. п. [4, с. 50].

При этом параметр «намеренности / ненамеренности» относится к наиболее важным в вопросе определения аномалий и их дальнейшего изучения, поскольку именно намеренные авторские аномалии являются одним из основных средств выразительности в художественном тексте.

В настоящей статье рассматриваются структурные и функциональные особенности аномалий в повести американского писателя Дж. Стейнбека (John Steinbeck) «О мышах и людях» (*Of Mice and Men*, 1937).

Как показал проведенный анализ текстового материала, основными источниками аномалий в повести Дж. Стейнбека выступают ненормативные языковые формы, такие как социальный жаргон и просторечия, характерные для представителей американского юга, что дает автору возможность показывать художественную действительность такой, «какой её запечатлевает в своих формах язык» [4, с. 7].

Многочисленные языковые и нарративные девиации, являющиеся продуктом осознанной авторской интенции, были классифицированы нами в соответствии с уровнем языка, на котором они реализуются, в частности грамматические, лексико-семантические и фонетико-графические. При этом, учитывая, что любая классификационная схема должна меняться по мере осуществления происходящих в языке изменений [6, с. 13], нам представляется приемлемым принять во внимание закономерный **«синкретизм аномальных явлений»** [курсив автора – В. М.], совмещающих взаимообусловленные нарушения системно-языковых моделей и правил сразу на нескольких уровнях языка» [1, л. 360].

Принимая во внимание концепцию о *принципиальной многоуровневости языковой аномальности* (курсив наш. – В. М.) [1, л. 361], перейдем к анализу ряда аномалий в области вербализации грамматических категорий, реализующихся в изучаемом тексте на уровне синтаксиса и морфологии.

В художественной речи персонажей повести «О мышах и людях» распространены примеры нарушения норм предложного управления и грамматического рассогласования при употреблении глаголов с зависимыми предлогами. Например, формальное рассогласование возникает, когда предикат *belong*, который при нормативной реализации всегда используется с наречием или существительным с предлогом в функции обстоятельства, употребляется в контексте с частью речи, занимающей другую синтаксическую позицию: “*Guys like us, that work on ranches, are the loneliest guys in the world. They got no family. They don’t belong no place*” [7].

В контекстах “*What kind of a guy is the boss?*” *George asked. // I’ll tell you when. I hate that kind of a guy* [7] наблюдается ненормированное употребление конструкции “*some kind of thing*”, для которой характерен переход исчисляемых имен существительных в категорию неисчисляемых.

Еще одной разновидностью нарушений синтаксических моделей являются случаи грамматической избыточности, возникающие в результате смешения разных синтаксических моделей: “*We’ll have trouble keepin’ him from getting right in the box with them pups*” [вместо *with them / with the pups*] [7].

Использование субстандартной конструкции *this here* также можно причислить к примерам реализации грамматической избыточности, поскольку пространственная сема ‘here’ уже содержится в семантике демонстратива ‘this’: “*I’m mad at this here Curley bastard*”. // “*This here’s my room. Nobody got any right in here but me.*” // “*This here blacksmith – name of Whitey...*” [7].

В разговорной речи персонажей анализируемой повести повсеместно встречается использование вернакулярных диалектов, для которых характерна унификация глагольных форм путем добавления окончания -s в форме 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени: “*I remember some girls come by and you says <...> you says* [вместо *you say*]. // “*Me an’ him goes ever’ place together* [вместо *me and him (we) go*] [7].

Переходя к анализу лексико-семантических аномалий в повести «О мышах и людях», подчеркнем, что к ним мы будем относить примеры ненормативной сочетаемости языковых единиц, ведущей к «тавтологической избыточности» [1].

Как справедливо отмечают исследователи, намеренное нарушение лексической сочетаемости может приводить к явлению «аномальной синонимической субституции» [1, л. 296], или неточности номинации, при которой смешиваются номинативные единицы из одного синонимического ряда. Примеры подобных нарушений также встречаются в ряде контекстов повести: “*I don’t know* [вместо *understand*] *why I can’t keep it. It ain’t nobody’s mouse*” // “*Well, you ain’t petting no mice while you walk* [вместо *travel*] *with me*” [7].

Еще одной релевантной особенностью художественного языка повести Дж. Стейнбека является прием мифологизации природных стихий, в основе которого лежат определенные аномалии лексико-грамматической сочетаемости. Например, в приведенном ниже контексте неодушевленное имя существительное 'fire' замещается одушевленным местоимением 'her': "*Don't build up no more fire. We'll let her die down*" [7]. Полагаем, что для более глубокого понимания художественного языка Дж. Стейнбека будет справедливым вывод о том, что в анализируемом тексте «при аномальной контаминации синтаксических моделей проявляются разнообразные нарушения в актуализации оппозиций *субъект/объект*, *одушевленность/неодушевленность* и пр., характерные для мифологизованного типа сознания» [5, л. 376].

Довольно распространенной стилистической фигурой в повести «О мышах и людях» является синтаксический повтор: "*I seen her give Slim the eye. Slim's a jerkline skinner. Hell of a nice fella. Slim don't need to wear no high-heeled boots on a grain team. I seen her give Slim the eye. Curley never seen it. An' I seen her give Carlson the eye*" [7]. В данном случае подобный параллелизм не только свидетельствует о неспособности персонажа произведения отчетливо выражать собственные мысли, но и выполняет ритмообразующую функцию, актуализируя зрительный модус и добавляя динамики повествованию.

Еще один уровень аномалий, фонетико-графический, представлен в повести большим количеством разнообразных примеров. Помимо множественных характерных диалектизмов фонетико-графические аномалии в анализируемой повести представлены примерами фонетической редукции, одним из самых распространенных вариантов которой является использование суффикса *-in'* вместо *-ing*. Полное редуцирование заключительных групп согласных также достаточно распространено: *Gi' me that mouse* [вместо *Give*]. // *S'pose he don't want to talk?* [вместо *suppose*]. // *Las' Sat'day night* [вместо *last Saturday*]. // *I jus' tol' you, jus' las' night*. [вместо *just told you, just last night*]. // *Why'n't you tell her to stay the hell home where she belongs?* [why don't you] [7].

Подводя итоги проведенному анализу, подчеркнем, что приведенная в работе классификация языковых и нарративных девиаций, являющихся продуктом осознанной авторской интенции, позволила составить более целостное представление о репрезентативных особенностях художественного языка, формирующих уникальный идиостиль Дж. Стейнбека в его классической повести «О мышах и людях». Исследование показало, каким образом автор последовательно создает особую модель иррациональной реальности с помощью разноуровневых языковых девиаций, уделяя при этом особое внимание физическим и когнитивным особенностям создаваемых персонажей, их психоэмоциональному состоянию. При этом необходимо отметить существующую межуровневую связь, синкретичность языковых аномалий,

которая позволяет рассматривать отобранные примеры не просто как случаи отступления от канонического использования языковых средств, но и как способы реализации креативного потенциала языка, как полноценную систему, в конечном счете порождающую гармоничное художественное целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Радбиль Тимур Беньюминович ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 496 л.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Основы семиотики / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 256 с.
3. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 304 с.
4. Апресян, Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды / Ю. Д. Апресян ; Школа «Языки русской культуры». Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 2-е изд., испр. И доп. – М. : Восточная литература, 1995. – 767 с.
5. Основы концептного анализа художественного произведения : учеб. пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. – М. : Диона, 2019. – 130 с.
6. Степанова, А. Н. К проблеме грамматической формы и грамматической категории : на материале французского языка. – Минск : МГПИИЯ, 1972. – 93 с.
7. Steinbeck, J. Of Mice and Men. / J. Steinbeck // New York : Penguin Books, 1978. – 116 p. – URL: https://royallib.com/book/Steinbeck_John/Of_Mice_and_Men.html (дата обращения: 30.11.2024).

О. А. Пантелеенко (г. Минск, Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ (на материале внутригородских названий Валле д'Аоста)

В данной статье рассматриваются способы репрезентации оппозиции «свой-чужой» в названиях коммерческих заведений. Основное внимание уделяется названиям, содержащим антропонимический компонент, которые размещены на вывесках зданий. Исследование проводится на примере итальянского приграничного региона Валле д'Аоста, где на официальном уровне установлен паритет итальянского и французского языков, при этом учитываются миграционные процессы из других регионов полуострова.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, внутренние мигранты, близкородственное двуязычие, итальянский язык, французский язык.

A. Panteleenko (Minsk, Belarus)

REPRESENTATION OF THE "US VS. THEM" OPPOSITION
IN REGIONAL ANTHROPONYMY
(Based on the Material of Intracity Names in Aosta Valley)

This article examines the ways of representing the opposition "us vs. them" in the names of commercial establishments. The focus is on names that contain an anthroponymic component and are displayed on building signs. The study is conducted in the context of the Italian border region of Aosta Valley, where official parity between the Italian and French languages is established. Additionally, it takes into account migration processes from other regions of the Peninsula.

Key words: *linguistic landscape, internal migrants, closely related bilingualism, Italian language, French language.*

Данное исследование является частью научного проекта «Коммуникативный портрет двуязычного региона (на материале итальянского и французского языков)» и продолжает серию публикаций автора о внутренних мигрантах в итальянском приграничье и об ономастическом пространстве региона [1; 2]. В рамках исследовательского вектора, связанного с проблематикой языковой социализации внутренних мигрантов, был произведен анализ социолингвистических данных через призму изучения отношения к языку как ключу к пониманию идентичности жителей итальянского приграничья. Изучение коммуникативного портрета региона с точки зрения лингвистического ландшафта позволило выявить региональную специфику оформления внутригородских текстов с учетом языковой специфики Валле д'Аоста.

Актуальность изучения проблематики «свой-чужой» в русле лингвистического ландшафта обусловлена значимостью этих понятий для формирования идентичности и социальных отношений. Язык не только отражает, но и конструирует культурные различия и социальные иерархии, влияя на восприятие «своих» и «чужих». В условиях глобализации и миграции понимание этих категорий приобретает особую важность для межкультурной коммуникации и социальной интеграции. Исследование лексических и грамматических особенностей, связанных со «своим» и «чужим», открывает возможности для анализа того, как язык формирует общественные нарративы и способствует или препятствует взаимодействию между различными группами. Это направление представляет собой важный вклад в лингвистические исследования и практики, способствуя более глубокому пониманию динамики языковых и культурных процессов.

Теоретическим фундаментом данного исследования является концепция «лингвистического ландшафта», представляющая собой относительно новое направление в области филологических исследований, сформировавшееся на рубеже XX–XXI вв. В рамках этого подхода акцент делается на изучении видимости и значимости языков на общественных и коммерческих вывесках в контексте конкретной территории или региона. Термин «лингвистический ландшафт» впервые был введен и получил определение в работе канадских социолингвистов Р. Ландри и Р. Бурхиса [3]. Они описывают его как «язык государственных дорожных знаков, рекламных щитов, уличных табличек, географических названий, коммерческих вывесок магазинов и различных вывесок на государственных зданиях, которые формируют лингвистический пейзаж определённой территории, региона или городской агломерации» [3, с. 25].

Исследование строится на примере итальянского приграничного региона Валле д’Аоста. Он расположен на севере Италии, на официальном уровне здесь закреплён паритет итальянского и французского языков, в регионе также используется франкопровансальский. Ученые отмечают активные процессы внутренней миграции, которые происходили в регионе на протяжении XX в. [4; 5]. Совокупность этих условий, формирующих языковую ситуацию полиязычия, делает коммуникативное пространство Валле д’Аосты актуальным для изучения способов репрезентации оппозиции «свой-чужой» в региональной антропонимии на материале внутригородских названий.

Предметом исследования являются названия коммерческих заведений с антропонимическим компонентом, размещенные на вывесках зданий.

Рис. 1. Названия коммерческих заведений с антропонимическим компонентом на вывесках г. Аосты

Такие вывески располагаются на фасадах зданий у входа в подъезды и указывают на предоставление услуг соответствующего профиля. Любопытно, что подобные вывески отсутствуют в белорусском коммуникативном пространстве. Это, вероятно, обусловлено различиями в экономических моделях развития: в Италии экономика преимущественно ориентирована на частный сектор, в то время как в Беларуси доминирует государственное управление. Во-вторых, вывески демонстрируют фамилии, обладающие ярко выраженными региональными морфологическими характеристиками.

В качестве источника материала для данного исследования было принято решение использовать общереспубликанский итальянский электронный справочник *Pagine gialle* 'Желтые страницы'. Преимуществом данной платформы является возможность осуществлять отбор наименований коммерческих заведений с помощью функции «регион» и ввода имени собственного в поисковую строку. Это обеспечивает расширение объема исследовательского материала и получение более точной информации, которая не всегда доступна при использовании метода фотофиксации в полевых условиях.

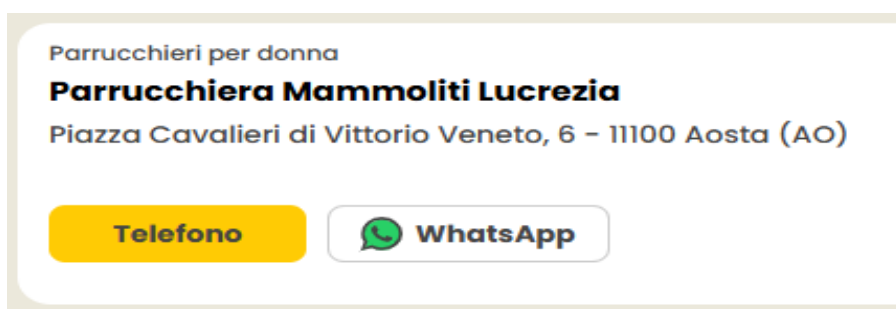

Рис. 2. Фрагмент электронного справочника «Желтые страницы»: ответ на запрос по фамилии «Mammoliti»

Ряд итальянских фамилий обладает специфическими морфологическими и/или семантическими признаками, по которым можно определить географическую зону происхождения их носителей. В авторитетной электронной энциклопедии Треккани представлена информация о региональных именах собственных, описаны основные структурные и семантические характеристики этого элемента лексического фонда с приведением количественных данных. Основываясь на этой информации и принимая во внимание, что в XIX в. согласно статистическим данным в Долину Аосты прибывали мигранты в основном из Венето, Калабрии и Пьемонта, была определена выборка исследования. Она включила 30 фамилий выходцев из регионов Венето, Калабрии и Пьемонта.

В общереспубликанском итальянском электронном справочнике были выявлены наименования, содержащие три фамилии представителей региона Венето и всего одну фамилию из Пьемонта. На этом фоне вызывает интерес наличие всех калабрийских фамилий в эргонимиконе Долины: *Fazari, Mammoliti, Giovinzazzo, Raso, Romeo, Agostino, Tripodi, Furfaro, Cannatà, Sergi, Carere, Mafrica*. Они представлены в 43 названиях предприятий частного сектора. При этом их доля значительно выше в таких отраслях занятости, как возведение и обслуживание жилых объектов, сфера общественного питания, услуги по ремонту автомобилей и парикмахерские услуги.

Данные могут быть интерпретированы через призму качества миграционных процессов. Все переселенцы из Калабрии происходят из коммуны Сан Джорджо Моргето и обладают настолько прочными социальными связями, что им удается сохранять элементы своей культурной идентичности в регионе Валле д'Аоста. На протяжении последних тридцати лет каждое лето они отмечают калабрийский фестиваль святых Джорджо и Джакомо,

в который активно вовлекаются и местные жители Вальдосты. Таким образом, их территориальное происхождение и социальная сплоченность способствовали сохранению калабрийского культурного наследия и интеграции признаков их присутствия в городской ландшафт северных приграничных территорий. В отличие от них, мигранты из Венето и Пьемонта не имеют столь крепких связей внутри своих сообществ, что приводит к исчезновению языковых следов их пребывания в вербальном пространстве Долины.

Проведенное исследование, основанное на анализе вывесок с антропони-мическим компонентом, направленное на рассмотрение способов реализации оппозиции «свой-чужой» через морфологические и семантические признаки фамилий калабрийского, пьемонтского и венецкого происхождения, позволило выявить категории мигрантов, которые наиболее эффективно интегрируются в местное сообщество, а также определить сферы их занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пантелеенко, О. А. Отношение к языку в полилингвальном коммуни-кативном пространстве: ключ к идентичности жителей итальянского при-граничья / О. А. Пантелеенко // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 60–73.
2. Пантелеенко, О. А. Лингвистический ландшафт мультилингвального города: региональная специфика (на материале итальянского города Аосты) / О. А. Пантелеенко // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2023. – № 3. – С. 83–90.
3. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 16 (1). – P. 23–49.
4. Celi, A. Rifrancesizzare i Valdostani / A. Celi // Diacronie. – 2018. – № 34 (2). – P. 1–19.
5. Bétemps, A. Il noi e il loro in Valle d'Aosta / A. Bétemps // Ayas. Antropologia di un territorio. Luoghi, leggende, storie, fatti / S. Favre. – Priuli & Verlucca, 2021. – P. 17–35.

И. Г. Урбанович (г. Минск, Беларусь)

РАСЩЕПЛЕНИЕ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается явление фразеологической трансформации, причиной которой может быть как решение определенных стилистических задач, так и создание авторской оценочности значения узуального фразеологизма. Выделяется способ трансформации узуальных фразеологизмов – расщепление.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, узуальность, трансфор-мация, окказионализм, расщепление.*

SPLITTING AS A TECHNIQUE FOR CREATING
OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL UNIT IN A PUBLICISTIC TEXT

The article considers the phenomenon of phraseological transformation the reason of which can be the solution of specific stylistic tasks as well as the creation of authorial evaluation of usual phraseological units. A method of transformation of common phraseological units is distinguished – splitting.

Key words: *phraseological unit, usuality, transformation, occasionalism, splitting.*

Определенный научный интерес представляет исследование механизмов индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов в публицистике. Под авторским преобразованием исследователями понимается «импровизированное изменение [фразеологизма] в экспрессивно-стилистических целях» [1, с. 59].

На современном этапе лингвистической науки нет единого взгляда на способы трансформации фразеологических единиц. Имеющиеся классификации значительно отличаются друг от друга, и ни одна из них не является исчерпывающей. Большинство исследователей выделяют два типа авторских преобразований фразеологических единиц: семантические и структурно-семантические.

Как известно, одним из способов образования фразеологических оборотов является калькирование цитат из других языков, переход библейских афоризмов, крылатых слов и различных изречений из произведений художественной литературы, истории, философии, античной мифологии в разряд ФЕ.

Исходным материалом для фразообразования становились словосочетания-цитаты, выделенные из того или иного текста и метафорически осмысленные (*глас вопиющего в пустыне, камня на камне*), или словосочетания, созданные либо с использованием библейских мотивов, либо на основе библейских образов (*блудный сын, волк в овечьей шкуре*). При этом происходит моносемантизация лексемы, что переводит свободное сочетание слов в разряд устойчивых комбинаций слов, находящихся в определенных словоформах.

Нарушение внутренней формы, зависимости компонентов, последовательности их употребления ведет к образованию трансформированной фразеологической единицы, воспроизводимости и функционирование которой ограничивается рамками определенного художественного контекста. Преобразовательный потенциал ФЕ зависит от ее структурно-семантических особенностей, образного характера, специфики внутренней формы, расчлененности грамматической структуры. Любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы, способность к преобразованию семантическому и структурному, не нарушающему устой-

чивость и семантическую тождественность единицы самой себе, импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях квалифицируется как фразеологическая трансформация [2, с. 6].

Разграничение понятий *узуальность* и *окказиональность* фразеологической единицы в лингвистике является спорным вопросом. Существует множество различных, порой противоположных, классификаций индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов. Одни исследователи считают индивидуальные преобразования фразеологических единиц сугубо окказиональными явлениями, их появление целиком и полностью обусловлено конкретными стилистическими задачами (А. И. Молотков), тогда как другие (Л. И. Ройзензон, А. Е. Малиновский) выделяют, помимо индивидуально-авторских, еще и типы преобразований, обусловленных развитием самой системы языка.

Авторское творчество в не меньшей степени способно проявиться на фразеологическом уровне. Особенно очевидным является использование окказиональной фразеологии в публицистике. При всем разнообразии способов трансформации фразеологизмов следует выделить и такой способ, как расщепление, который может сопровождаться опущением компонентов фразеологизма, введением добавочных лексем, использованием отрицательной конструкции, заменой лексических компонентов и др.

Приведем примеры типов расщепления фразеологизмов в белорусской периодике.

• **«Расщепление» фразеологизма, введение добавочного компонента (13 ед.):** *был под основательным хмельком; ВВП держит удар; водить годами за нос; все средства сдерживания хороши; делать хорошую мину при собственной плохой игре; на ухо наступили все медведи; готовь сани летом, а бюджет к старости – смолоду; кричит о кромеишном ужасе; наша сила в единстве; ударили экономической кувалдой; подставить плечо, а не ногу; пустили глубокие корни; садовому яблоку негде упасть.*

Например:

– *Водить годами за нос* ← узуальный фразеологизм ‘за нос водить’. Введение компонента ‘годами’: *Там, где предполагается снос частного сектора, людей нужно четко информировать, а не водить годами за нос, держа в неведении, делать ли им ремонт, не делать ли...*

– *Готовь сани летом, а бюджет к старости – смолоду* ← узуальный фразеологизм ‘готовь сани летом, а телегу – зимой’. Добавочные компоненты: ‘а бюджет к старости – смолоду’: *Готовь сани летом, а бюджет к старости – смолоду. Перефразировать известную пословицу и следовать ей вдохновляет новый механизм накопительной пенсии с участием государства.*

– *На ухо наступили все медведи* ← узуальный фразеологизм ‘медведь на ухо наступил’. Изменение числа, введение компонента ‘все’: *Новый проект «Золотые голоса Беларуси» научит любить музыку даже тех, кому на ухо наступили все медведи окрестных лесов.*

– *Садовому яблоку негде упасть* ← узуальный фразеологизм ‘яблоку негде упасть’. Введение компонента ‘садовому’: *По выходным тут садовому яблоку негде упасть*.

• «Расщепление» фразеологизма, замена лексического компонента (18 ед.): *брали не кота в мешке; дружба с камнем за пазухой; глаголом душу жечь; жить своим умом и дорожить друзьями; когда богатые плачут; на плетень не бросал тень; не родись красивым...; опять с гуся вода; посудная лавка после визита слона; ремонт копейку бережет; с мира по нитке – вам артефакты; самое последнее выведенное яйцо; семь пядей и два ЦЭ; старательно поливать того грязью; старый друг лучше?; старый конь борозды не портит, он в ней засыпает; стыдно сесть в чужие сани; убили сразу трех зайцев*.

Например:

– *Посудная лавка после визита слона* ← ‘слон в посудной лавке’. Введение компонентов ‘после визита’: *Кабинет офтальмолога напоминал посудную лавку после визита слона*.

– *Самое последнее выведенное яйцо* ← узуальный фразеологизм ‘выведенного яйца не стоит’. Введение компонентов ‘самое последнее’: *Самое последнее выведенное яйцо* гораздо дороже и ценнее вкуса, предлагаемого аскетизмом.

– *Старый конь борозды не портит, он в ней засыпает* ← узуальный фразеологизм ‘старый конь борозды не испортит’. Введение компонентов ‘он в ней засыпает’: *Старый конь борозды не портит, он в ней засыпает*. Все больше клубов в национальном футбольном первенстве делают ставку на молодежь.

• «Расщепление» фразеологизма, опущение компонента (1 ед.): *путь к сердцу через желудок*.

– *Путь к сердцу через желудок* ← узуальный фразеологизм ‘пусть к сердцу мужчины лежит через желудок’. Опущение компонента ‘лежит’: *Мысль о том, что путь к сердцу через желудок, так же банальна, как тезис «женщины любят ушами»*.

Таким образом, индивидуально-авторское преобразование фразеологических единиц во многом опирается на структурно-семантические модели, свойственные конкретному языку. Описание трансформаций фразеологизмов имеет значение для выявления объективных закономерностей общеязыковой фразеологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин // – СПб, 2009. – 264 с.
2. Божко, Н. А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Божко Наталья Анатольевна ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2015. – 24 с.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: НОРМА VS. «НАРУШЕНИЕ»

Н. Н. Бартош, М. В. Головейчук (г. Минск, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОФОНΙΑ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ АНЕКДОТЕ

В статье рассматриваются случаи использования синтаксической омофонии для создания юмора в современных французских анекдотах. Синтаксическая омофония проявляется как полное или практически полное совпадение звучания разных синтаксических структур, что делает возможным появление двойных интерпретаций и способствует возникновению комического эффекта. Данный прием во многом базируется на характерных фонетико-графических особенностях французского языка – вариативности способов обозначения одного и того же звука, наличии непроизносимых конечных согласных, а также явлениях элизии и связывания.

Ключевые слова: *языковая игра, комический эффект, синтаксическая омонимия, синтаксическая омофония, связывание, элизия, современный французский анекдот.*

N. Bartosh, M. Goloveychuk (Minsk, Belarus)

SYNTACTIC HOMOPHONY AS A MEANS OF CREATING THE COMIC EFFECT IN CONTEMPORARY FRENCH JOKES

The article analyzes cases of the usage of the syntactic homophony as a means of creating humor in contemporary French jokes. Syntactic homophony manifests itself as a complete or nearly complete coincidence in the pronunciation of different syntactic structures, which makes double interpretations possible and contributes to the emergence of a comic effect. This technique largely relies on some phonetic and graphic peculiarities of the French language – such as the variability of ways to represent the same sound, the non-pronunciation of certain final consonants, as well as the phenomena of elision and liaison.

Key words: *language game, comic effect, syntactic homonymy, syntactic homophony, liaison, elision, contemporary French joke.*

Комическое как универсальное явление человеческой коммуникации выступает неотъемлемой частью любой национальной культуры, представляя собой перспективную и продуктивную область для научных исследований в самых разных областях. Одним из наиболее ярких и популярных комических жанров является анекдот. Анекдот – это не только оригинальная форма

бытового юмора или забавная история, предназначенная для того, чтобы развеселить слушающих. Это малое целостное текстовое пространство, в пределах которого нередко разворачивается философская притча, выражается острая социальная сатира, а также реализуется языковая игра, требующая от адресата определенного уровня лингвистической и культурной эрудиции.

Введенное в середине прошлого столетия австрийским философом Л. Витгенштейном понятие языковой игры со временем значительно расширило свои границы и стало обозначать не только творческое использование языковых ресурсов в зависимости от коммуникативного контекста, но и различного рода «манипуляции с языком», основанные на игре смыслов, намеренных нарушениях правил и норм, в которых ученые видят проявление «особой формы лингвокреативного мышления» [1, с. 9] говорящего, направленное, как правило, на достижение комического эффекта.

В анекдоте языковая игра нередко становится не просто художественным приемом, а определяющим принципом его построения. В связи с этим исследователи выделяют отдельную категорию произведений подобного жанра – так называемые языковые (или лингвистические) анекдоты (фр. *blagues linguistiques*) [2, с. 151; 3, р. 92].

Исследования языковой игры в анекдоте позволяют выявить целый спектр механизмов порождения комического на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики и семантики. Через призму анекдота прослеживаются необычные и нестандартные возможности использования разноуровневых системных элементов языка как с целью их пародийного обыгрывания, так и ради достижения эстетического эффекта. С этих позиций анекдот – это важный источник знаний о том, как устроен, развивается и эволюционирует язык, адаптируясь к культурным и социальным условиям.

К одному из популярных приемов языковой игры в анекдоте может быть отнесено обыгрывание структуры предложения за счет синтаксической омонимии – явления, при котором одно и то же поверхностное синтаксическое построение предложения допускает различные интерпретации из-за неоднозначности синтаксических связей между словами [4]. Так, проведенный анализ 190 текстов современных французских анекдотов позволил выявить данный прием в 42 случаях (22,1 %). Например, в следующем анекдоте комизм возникает из-за двойной интерпретации вопросительного предложения участниками диалога.

1. «*À combien rouliez-vous?*» demande le gendarme. «*À deux, mais si vous voulez monter, il reste encore de la place*».

Вопрос жандарма: «*À combien rouliez-vous?*» следует трактовать как ‘С какой скоростью вы ехали?’ (*à combien* = ‘сколько км/ч’). Но водитель понимает его буквально как ‘Сколько вас ехало?’ (*à combien [de personnes]*...), поэтому и отвечает: ‘Вдвоем, но если хотите, можете сесть, еще есть место’.

Синтаксическая омонимия возникает не только вследствие неоднозначности абсолютно одинаковых с точки зрения поверхностного оформления синтаксических структур. Особую популярность в контексте языковой игры на базе синтаксической омонимии получил так называемый прием «разложения слова» – намеренное расщепление слов внутри фрагментов предложений и перераспределение их границ с целью создания новой, комичной интерпретации используемой синтаксической структуры при сохранении ее исходного акустического звучания. В этом случае уместно говорить о проявлении синтаксической омофонии. Отметим, что синтаксическая омофония достаточно востребована во французском языке (35 случаев из общего числа 42 случаев синтаксической омонимии в нашей выборке). Этому способствуют, с одной стороны, богатство графической системы французского языка, когда один и тот же или схожие звуки передаются различными буквами и их сочетаниями, наличие большого количества непронизносимых конечных согласных (*t, d, s, x, z, p, g*), а с другой – такие специфические явления синтаксической фонетики, как элизия (*élision*) и связывание (*liaison*). Как следствие, при синтаксической омофонии может наблюдаться как схожее, так и различное графическое представление одинаково (или почти одинаково) звучащих фрагментов предложений.

Так, в следующих примерах синтаксическая омофония возникает вследствие перераспределения границ слов с практически полным сохранением исходного набора буквенных знаков.

2. – *Que fait un cendrier devant un monte-charge? – Il veut des cendres.*

3. – *Pourquoi les pigeons roux ne peuvent-ils pas nager? – Car les pigeons roucoulent.*

В анекдоте 2 ответ на вопрос ‘Что делает пепельница перед грузовым лифтом?’ звучит как ‘Она хочет пепла’, что акустически полностью омонимично фразе *Il veut descendre* ‘Она хочет спуститься’, имеющей практически тот же буквенный состав, но различающейся по построению. Первое толкование буквально соотносится с «пепельницей» (*cendrier – cendres*), второе – с ситуацией перед лифтом (‘хочет спуститься’). Именно это наложение значений и создает эффект неожиданности и абсурдного юмора.

В анекдоте 3 ответ на нелепый вопрос ‘Почему рыжие голуби не могут плавать?’ графически представлен фразой ‘Так как голуби воркуют’ (*Car les pigeons roucoulent*). Однако на слух эта фраза может восприниматься как другая, с иным синтаксическим членением, но очень близким буквенным составом: ‘Так как рыжие голуби тонут/идут ко дну’ (*Car les pigeons roux coulent*). В создании юмористического эффекта важен не только звуковой, но и буквенный параллелизм: различие между *roucoulent* и *roux coulent* минимально, что усиливает двусмысленность и делает языковую игру особенно выразительной.

Как указывалось выше, активному использованию синтаксической омофонии способствует многообразие графических способов передачи одинаковых или схожих звуков. Так, в следующем анекдоте:

4. – *Pourquoi les policiers n'ont-ils pas de rides? – Car ils ont la peau lisse!*

ответ на вопрос ‘Почему у полицейских нет морщин?’, который переводится как ‘Потому что у них гладкая кожа’ (*Car ils ont la peau lisse* [ka-ril-z̥-ɔ̃-la-po-lis]) ассоциируется с другой синтаксической структурой, схожей по звучанию, но отличающейся как по своему синтаксическому членению, так и по графическому оформлению: – *Car ils ont la police!* [ka-ril-z̥-ɔ̃-la-pɔ-lis] ‘Потому что у них есть полиция!’. Наложение этих двух возможных прочтений и вызывает комический эффект.

В следующем примере синтаксическая омофония возникает не только за счет сдвига границ слов, но и благодаря фонетическому связыванию.

5. – *De quelle couleur sont les parapluies lorsqu'il pleut? – Ils sont tout verts.*

Ответ на нелепый вопрос ‘Какого цвета зонтики во время дождя?’ звучит как ‘Они совсем зеленые’ (*Ils sont tout verts*). Однако на слух эта фраза абсолютно омонимична другой синтаксической структуре: *Ils sont ouverts* (‘Они открыты’), идентичное звучание которой обеспечивается за счет связывания конечной согласной глагола-связки (*sont*) и начальной гласной причастия (*ouverts*). Именно в результате связывания *sont tout verts* и *sont ouverts* произносятся одинаково – [sɔ̃-tu-vɛ:r].

Аналогичный механизм наблюдается и в следующем анекдоте.

6. – *Savez-vous pourquoi Napoléon n'a jamais voulu acheter de maison? – Parce qu'il a déjà un Bonaparte.*

Абсурдный, на первый взгляд, диалог ‘– Знаете, почему Наполеон никогда не хотел покупать дом? – Потому что у него уже есть Бонапарт (Bonaparte)’ может восприниматься как вполне логичный, если графически оформить ответ как *Il a déjà un bon appart* (*bon appart* – разговорное сокращение от *bon appartement* ‘хорошая квартира’). На слух такой ответ будет звучать абсолютно идентично исходному, так как *Bonaparte* и *bon appart* (за счет связывания прилагательного и существительного) произносятся одинаково – [bɔ̃-na-part], что и становится источником комизма.

Наконец, в анекдоте 7 синтаксической омофонии способствует в том числе явление элизии. Ср.:

7. – *Pourquoi est-ce que les canards sont toujours à l'heure? – Parce qu'ils sont dans l'étang.*

На вопрос ‘Почему утки всегда вовремя?’ графически дается ответ ‘Потому что они в пруду’ (*Parce qu'ils sont dans l'étang*), что созвучно другой синтаксической структуре, в которой используется выражение *dans les temps* ‘вовремя’ – *Parce qu'ils sont dans les temps* (‘Потому что они вовремя’). Перераспределение звуковых границ структуры *dans l'étang* и ее созвучность с *dans les temps* обеспечиваются за счет элизии гласного [ə] определенного артикля *le* (*le + étang = l'étang*), множественности буквенного обозначения звука [ɑ̃], а также произнесения конечных согласных *-g* и *-ps* (*l'é – tang = les temps* [le-tɑ̃]).

Приведем еще один пример аналогичного использования элизии.

8. – *Que dit un poisson au téléphone? – À l'eau!*

В буквальной интерпретации ответ на вопрос ‘Что говорит рыба по телефону?’ звучит как ‘В воду!’ (*À l'eau!*). Возникает абсурдное, но вполне логичное совпадение: рыба, которая не пользуется телефоном, говорит ‘в воду!’. Однако фонетически «ответ рыбы» совпадает с традиционным телефонным приветствием *Allô!*, чему способствуют элизия артикля *la* (*la + eau = l'eau*) и одинаковое чтение *eau* и *ô*: *À l'eau! / Allô! = [a-lo]*. Смещение логических планов – человеческого (телефонная речь) и животного (мир рыбы) – и порождает комический эффект.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что синтаксическая омофония может рассматриваться как особый механизм создания юмора в современном французском анекдоте, основанный на совпадении звукового облика различных синтаксических структур, в результате чего одно и то же высказывание допускает различные интерпретации – логическую и абсурдно-комическую. Синтаксическая омофония не только формирует основу комического эффекта, но и демонстрирует уникальное взаимодействие (синтез) фонетической, графической и синтаксической игры, выступая наглядным доказательством гибкости и креативности языка как инструмента человеческой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усолкина, А. В. Языковая игра как текстообразующий фактор (на материале лит. сказок Л. Кэрролла и их переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Усолкина Алла Викторовна ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
2. Сосой, О. А. Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах / О. А. Сосой // Верхневолжский филол. вестник. – 2018. – № 4. – С. 150–156.
3. Sfar, I. Traduire les blagues : jouer par/avec les mots. / I. Sfar // Équivalences. – 2008. – Vol. 35, № 1–2. – P. 85–101.
4. Муравенко, Е. В. Что такое синтаксическая омонимия? Задачи по синтаксической омонимии / Е. В. Муравенко // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006 / ред.-сост. Е. В. Муравенко, О. Ю. Шеманаева. – М. : МЦНМО, 2008. – С. 153–162.

Е. А. Гапанович (г. Минск, Беларусь)

ПРИНЦИПЫ КОДИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В статье рассматриваются принципы кодификации современной французской грамматической нормы, определяемые многофакторным подходом. Установлено, что требование строгой нормализации грамматических

единиц, доминировавшее в XVII–XIX вв., сменилось более гибкой парадигмой стандартизации, признающей варианты употребления, допускающей свободу в их выборе пользователем, ориентирующей также на соответствие форм текстовому пространству и коммуникативному заданию. Сделан вывод о необходимости баланса между академичностью и толерантностью для поддержания функциональной и культурно релевантной грамматической нормы.

Ключевые слова: *кодификация, грамматическая норма, нормативная уместность, вариативность.*

Y. Hapnovich (Minsk, Belarus)

PRINCIPLES OF CODIFYING THE CONTEMPORARY FRENCH GRAMMATICAL NORM

The article examines the principles underlying the codification of contemporary French grammatical norms as shaped by linguistic and pragmatic factors. It demonstrates that the previously dominant strict normalization of grammatical forms in the 17th–19th centuries has been replaced by a more flexible approach that acknowledges variants of usage and focuses on the fit of forms to specific textual and communicative contexts. The conclusion calls for balancing normative standards with grammatical tolerance to maintain a functional and culturally relevant linguistic norm.

Key words: *codification, grammatical norm, normative appropriateness, variability.*

Различие в интерпретации грамматической нормы – как совокупности правил образования и употребления грамматических форм и как инструмента социального взаимодействия и культурного самовыражения – определяет различные ракурсы изучения упорядоченного языкового материала. И тот факт, что языковая норма в качестве социально-исторической категории входит в парадигму норм и регулятивов, представленных в обществе в разные периоды его развития [1], приводит к необходимости периодически обновлять сами принципы отбора грамматических единиц, подлежащих фиксации, и подходы их представления в стандартизирующих источниках. Действительно, в XVII веке в период появления первых нормативных источников французского языка, основным условием к кодификации являлся ориентир на чистоту языка и исключение вариативности, что должно было ограничить высокую изменчивость произношения и лексического состава. Усилия учредителей нормы исходили из неподвижности грамматического строя и, в целом, были направлены на стабилизацию и упорядочивание всей системы языка.

К вышеописанным принципам кодификации грамматической нормы французского языка правомерно добавить три универсальных критерия, которые применимы и к любому другому языку, а именно: 1) соответствие

внутренним закономерностям языкового строя; 2) массовое и регулярное употребление языковых форм носителями; 3) признание и закрепление в официальных источниках, изданных экспертными инстанциями, национальными академиями, лингвистическими комиссиями и образовательными учреждениями. К числу стандартизирующих письменных источников традиционно относят словари соответствующего профиля, грамматики и учебные пособия, например, *Le Dictionnaire de l'Académie française*, *le Bon usage*, *le Bescherelle*. Популярность среди франкофонов электронных словарей (*Antidote*, *Cordial*) и справочных онлайн-ресурсов (*Correcteur*) объясняется расширенными функциями последних, а именно то, что они выступают не только источниками грамматической нормы, но и корректорами.

Начиная с XX века и сами принципы кодификации языковых норм уже стали нуждаться в ревизии. В связи с массовым увеличением академических изданий, в которых, во-первых, отмечалась сложность в применении правил, и, во-вторых, обсуждалось их отставание от реальности и консервативность, появилась необходимость официально признать вариативное разнообразие. Кодификаторы стали идти на уступки и действовать в интересах пользователей нормы, стараясь сделать ее более адекватной языковой практике. Так, в постановлении от 19 июня 1990 года Высшего Совета французского языка в отношении согласования отмечалось: «La règle actuelle, qui ne date que de la fin du XVIe siècle, est d'une application difficile et donne lieu à des fautes très nombreuses, même chez les écrivains» 'Современное правило, установленное лишь в конце XVI века, трудно применимо и вызывает многочисленные ошибки, даже среди писателей'. Отсюда востребованным становится принцип кодификации, определяемый как *tolérance grammaticale* 'грамматическая толерантность' [2]. Данное требование позволяет допускать и признавать варианты грамматического употребления, ранее считавшиеся ошибочными, при условии, что они постепенно закрепляются в практике носителей языка. При этом официальные нормы рекомендуют сохранять традиционные формы до тех пор, пока новые варианты не получают широкого признания и не станут общепринятыми. В этом случае мы наблюдаем баланс между соблюдением исторически установленных норм и постепенным принятием языковых изменений, возникающих в результате реальной практики. Так, в постановлении от 28 декабря 1976 года разрешается согласование формантов *ni et demi* с существительным: *elle courait nus-pieds; une demi-heure* (без согласования) и *nus-pieds; une demie-heure* (согласованное).

К числу коллективных языковых инициатив в настоящее время можно отнести и ряд проектов, сфокусированных, в том числе, на актуализации франкоязычных грамматических ресурсов. Например, *Витрина языковых ресурсов*, созданная Квебекским офисом французского языка (OQLF). Она была запущена совсем недавно (в 2022 году) и предоставляет пользователям доступ к обновленному массиву языковых данных, объединяя в себе Большой терминологический словарь (*GDT*) и Банк языковой помощи (*BDL*), а также дополнительные лингвистические базы, справочники и инструменты,

поддерживающие стандартизацию и развитие французского языка. Под руководством А. Абей и Д. Годара при поддержке Федерации ILF CNRS, DGLFLF, Университета Париж 7 и LabEx EFL в 2021 г. был реализован проект по изданию как в печатном виде, так и в цифровом формате 20 тематических разделов, доступных на сайте *grandegrammairedufrançais*. Еще в одном медиапроекте *J'aime les mots*, объединившем усилия около пятидесяти лингвистов из 30 университетов и лабораторий Франции и других стран, французские синтаксические единицы и их семантические, дискурсивные и просодические особенности описаны в соответствии с актуальными запросами широкой аудитории. Например, носители языка массово отказываются применять правило согласования дополнения в препозиции вспомогательному глаголу *avoir*, не понимая целесообразность такого нормативного требования. Их негативное отношение к правилу, представляющему собой одну из главных трудностей французского языка, подкрепляется мнением и самих авторов академического и авторитетного справочника *le Bescherelle*, называющих это правило «самым искусственным во французском языке» [2]. Авторы проекта *J'aime les mots*, осознавая значимость сохранения нормы согласования и используя исторический подход, апеллируют к особенностям письма и восприятия текста в Средневековье. Они обосновывают целесообразность правила тем фактом, что в условиях ограниченного места для написания было необходимо фиксировать языковое окружение, и, соответственно, выполнять согласование дополнения с глаголом. Более того, для написания длинных предложений в эту эпоху в качестве примера была взята норма итальянского языка, в которой передача звуков на письме отражала однозначно произношение. Многофакторное объяснение этого сложного правила было бы неполным, если не учитывать и социально-культурную составляющую – активное его продвижение поэтом и гуманистом эпохи Ренессанса К. Маро и постоянный контроль со стороны Французской академии. Как видим, языковой материал, фиксируемый в вышеупомянутых проектах, представляет собой примеры не только лексических особенностей французского языка, но и его грамматического строя. И если последние не меняются столь радикально, чтобы говорить о значимости этого параметра для актуализации нормы, то интерпретация сути грамматической правильности меняется весьма существенно за последнее несколько десятилетий. Переосмысление данного понятия, начавшееся в 1970-х годах, привело к явному противопоставлению традиционной (*grammaire traditionnelle*) и новой грамматики (*grammaire actuelle*), для которой важна уже не корректность отдельных словоформ, а правильность употребления группы слов и предложения в целом: «on reconnaît en effet que, pour qu'une phrase soit correcte, elle doit non seulement être construite correctement, mais elle doit s'articuler avec les autres phrases qui la précèdent et qui la suivent» [3, p. 54], что и составляет основу нового видения грамматики – *grammaire actuelle*, предлагаемой канадскими, швейцарскими и французскими лингвистами [4, p. 18]. В рамках актуальной грамматики грамматическая корректность рассматривается не только как соответствие формальным правилам, но и как согла-

сованность высказывания с коммуникативной ситуацией и текстовым окружением. Иначе говоря, допустимость некоторых форм и конструкций, которые в традиционной грамматике могли бы считаться ошибочными или неуместными, признается, если последние функционально оправданы и приемлемы для конкретного контекста. Нарушение синтаксической логики из-за семантической рассогласованности подлежащего и герундиального оборота во французской пословице *L'appétit vient en mangeant* или во фразе *Maria n'ira pas bien loin, car, en quittant la maison, ses pieds étaient déjà endoloris* не является критичным для понимания и при необходимости может быть легко уточнено, например, редактором издаваемого романа. При употреблении похожей двусмысленной конструкции в другом контексте – в качестве завершающей фразы в письме: *Espérant une réponse favorable, veuillez agréer*, ошибка, которую уже никоим образом нельзя будет исправить после отправки документа, сыграет деструктивную роль для эффективности общения. Обратившись к адресату с помощью глагола повелительного наклонения *veuillez*, автор послания сообщает, что надеяться будут оба: *espérant une réponse positive*. Как видим, новый подход к пониманию грамматической нормы исходит из прагматической составляющей коммуникативной ситуации. Для объективации подобных взглядов, по мнению Ж.-Кл. Корбея [5, р. 26], необходимы прагматически ориентированные нормативные издания.

Как отмечалось выше, норма формируется, трансформируется и функционирует в разнообразных социальных и исторических условиях. Культурно-энциклопедический же подход к грамматической норме французского языка представляет норму уже не как набор изолированных правил, а как часть широкого культурно-исторического и лингвистического контекста. Представление правил пользователям сопровождается историческими сведениями, примерами и комментариями, что способствует комплексному восприятию кодифицируемых форм. Например, при анализе в словарной статье морфемы «social» и вариантов ее согласования, указывается, что в традиционном написании *la SOCIAL-démocratie, les SOCIAL-démocraties* меняется именно первый элемент:

Cent sept NATIONAUX-socialistes (BAINVILLE, Allemagne); Doctrines NATIONALES-socialistes (dans le Figaro litt., 19 avril 1952); Dictature nationale-socialiste (J. VANWELKENHUYZEN).

Однако в контексте немецкого социума *social* остается неизменным:

Médecins SOCIAL-fascistes [terme de dérision] (ARAGON, 1931).

В современном же французском *social* меняется по роду и числу:

Régimes SOCIAUX-démocrates (M. DUVERGER); Les SOCIAUXdémocrates (TODD). Listes SOCIALES-chrétiennes (X. MABILLE, Hist. polit, de la Belg., 1997) [6].

Отметим, что изначально кодификация была ориентирована на литературное употребление французского языка как наиболее репрезентативное в социальном и коммуникативном плане. Вместе с тем тот факт, что во французской художественной литературе встречаются сознательные откло-

нения от норм, направленные на создание стилистического эффекта, ставит под сомнение абсолютное превосходство языковых форм художественного стиля. Например, употребление слов *midi* (полдень) и *minuit* (полночь) в женском роде – *la midi, la minuit* – вместо нормативного мужского рода с определенным артиклем во фразе *Ce pouvait être vers la minuit* с целью архаического или старомодного звучания, в то время как с помощью *Douze heures* маркируется официально-деловой стиль. Более того, в таком издании как *Les plus jolies fautes de français de nos grands écrivains* критикуется грамматическая небрежность людей, с которых массовый читатель должен был бы брать пример. Так, в своем письме Пруст неправильно согласовывает подлежащее и сказуемое: *Si les proportions un peu vastes qu'a prises la Recherche du Temps perdu vous donnait quelque regret d'en avoir entrepris la publication, ne craignez pas de me froisser ni de me nuire*. Или М. Дюра совершает одну из самых частотных ошибок согласования в эмфатической конструкции: *C'est en son absence que la mère a acheté la concession. Terrible aventure, mais pour nous les enfants qui restaient, moins terrible que n'aurait été la présence de l'assassin des enfants de la nuit, de la nuit du chasseur* (Duras, *L'Amant*). С этих позиций редактор издательства *Bordas* предпочитает создавать собственные примеры нормативного использования, а не ссылаться на литературные тексты, поскольку современные писатели не всегда служат образцом правильного языка: «Il fut une époque où les œuvres des grands écrivains fondaient le bon usage. De nos jours, il n'est plus de prosateurs dont la langue fasse autorité» [7].

Разнообразие источников обуславливает и разнообразие представления правил. И если для регуляции и упорядоченности функционирования морфологических форм слов и синтаксических конструкций важен однозначный выбор, то в современных словарях они уже представлены в виде систематизированного перечня возможных вариантов употребления языковых средств: *des problèmes linguistiques qui peuvent nous préoccuper, et à nous guider dans un choix souvent difficile* [8]. При этом сведения о грамматической норме, фиксируемые в виде четко сформулированных правил, отражают единую объективную позицию их учредителей и кодификаторов, в то время как отсылка к мнению широкого круга лингвистов оставляет за пользователем право на выбор собственной позиции. Как, например, при выборе формы *J'ai été* или *Je suis allé* в словаре указывается, что первая рассматривается одними учеными как форма разговорного языка [9], тогда как другие считают *Je suis allé* проявлением претенциозности [10, с. 24]. Аналогично для вводного оборота *par ailleurs* предлагается информация о вариативности употребления, обусловленная динамикой значений. Как отмечает Э. Литтрэ, *par ailleurs* сперва означало *par une autre voie* 'другим способом'. Например: *Il faut faire venir vos lettres par ailleurs* 'Пусть ваши письма будут доставлены другим путем' [6]. Такое употребление считалось единственно допустимым вплоть до конца XIX века. Новое значение 'с другой стороны', 'кроме того' долгое время отвергалось пуристами как неправильное и неприемлемое, несмотря даже на лояльность Академии. Тем не менее, в XX веке нормоучредительные инстанции были вынуждены пойти на уступки и признать

узуальное значение. В литературной и устной речи стали встречаться примеры: *Je l'ai trouvé très irrité et, par ailleurs, décidé à se retirer* 'Я нашел его очень раздраженным и, кроме того, решил удалиться'. *Par ailleurs, devant la gare s'élevaient d'énormes lampadaires...* 'Кроме того, перед вокзалом возвышались огромные фонари...'. Таким образом, носители языка получают право самим выбирать между значениями и вариантами употребления. Те, кто строго придерживается грамматических норм, могут предпочесть синонимы *d'autre part, en outre, ailleurs*, о чем весьма корректно заявляет автор словаря: «Ceux qui craignent d'offenser la grammaire» [10].

Словари, справочники и учебные пособия часто отстают от реальной языковой практики по вполне объективным причинам, например, из-за длительного процесса подготовки и публикации. В результате этого нормой предписано соблюдать формы, которые уже выходят из употребления, а говорящим приходится прилагать значительные усилия по поддержанию живучести грамматических форм, со временем ставших неудобными и неестественными. Так, самой правильной после союза *après que* считается форма прошедшего совершенного времени изъявительного наклонения *passé antérieur*, например, *après qu'il eut fini* 'после того как он закончил'. Однако в повседневной речи эта устаревшая, слишком официальная и литературная форма почти не используется. И существует вполне логичное объяснение его исчезновения: оно употребляется в придаточном предложении, если в главном будет *passé simple* – время, тоже не употребляемое в разговорной речи.

В соответствии с социолингвистическим принципом кодификации реализуются и нормотворческие инициативы. Первая серьезная попытка кодификации языковых норм была предпринята при Франциске I при издании государственного указа – ордонанса Виллер-Коттре (1539), который обязал использовать французский язык вместо латыни в юридических документах. Это была не борьба с региональными языками, как иногда ошибочно считают, а передача от латинского языка национальному языку своего статуса власти и науки. Таким образом, в XVII веке началось официальное закрепление грамматических норм французского языка и установление над ними государственного контроля, который впоследствии только усилился. В 1635 году при поддержке кардинала Ришелье была создана Французская академия, которой было поручено систематизировать языковые ресурсы и разработать словарь и грамматику. Это указывало на социолингвистический принцип кодификации, воспринимаемый как инструмент централизованного регулирования и стандартизации языка и отражающий политическую и культурную власть государства. И сегодня протестуя против инклюзивного письма, Академия строго следует правительственным циркулярам. В то же время она может занимать такую позицию, как «позволять говорить», а не «жестко запрещать» или «предписывать». Также ею была проведена либерализация существительных, называющих профессии, допускающая параллельное употребление феминитивов, например, *Madame le Recteur / Madame la Rectrice*. В онлайн-версии словаря уже отмечается одновременное употребление форм *autrice* и *auteure*, отдавая предпочтение первой, что указывает на стремление не терять позиции и успешно выдерживать конкуренцию с другими кодификаторами [11].

Примечательно, что ввиду массовости и высокой степени представленности регионализмов на франкофонной территории весьма значимой для языкового сознания является их фиксация наряду с разговорными формами, с одной стороны, противопоставленных центростремительной норме национального языка, а с другой, наоборот, защищающих его от конкурента – английского языка: «Le marquage régionalisant est une façon sinon de faire barrage à de grandes langues concurrentes du français (en particulier l'anglais), du moins une façon de remplir un rôle d'épouvantail» [12]. Для многих лингвистов, к числу которых относится и Б. Вавасори, подобные варианты являются не ошибками, а разными способами «оживления» языка, указывающие на происхождение говорящего [13]. Так, регион Юго-Запада Франции выделяется не только своими собственными словами, например: *J'ai tombé mon stylo* вместо *J'ai fait tomber mon stylo* или *J'ai tombé ma veste* вместо *J'ai enlevé ma veste*, но и калькированием синтаксической модели из окситанского регионального языка [7]. При этом и грамматическая избыточность в употреблении местоимений, обычно критикуемая пуристами, не считается отклонением: *On se mange un cassoulet, Je me bois une bière, Change-toi de chaussettes!* Несмотря на то, что регионализмы еще совсем недавно не являлись объектом строгого официального языкового контроля, интерпретация вариативности грамматической нормы и маркировка региональных форм не только как проблемных, но и как возможных, позволяет носителям осознанно высказывать предпочтение в их пользу. По мнению М. Аванзи, региональные грамматические формы, отражая привычное языковое поведение, воспринимаются носителями, и в том числе им самим, как вполне естественные и адекватные языковой практике, и даже не осознаются как расхождение с академической нормой: «Moi j'ai toujours dit c'est quelle heure, et j'ai longtemps cru que c'était une formule que tout le monde employait... J'ai compris que c'était un régionalisme le jour où une collègue parisienne m'a repris, et m'a dit que c'était pas français. Et moi, un peu interloqué, je lui ai dit: Ah bon? Pourtant moi, j'ai toujours dit comme ça... Intérieurement, je pensais surtout: Mais qu'est-ce qu'elle est à cheval sur la grammaire, c'est fou pour une linguiste...» [14]. Аналогично использование предлога *en* вместо *à* перед названиями городов, особенно начинающихся с гласной, признаваемое Французской академией: *en Arles, en Avignon*, которое объясняется, с одной стороны, как архаизм, датируемый классической эпохой, а с другой – как провансальский регионализм [15]. Данное употребление подчинено принципу признания социолингвистической вариативности нормы, который и делает принцип социолингвистического портретирования релевантным для современной кодификации грамматической нормы, что составляет ее специфику: «En effet la prise en compte des langues régionales passe surtout par la généralisation des informations étymologiques. Par ailleurs ce que nous avons appelé la «reconnaissance identitaire», à partir de cette diversité linguistique (diversement) mise en vitrine (au demeurant), apparaît de fait plutôt contrôlée» [12].

Наконец, благодаря исследованию корпусов устных языковых форм и структур, начатому в 1950 году, кодификация последних носит регулярный характер. Таким образом, в грамматиках, словарях и т. д. фиксируются те же нормы, что объективно существуют в самом языке, но из них отбираются те, которые полагаются носителями языка наиболее правильными, предпочитаемыми и образцовыми, подтверждающими жизнеспособность принципа аксиологичности нормы. Влияние же социальных реалий на языковые привычки и предпочтения отмечается и преподавателями: школьники, у большинства из которых родители находятся в разводе, воспринимают близких родственников как отдельных индивидов, «не в паре», и вследствие этого неправильно согласуют сказуемое с подлежащим в фразе *Papa et maman se demandait* вместо *se demandaient*, что указывает на взаимодействие языковой нормы с социокультурным контекстом.

Таким образом, на современном этапе кодификации французской грамматической нормы наблюдается предоставление выбора пользователю. Жесткие правила не навязываются, а систематически фиксируют различные языковые варианты, из которых используются наиболее уместные. С этих позиций важен баланс между жесткой нормативностью и толерантностью к вариантам, проявляющихся в разных регионах и социальных группах, а также учет реальной языковой практики, социального и исторического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: [/http://tape-mark.narod.ru/les/337b.html](http://tape-mark.narod.ru/les/337b.html) (дата обращения: 31.10.2024).
2. Le Bescherelle : grammaire. – 3 Volumes. – Hatier, 2024. – 896 p.
3. Catach, N. Les tolérances grammaticales et orthographiques / N. Catach // Pratiques. – 1979. – № 25. – P. 114–115.
4. Lefrançois, P. De la nouvelle grammaire à la grammaire actuelle / P. Lefrançois // Québec français. – 2003. – № 131, automne. – P. 53–54.
5. Guay, M. Grammaire traditionnelle ou nouvelle grammaire? Une fausse question, un vrai débat / M. Guay // L'Actualité langagière. – 2011. – Vol. 8. – № 1. – P. 18–20.
6. Littré, É. Le Littré: Dictionnaire de la langue française en un volume. – Littré 2000. – 1839 p.
7. Corbeil, J.-C. Le MULTI, un dictionnaire pragmatique / J.-C. Corbeil // Québec français. – 2004. – № 134. – 26–27.
8. Bernier, G. Compte rendu de [Multidictionnaire de la langue française] / Marie-Éva de Villers. 4 e éd. Montréal : Québec Amérique, 2003. xxv, 1542 p. (Cédérom de la 3 e éd. sur le marché) / Dictionnaire des difficultés du français / Jean-Paul Colin. Paris : Dictionnaire Le Robert VUEF, 2002. 676 p. (Les usuels) / Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne / (Joseph) Hanse, (Daniel) Blampain. 4 e éd. Bruxelles : De Boeck Duculot, 2000. 649 p. (Cédérom également)] / G. Bernier // Documentation et bibliothèques. – 2003. – № 49 (3). – P. 141–143.

9. Kern, E. Les plus jolies fautes de français de nos grands écrivains / E. Kern, A. Boquel. – Payot, 2015. – 128 p.
10. Girodet, J. Dictionnaire Bordas des pièges et difficultés de la langue française. – Bordas, 2001. – 896 p.
11. Dictionnaire de l'Académie française. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4E0660>.
12. Rey, Ch. Regard sociolexicologique sur le «bon usage régional» du Dictionnaire de l'Académie française / Ch. Rey, I. Pierozak // Bon usage et variation sociolinguistique, édité par Wendy Ayres-Bennett et Magali Seijido, ENS Éditions, 2013. – P. 159–170.
13. Vavassori, B. A bisto de nas / B. Vavassori. – Loubatières, 2002. – 268 p.
14. C'est la France. – URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/c-est-la-france/13h54-c-est-la-france-du-lundi-31-mars-2025-5530937> (date of access: 31.10.24).
15. Brunot, P. Précis de grammaire historique de la langue française / P. Brunot, Ch. Bruneau – Paris, 1956. – 641 p.

Г. А. Змудяк (г. Минск, Беларусь)

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ И НЕИМПЕРАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ (на материале французского языка)

В статье рассматриваются особенности функционирования глагольных форм повелительного наклонения. В диалоге глагол может полностью или частично утрачивать свое основное значение побуждения к действию, приобретая оттенок условности. Волеизъявление имеет целевую установку не на исполнение действия, а на его отрицание. В зависимости от контекста повелительное наклонение служит для привлечения внимания адресата, для выражения обобщения, сентенции. Теряя полностью лексическое значение глагол сохраняет семантику побуждения, приближаясь по своим функциям к междометию.

Ключевые слова: *повелительное наклонение, субъект волеизъявления, побуждение к действию, императивные и неимперативные значения.*

G. Zmudyak (Minsk, Belarus)

IMPERATIVE MOOD AND NON-IMPERATIVE MEANINGS (Based on the French Language)

This article examines the functioning of imperative verb forms. In dialogue, a verb may completely or partially lose its primary meaning of urging action, acquiring a conventional connotation. An expression of will is intended not to perform an action, but to deny it. Depending on the context, the imperative mood

serves to attract the addressee's attention, to express a generalization, or to make a maxim. While completely losing its lexical meaning, the verb retains the semantics of urging, approaching the functions of an interjection.

Key words: *imperative mood, subject of the expression of will, urging action, imperative and non-imperative meanings.*

Основной формой передачи императивного значения является повелительное наклонение. В диалоге императив ряда глаголов служит средством привлечения внимания собеседника к адресованной ему информации или к запросу информации. Побудительное значение такого императива может вести к лексическому обесцениванию глагольной формы [1, с. 18].

1. <i>Mme Smith: Encore une, Capitaine.</i>	‘Мадам Смит: Еще одну, капитан.
<i>Le pompier: Oh, non, il est trop tard.</i>	Пожарный: О нет, слишком поздно.
<i>M. Martin: Dites quand même.</i>	Месье Мартен: Расскажите все-
<i>Le pompier: Je suis fatigué. (Jonesco)</i>	таки.
	Пожарный: Я устал’.
2. <i>Il le lui dit tout net:</i>	‘Он ему это ясно объяснил:
– <i>C’est faux, répliqua Bernard.</i>	– Это ложь, возразил Бернар.
<i>Dominique eut l’air furieux.</i>	Доминик рассердился.
– <i>Dites que je mens alors?</i>	– Вы хотите сказать , что я лгу?
– <i>Oui, répliqua Bernard. (M.Gyleroi)</i>	– Да, ответил Бернар’.
3. – <i>C’est la vie, déclara monsieur</i>	‘– Это жизнь, заявил месье Соваж.
<i>Sauvage.</i>	– Скажите лучше , что это скорее
– <i>Dites plutôt que c’est la mort, reprit</i>	смерть, чем жизнь, ответил, смеясь,
<i>en riant Morisot. (G. de Maupassant)</i>	Моризо’.

В примере 1 глагол *dire* ‘говорить’ лексически полноценен и выражает побуждение к действию: рассказать еще одну историю.

В примере 2 этот же глагол в какой-то степени утрачивает побудительное значение, приобретая оттенок условности. Произнося данное высказывание *Dites, que je mens alors?* ‘Вы хотите сказать, что я лгу?’, говорящий рассчитывает на отрицательный ответ, т. е. семантическое содержание высказывания можно интерпретировать как *Vous ne pouvez pas dire que je mens* ‘Вы же не можете сказать, что я лгу’. Прагматическая направленность волеизъявления имеет целевую установку не на исполнение действия, а на его отрицание, на невозможность его совершения слушающим (Dominique).

В примере 3 глагол *dire* ‘говорить’ полностью утрачивает повелительное значение. Произнося данное высказывание, субъект волеизъявления не нуждается ни в согласии, ни в отказе со стороны собеседника. Повелительное наклонение выражает лишь мнение говорящего (Morisot) по обсуждаемому вопросу. Высказывание может быть интерпретировано как *c’est plutôt la mort que la vie* ‘Это скорее смерть, чем жизнь’.

Глагол *dire* 'говорить' в императиве также может терять побудительное значение, следовательно, его утрачивает все высказывание.

Глагол *aller* 'идти' в императиве утрачивает побудительное значение.

4. *Valdemar lâcha le piano.* 'Вальдемар перестал играть на пианино.
– *C'est bon, dit-il, je vais me tuer.* – Хорошо, сказал он, я покончу жизнь
Cécile éclata de rire. – *Allez-y.* самоубийством.
(G. Duhamel) Сесиль рассмеялась. – **Давайте, вперед'.**

Субъект волеизъявления (Valdemar) ожидает и настроен на отрицательное отношение собеседника (Cécile) к действию. Субъект волеизъявления (Valdemar) является одновременно потенциальным исполнителем действия: *Je vais me tuer* 'Я покончу жизнь самоубийством'. Сесиль, зная его характер и неспособность реализовать угрозу, дает сигнал к исполнению действия. Следует отметить, что форма *allez-y* 'Давайте вперед' может служить сигналом к любому действию, которое заранее известно собеседникам.

5. *Grandet se retourna brusquement* 'Гранде резко повернулся к своей
vers sa femme ef lui dit: жене и сказал:
– *Madame Grandet allez à votre loto.* – Мадам Гранде, **возвращайтесь**
Laissez-moi m'entendre avec Monsieur. к своей игре. Позвольте мне погово-
(H. de Balzac) рить с месье'.

В примере 5 глагол *aller* 'идти' полностью сохраняет свое лексическое значение глагола движения.

6. *Messire Alain de Pareilles avait* 'Месир Ален де Парей надел каску:
coiffé son casque: un soldat tenait солдат держал его лошадь и подстав-
son cheval et lui présentait l'étrier. лял стремя.
– *Allons, dit le grand maître.* – **Трогаемся**, сказал месир'.
(M. Druon)

Глагол *aller* 'идти' в 1-м лице множественного числа имеет полноценное лексическое значение движения: *Allons* 'Трогаемся'.

Однако *aller* 'идти' может полностью утрачивать лексическое значение, сохраняя семантику побуждения и приближаясь по своим функциям к междометию:

7. – *Oubliez-moi! D'autres vous* '– Забудьте меня! Другие вас полю-
aimeront... Vous les aimerez. бят...
– *Pas comme vous! s'écria-t-il.* И вы их полюбите.
– *Enfant que vous êtes! Allons,* – Не так как вы! воскликнул он.
soyons sage. Je le veux. (G. – Какой же вы ребенок! **Вот так-то,**
Flaubert) будем благоразумны. Я этого хочу'.

В примере 7 глагол утрачивает лексическое значение движения и выполняет функцию междометия: *Allons* 'Вот так-то'.

Признак волеизъявления, побуждения к действию исчезает в некоторых периферийных типах повелительного наклонения.

8. *Mes enfants, tant qu'un homme est au ministère, adorez-le, tombe-t-il, aidez à le traîner à la voirie, il est plus misérable que Marat, car Marat était mort et lui, il est vivant.* (H. de Balzac) 'Дети мои, пока человек работает в министерстве, **обожайте его**, постигнет его неудача, **помогите** отправить его на свалку, он еще более несчастен, чем Марат, потому что Марат умер, а он жив'.

На первый взгляд побуждение, выраженное повелительным наклонением, *adorez-le* 'обожайте его', *aidez à le traîner à la voirie* 'помогите отправить его на свалку' конкретно, так как в высказывании присутствует обращение *mes enfants* 'дети мои'. Однако совет носит обобщенный характер: адресат не спрашивает совета у субъекта волеизъявления, а сам субъект волеизъявления не настаивает на его исполнении. В данной императивной ситуации отсутствует разграничение во времени между положением дел до реализации действия и после его предполагаемой реализацией. Повеление носит обобщенный характер, на что указывает употребление артикля: неопределенного *qu'un homme* 'любой человек' и определенного перед словом *au ministère* 'в любом министерстве'. Это своего рода сентенция, совет, который направлен не на конкретного исполнителя, а на всех, кто оказывается в подобной ситуации.

Частичное устранение императивности наблюдается и в других периферийных типах форм повелительного наклонения.

9. *Mais elle haussait les épaules avec mépris répétant: – Fais-en autant que lui, toi. Deviens ministre et tu pourras faire la tête. Jusqu' là, tais-toi.* (G. de Maupassant) Она с презрением пожимала плечами, повторяя: – **Сделай столько, сколько он. Стань министром и ты сможешь сопротивляться. А пока помолчи.**

В примере 9 дано не прямое, а условное волеизъявление, связанное с предположением, т. е. императивность становится способом представления условия в ситуации «условие-следствие».

Реальным является волеизъявление *tais-toi* 'помолчи', которое имеет свои ограничения: оно должно исполняться до тех пор, пока не будут реализованы первые волеизъявления на что указывает наречие *jusque là* 'пока'. Высказывания *Fais-en autant que lui* 'Сделай столько, сколько и он'. *Deviens ministre* 'Стань министром', представляют собой переходный случай от императивности к неимперативности.

Таким образом, повелительное наклонение обладает главными формами побудительной модальности. Однако в некоторых периферийных типах своего функционирования они почти полностью утрачивают признаки волеизъявления. Значение повеления сохраняется имплицитно: адресату навязываются определенные мысли. В зависимости от контекста императивной ситуации, от ее лексического содержания они используются для привлечения внимания адресата, т. е. выполняют функцию междометия. Императивная ситуация может выражать обобщенное побуждение, сентенцию. Кроме того периферийные императивные высказывания могут быть семантически тождественны условным высказываниям: волеизъявление утрачивает императивность и становится условным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева, И. И. Синтаксические функции императива / И. И. Дмитриева // Проблемы структуры предложения: сб. науч. трудов / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; редкол.: Н. А. Лихтарникова (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1981. – 114 с.

С. В. Михайлова (г. Москва, Россия)

ГРАММАТИКА ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ НОРМА?

В статье поднимается вопрос о необходимости рассмотрения грамматических систем жестовых языков в контексте дихотомии *норма / девиация*. Анализируются морфологические, синтаксические и дискурсивные характеристики языков глухих, основанные на пространственно-кинетической природе жеста, иконичности и немануальных средствах. Показано, что грамматические характеристики языков глухих, часто интерпретируемые как «отклонения» от языков слышащих, на самом деле представляют собой нормативные проявления зрительно-пространственной модальности. Анализ научной литературы подчеркивает необходимость признания жестовых языков как полноценных лингвистических систем с альтернативной грамматической нормой, а их изучение способствует расширению границ общей и сопоставительной лингвистики.

Ключевые слова: *жестовый язык, грамматика жестового языка, норма и девиация, пространственная грамматика, визуально-пространственная модальность.*

S. Mikhaylova (Moscow, Russia)

GRAMMAR OF SIGN LANGUAGES: DEVIATION OR NORM?

The article raises the issue of the need to examine the grammatical systems of sign languages within the framework of the *norm vs. deviation* dichotomy. Morphological, syntactic, and discourse-level characteristics of deaf languages are

analyzed, focusing on the spatio-kinetic nature of signs, iconicity, and non-manual markers. It is demonstrated that grammatical features of deaf languages, often interpreted as "deviations" from spoken hearing languages, are in fact normative manifestations of visual-spatial modality. An analysis of scholarly literature emphasizes the necessity of recognizing sign languages as full-fledged linguistic systems with an alternative grammatical norm, and their study contributes to expanding the boundaries of general and comparative linguistics.

Key words: *sign language, sign language grammar, norm and deviation, spatial grammar, visual-spatial modality.*

Парадоксальное замечание основателя минской школы функциональной лингвистики А. Н. Степановой ложится в основу глубокого рефлексивного осмысления природы языковой нормы, указывая на диалектическую природу нормы: она существует не сама по себе, а в соотношении с тем, что выходит за ее пределы. Однако в лингвистической практике это соотношение часто оказывается искаженным: аномалия – отклонение, нарушение, диссонанс – воспринимается как нечто вторичное, патологическое, требующее коррекции. В то же время норма мыслится как статичный, универсальный эталон, ассоциируемый с линейным языком устной традиции¹. Такая установка, однако, оказывается продуктом аудиоцентричной парадигмы, в которой языки (прежде всего европейские) понимаются исключительно через призму звуковой речи, а любые структуры, не соответствующие ее логике, автоматически классифицируются как «аномалии».

Именно в этом контексте оказываются жестовые языки – естественные, зрительно-пространственные языки глухих сообществ. Грамматические особенности таких языков – нелинейность, синхронность, использование тела, лица и пространства как грамматических ресурсов – долгое время интерпретировались как «отклонения» от нормы, задаваемой звуковыми языками. Однако современная лингвистика все настойчивее утверждает: жестовая речь не «упрощенная» или «недоразвитая» форма коммуникации, а реализация полноценных языков, обладающих сложной, системной и нормативной грамматикой. Вопрос, следовательно, стоит не о девиации, а о переосмыслении самого понятия языковой нормы и отказе от модально-центричной парадигмы, в которой звучащая речь считается эталоном.

Если принять во внимание, что аномалия может быть проявлением иной нормы, то окажется, что то, что кажется «нарушением» в одной модальности, может быть высшей формой гармонии в другой. Гармония речи – это не только соответствие правилам, но и функциональная целесообразность, системная согласованность и коммуникативная эффективность [2]. В этом смысле гармония может проявляться не в линейной последовательности,

---

¹ Мы придерживаемся терминологической системы, предложенной Д. С. Золотухиным: за языками слышащих закрепляются термины «устный, или звуковой, звучащий, словесный язык, проявляющийся в звуковой (словесной, устной) речи» [1, с. 600–601, курсив автора].

а в синхронной артикуляции, не в словоизменении, а в пространственном позиционировании, не в интонации, а в мимике и движении глаз. Жест в языке глухих представляет собой не просто визуальный сигнал, является не простой имитацией единицы устного языка, но пространственно-кинетической формой выражения общего и существенного признака предмета или явления, то есть выражением понятия, что равнозначно слову в аудиальной речи, но реализовано в иной модальности – зрительно-двигательной [3].

Одной из ключевых характеристик жестов в языках глухих является их (жестов) *иконичность* [4] – способность к прямому, образному отражению референта, что ни в коей мере не означает примитивности или отсутствия системности. Напротив, со временем многие иконичные жесты утрачивают прямую связь с оригиналом, подвергаясь процессам *абстрагирования и конвенционализации*, становясь условными, как и слова в языках слышащих [5]. Приведем пример жеста «время»: во многих жестовых языках изначально он отражал движение стрелки часов, теперь закреплен как стандартная, условная единица, понимаемая носителями языка вне зависимости от его визуальной прозрачности. Таким образом, между иконичностью и абстрактностью жеста существует динамическое равновесие. Если чрезмерное внимание к иконичности может вести к ошибочному представлению о жестовом языке как о «недоразвитом» или «предъязыковом» средстве коммуникации, то игнорирование этой черты лишает понимания одной из фундаментальных основ его грамматической организации.

Вопросы грамматической организации жестовых языков в последние десятилетия становятся все более актуальными в рамках как лингвистики, так и социогуманитарных исследований. Особый интерес представляет сравнительный анализ структурной специфики жестовых языков и ее соотношения с традиционными представлениями о языковой норме. В научной литературе уделяется внимание вопросам изучения конститутивной нормы жестовой речи на основе корпусов различных языков [6]; построения грамматической системы жестового языка как автономной лингвистической структуры (на примере русского [7; 8], французского и американского жестовых языков [9; 10]); рассмотрению пространства не просто как технического параметра артикуляции жестов, а как фундаментальной лингвофилософской категории, активного грамматического ресурса, определяющего природу жестового языка и являющегося носителем синтаксической, семантической и прагматической информации, выполняя функции, аналогичные морфологии и синтаксису в устных языках [11].

Изучение процессов дифференциации, нормализации и автономизации, протекающих в диахронии и синхронии в жестовых языках, позволяет переосмыслить традиционные лингвистические категории, такие как *части речи, предложение, синтаксис* и пр. в контексте модальности, где линейность и словоизменение отсутствуют. В данной связи актуальна работа А. Н. Гордея [12], в которой автор критикует доминирование морфологического признака в греко-латинской классификации частей речи. Подход к изучению грамматики жестового языка, коррелирующий с исследованиями

иероглифических языков, может оказаться, на наш взгляд, весьма продуктивным. Лингвист демонстрирует, что в языках с аналитической структурой, например, в китайском, отсутствие словоизменения делает морфологический критерий неприменимым, что ставит под сомнение универсальность традиционной классификации. Семантические и синтаксические признаки оказываются размытыми, а сама концепция частей речи – неустойчивой. Ученый предлагает перейти от понятия *части речи* к более гибкому понятию *части языка* – функциональным единицам, определяемым не формой, а ролью в высказывании. Эта идея оказывается чрезвычайно продуктивной для анализа жестовых языков, где, например, один и тот же жест может выполнять функцию существительного, глагола или наречия в зависимости от контекста, пространственного позиционирования и немануальных маркеров. Так, жест «идти» может обозначать *действие* (глагол), *путь* (существительное) или *способ передвижения* (наречие) – в зависимости от движения, ритма, мимики и пр.

Эти аргументы приобретают значимость при анализе жестовых языков, где *морфологическая изменчивость* выражена иначе, чем в языках с устной традицией: не через аффиксы, а через изменение направления, амплитуды, местоположения и немануальных компонентов. В жестовых языках нет окончаний или приставок в привычном смысле, но есть пространственные морфемы, движения-модификаторы, визуальные классификаторы, выполняющие те же функции, что и морфемы в слове. На *синтаксическом уровне* жестовые языки принципиально отличаются от синтаксиса звучащих языков своей нелинейностью и синхронностью. Вместо последовательного порядка слов языки глухих используют пространственное размещение аргументов, повторение, сдвиги взгляда и немануальные маркеры (выражение лица, наклон головы) для построения предложений. Важное значение имеет топографическое пространство – условное пространство перед телом, в котором фиксируются участники дискурса, объекты и действия. Это позволяет создавать сложные нарративы с четкой логикой следования событий, не требуя линейной последовательности. Такая организация высказывания не является «нарушением» синтаксической нормы, а представляет собой *альтернативную* синтаксическую парадигму, адаптированную к визуальной модальности. На *дискурсивном уровне* грамматика жестовых языков проявляется в способах организации повествования, управления вниманием слушающего, выражения отношения говорящего к высказыванию и регулирования коммуникативного взаимодействия через изменение выражения лица, направления взгляда, ритма, темпа, дополнительную паузацию.

Таким образом, изучение и описание грамматики жестовых языков требует переосмысления традиционных лингвистических категорий. Ряд работ [13; 14; 15] и наша [16] расширяют дискуссию, выводя ее за пределы исключительно лингвистического анализа, подчеркивая социокультурное измерение языков глухих и слабослышащих. Авторы указывают, что признание жестовых языков напрямую связано с вопросами инклюзии, доступности образования и языковых прав глухих. Эти позиции перекликаются

с Указом Президента Российской Федерации об утверждении «Основ государственной языковой политики Российской Федерации (№ 474 от 11.07.2025)» о поддержании развития русского жестового языка [17; 18], чья нормативность признается уже не только на научном, но и на правовом уровне.

Осмысление грамматической «нормальности» жестовых языков требует отказа от этноцентричного взгляда на язык и перехода к модально-нейтральной лингвистике, где критериями полноценности становятся не соответствие привычной грамматике звучащих языков, а системность, продуктивность, коммуникативная эффективность и автономия. Жестовые языки расширяют наше понимание того, что значит быть языком – вне зависимости от того, *звучит* он или *видится*: язык – это не только звук, но и движение, не только линия, но и пространство, не только слово, но и жест. И в этом многообразии проявляется подлинная норма человеческой коммуникации. Более того, глубокое понимание грамматики конкретного жестового языка, возможно, открывает путь к пониманию всех жестовых языков в целом, поскольку несмотря на лексические и региональные различия, все жестовые языки разделяют общие принципы организации (использование пространства, синхронность, иконичность, классификаторы, немануальные маркеры и т. д.).

Изучая каждый отдельный жестовый язык как полноценную, автономную систему, мы приближаемся к универсальным принципам визуально-пространственной коммуникации, которые могут стать основой для формирования общей теории жестовых языков, а следовательно и для расширения границ лингвистики, к признанию многообразия форм языка и к построению более инклюзивной, модально-нейтральной картины языковой природы человека. В конечном счете, только понимая, что норма может существовать в разных модальностях, мы сможем преодолеть стигму девиации и признать жестовые языки как равноправные, нормативные и гармоничные формы человеческого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухин, Д. С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций / Д. С. Золотухин // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26, № 4 (34). – С. 597–606. – DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-597-606>.
2. Евчик, Н. С. Аномалия в языке, гармония в речи: каузальность сосуществования в иноязычном сознании индивида / Н. С. Евчик // Аномалия в языке, гармония в речи : сб. науч. ст. / редкол.: Н. Н. Бартош (отв. ред.) [др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – С. 10–17.
3. Лингвистика и грамматика русского жестового языка // Русский жестовый язык : Начала. – М. : ОнтоПринт, 2017. – С. 91–107.
4. Cuxac, C. Iconicité des Langues des Signes / C. Cuxac // Faits de langues. – 1993. – № 1. – Р. 47–56. – DOI: <https://doi.org/10.3406/flang.1993.1034>.

5. La langue des signes. Introduction à l'histoire et à la grammaire de la langue des signes. Entre les mains des sourds / B. Moody, A. Vourc'h, M. Girod [et al.]. – T. 1. – Paris: Éditions IVT, 1998. – 208 p.
6. Sourds et langues des signes : norme et variations // Langage et société. – 2010. – № 131. – URL: <https://shs.cairn.info/revue-langage-et-societe-2010-1?lang=fr> (date of access: 27.07.2025).
7. Королькова, О. О. Концепция построения грамматической системы русского жестового языка (к постановке проблемы) / О. О. Королькова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 226–233.
8. Королькова, О. О. Традиции русской грамматики и грамматика русского жестового языка / О. О. Королькова // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8–7. – С. 69–71.
9. Tournadre, N. Une approche typologique de la langue des signes française / N. Tournadre, M. Hamm // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. – 2018. – № 34. – URL: http://journals.openedition.org/tipa/2568_ (date of access: 27.07.2025).
10. Miniac, T. de Langue des signes et linguistique comparée : vue d'ensemble de l'ASL et de la LSF / T. de Miniac // Glossa. – 2016. – № 119 (72–79). – URL: <https://www.glossa.fr/index.php/glossa/article/view/626> (date of access: 27.07.2025).
11. Борисова, Л. В. Пространство в жестовых языках как лингвофилософская категория / Л. В. Борисова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (14). – С. 37–41.
12. Гордей, А. Н. Части языка вместо частей речи / А. Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск: СПГУ, 2000. – С. 258–271.
13. Delamotte-Legrand, R. Une rencontre à bâtir : didactique des langues et des cultures et langues des signes / R. Delamotte-Legrand // Lidil. – 1997. – № 15. – P. 83–99.
14. Денисенко, Р. Л. Жестовый язык глухих и его потенциал в инклюзивных академических практиках / Р. Л. Денисенко, Д. А. Денисенко, Н. И. Басина // Человек и социальные обязательства: контуры, феномены, вызовы. – Ростов-н/Д: ДГТУ-ПРИНТ, 2014. – С. 133–139.
15. Михайлова, И. В. Язык жестов как средство общения // Развитие языковой образовательной среды современного вуза / И. В. Михайлова, А. С. Козлова. – Томск: ТГАСУ, 2020. – С. 121–129.
16. Михайлова, С. В. Услышать неслышащего: жестовые языки как фактор развития диалогового мышления общества / С. В. Михайлова // Язык, культура, социум: *essentia et existentia*. – М. : Книгодел, 2023. – С. 129–137.
17. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012025071-10017> (дата обращения: 27.07.2025).
18. В России поддержат развитие русского жестового языка // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250711/rossija-2028689926.html>. – Дата публ.: 11.07.2025.

М. В. Савко (г. Минск, Беларусь)

РАСШИРЕНИЕ ПОЛЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ: ОТ АНОМАЛИИ К НОРМЕ

В статье рассматривается динамика глагольной валентности, для анализа привлекаются данные русского и французского языков. Исследуются такие аспекты глагольной валентности, как соотношение семантических и синтаксических актантов, валентностный потенциал и валентностная структура глаголов и др. Расширение поля валентности глагола представляет собой системный процесс, управляемый рядом морфологических и синтаксических механизмов.

Ключевые слова: *валентность, семантическая валентность, синтаксическая валентность, глагол, языковая динамика.*

M. Sauko (Minsk, Belarus)

EXPANDING THE FIELD OF VERB VALENCY: FROM ANOMALY TO NORM

The present article examines the dynamics of verb valency, drawing on data from Russian and French. The study explores aspects of verb valency, including the relationship between semantic and syntactic actants, the valency potential and valency structure of verbs. The expansion of verb valency can be defined as a systemic process that is subject to the influence of various morphological and syntactic mechanisms.

Key words: *valency, semantic valency, syntactic valency, verb, language dynamics.*

Валентность глагола представляет собой языковой феномен, который находится на пересечении синтаксиса, морфологии и семантики. Исследование речевых аномалий и их влияния на структуру и функциональность языковой системы требует анализа происходящих в ней семантических изменений. Кроме того, одним из аспектов, заслуживающих внимания, является влияние цифровой эпохи на язык. Социальные сети, мессенджеры способствуют появлению новых форм общения, в которых, например, сокращенные конструкции и эмодзи становятся полноценными элементами речи. Подобные изменения являются важными индикаторами того, как культурные и технологические трансформации влияют на способы выражения. Современные средства массовой информации также играют значительную роль в формировании новых языковых норм. Новые лексемы или конструкции могут быстро распространяться через различные каналы, что приводит к их внедрению в речь большинства.

Объектом анализа послужили изменения, наблюдаемые в поле глагольной валентности современных русского и французского языков. В данном исследовании основное внимание уделяется материалу русского языка, в то время как французский язык используется преимущественно в иллюстративных целях.

В русскоязычной лингвистике понятие валентности было разработано С. Д. Кацнельсоном, который трактовал ее как «подразумеваемое значением слова или имплицитно содержащееся в нем указание на необходимость восполнения его словами определенных типов в предложении» [1, с. 20–21]. Вслед за Л. Теньером валентность глагола будем определять как сочетаемость глагола, т. е. то количество актантов, которое он может присоединять. «Таким образом, глагол можно представить себе в виде своеобразного атома с крючками [...]. Число таких крючков, имеющихся у глагола, и, следовательно, число актантов, которыми он способен управлять, и составляет сущность того, что мы будем называть валентностью глагола» [2, с. 250]. Л. Теньер выделял различные типы глаголов: безвалентные, одновалентные, двухвалентные и трехвалентные глаголы, а также описывал операции, изменяющие число актантов (например, каузативная диатеза) [2, с. 251–296]. Под расширением валентности глагола понимается переход глагола из одной группы в другую (например, глагол из одновалентного становится двухвалентным), что подразумевает изменение его ранга. Также в данном контексте рассматриваются изменения (нетипичные) средств оформления присловных связей, которые могут быть связаны с изменением семантики глагола. Например, использование глагола *танцевать* в контексте *о чем-либо* придает ему значение глагола говорения; а такие глаголы как *вертеть*, *крутить*, *заворачивать* с дополнениями в творительном падеже вписываются в лексическую семантику глаголов руководства.

Многочисленные работы в области глагольного управления показывают, что для объяснения причин изменения в данном поле целесообразно разграничить семантическую и синтаксическую валентность. Семантическая валентность (или семантические актанты) определяется смыслом слова, его толкованием: количество переменных в толковании соответствует количеству валентностей [3, с. 135]. Синтаксическая валентность же определяется реально наблюдаемыми в тексте «сильными» зависимыми элементами — подлежащим и дополнениями. Обычно семантической валентности соответствует синтаксическая валентность, но так бывает не всегда. Примером может служить многократно анализируемый различными исследователями глагол *промахнуться*, где семантические актанты включают деятеля (кто), цель (во что/по чему) и инструмент (из чего), на синтаксическом же уровне данный глагол часто не допускает дополнений: например, нельзя сказать *промахнуться во что-либо чем-либо*. В отличие от русского языка французский эквивалент *manquer* абсолютно естественно позволяет присоединять дополнение, называющее цель.

Н. В. Перцов называет пример с глаголом *промахнуться* «старинным лингвистическим мифом» [4, с. 228] и, пытаясь развенчать его на основе данных Национального корпуса русского языка, обнаруживает, что в современных текстах данная лексема часто употребляется с указанием на объектами (мимо цели) и инструмент (из снайперской винтовки) [4, с. 230].

А. Д. Шмелев в своей работе «Типы “невыраженных валентностей”» [5] рассматривает случаи отсутствия синтаксического выражения для определенной семантической валентности и выделяет два случая: 1) содержание выводится из контекста или ситуации (конситуативное заполнение), например: «Ты читал эту книгу? – Читал» (заполнение валентности субъекта и объекта выводится из контекста); 2) информация о заполнении валентности не может быть выведена из контекста и оказывается несущественной для понимания высказывания (например: «Он рано научился читать» (здесь устранена валентность объекта)). Исследователь также различает облигаторную и факультативную валентность. Облигаторная валентность должна быть заполнена обязательно; при этом допускается конситуативное заполнение. Отклонение от привычного управления происходит тогда, когда семантическая валентность оформляется на синтаксическом уровне (особенно если глагол переходит в другую ЛСГ). Разграничение обязательной и факультативной валентности представлено также в работах Московской семантической школы: обязательная валентность предопределяется необходимостью слова иметь определенные актанты; факультативная же – это возможная сочетаемость, реализующаяся лишь в некоторых случаях [6, с. 53].

Следовательно, можно заключить, что участники ситуации, описываемой в высказывании, не обязательно должны находить свое выражение в формальных связях глагола. Б. Ю. Норман [7, с. 303], рассматривая случаи незаполнения обязательных позиций предикатно-актантной структуры, подчеркивает, что за этим стоит такая трактовка фрейма ситуации (системы знаний о некоторой стандартной ситуации, хранящаяся в нашей памяти), при которой внимание собеседников сосредоточено на минимуме слотов. Структура отражаемой ситуации определяется говорящим, который осознанно выделяет или игнорирует определенные элементы.

В данном контексте следует подчеркнуть, что различные девиантные формы глагольного управления (как и иные языковые аномалии) могут быть объяснены, с одной стороны, общей тенденцией к свободному обращению с рядом системно-языковых и стилистических норм и правил, а также легитимизацией ошибок и речевой небрежности. С другой стороны, согласно наблюдениям Т. Б. Радбиля, который анализирует, в частности, Интернет-коммуникацию, наблюдается явная тенденция к осознанному использованию носителями языка речевых аномалий (здесь, в частности, сказывается влияние цифровой эпохи). Это позволяет интерпретировать их богатые возможности в контексте языковой концептуализации мира или языковой экспрессии, что можно рассматривать в рамках *категории лингвокреативности* [8, с. 299].

Рассмотрим некоторые примеры подобной лингвокреативности. Лексико-семантический сдвиг или семантическое расширение может проявляться в окказиональном переходе глагола в другую ЛСГ, что подтверждается приобретением глаголом новых синтаксических признаков. Например, конструкция «танцевать о чем-либо» трансформирует движения в глагол речи [7, с. 294]. Во французском языке глагол *avoir* + *COD* приобретает значение

‘сообщить’, как видно из примера: *Je vous serais reconnaissante si vous pouviez m’avoir des nouvelles* (дословно: ‘Я был бы вам признателен, если бы вы могли иметь мне новости’). Примером креативной вариации может быть выражение «кто девушку ужинает, тот ее и танцует» (возможно по аналогии с «кто платит, тот и заказывает музыку» т. е. диктует условия): *Мы не сможем жить в режиме «кто девушку ужинает, тот ее и танцует»* (НКРЯ, Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014) [9]. Здесь конструкция *ужинать кого-либо* (В. п.) вероятно подразумевает свернутое значение ‘угостить ужином’, а выражение *танцевать кого-либо* – ‘диктовать условия’. Необходимо подчеркнуть, что глагол *танцевать* расширяет свою семантику и соответственно валентность несмотря на то, что данная синтаксическая позиция при глаголе *танцевать* уже занята: *танцевать кого-л./что-л.* может означать ‘исполнять роль’. *Волочкова танцует доходчиво и понятно. Танцует Кармен, Эсмеральду, Вилису и даже «Дуэт для одной». Звезда хочет быть разной* (НКРЯ, Елена Губайдуллина. Балерина с обложки. Театр (2001) // «Известия», 08.11.2001) [9].

В качестве примера синтаксических окказионализмов можно также рассмотреть расширение поля валентности каузативных глаголов, т. к. «вероятно, самая известная и распространенная валентностно-сенситивная категория – это категория каузатива» [10, с. 89]. Каузативный глагол подразумевает семантику действия ‘сделать так, чтобы...’. Способы образования таких форм, помимо фонематического путем исторического чередования (*сидеть* – *сажать*), лексического (супплетивизм *гореть* – *жечь*), аналитического (*читать* – *заставить читать*), включают и синтаксический – отсутствие/наличие прямого дополнения. Аномальные формы каузатива создаются путем усечения постфикса *-ся*: например, *улыбнуться* переходит в *улыбнуть кого-либо* (т. е. сделать так, чтобы кто-то улыбнулся; ср. популярное в Интернет-коммуникация «меня улыбнуло»), *зафрендиться* превращается в *зафрендить кого-либо* и т. д. Также аномальные каузативные формы образуются синтаксическим способом путем добавления прямого дополнения: например, *ужинать кого-либо* ‘угостить ужином’, *пообедать кого-либо* ‘накормить обедом’, *отдохнуть кого-либо* ‘сделать так, чтобы кто-то отдохнул’, *уйти кого-либо* ‘уволить или заставить уволиться’, *поступить кого-либо* ‘устроить на учебу в какое-то учебное заведение’, *заснуть кого-либо* ‘убаюкать, заставить заснуть’ и т. д. Следует отметить, что яркая экспрессивная окраска подобных окказионализмов со временем может стираться. Например, это относится к форме *уйти к.-л.*, к частотным в Интернет-коммуникации *смеять*, *улыбнуть*, *очутить* и т. д. [8, с. 317]. И, вероятно, даже для носителя языка, настроенного пуристически, подобные примеры кажутся уже гораздо менее нежелательными, хотя они действительно нарушают норму, но при этом, как тонко отмечает Б. Ю. Норман в «Грамматике слушающего», соответствуют системе, поэтому за ними скорее всего будущее [11, с. 149].

Изменения в оформлении глагольного управления также можно наблюдать во фразеологизированных единицах. Например, *сосчитать на пальцах* используется в значении 'мало' вместо *пересчитать по пальцам* (ср. аналогичное французское *compter sur les doigts*). Факты употребления в СМИ указывают, что данная «аномалия» уже встроилась в медиа-дискурс:

В Уфе есть люди, работающие над этими проблемами, но их можно сосчитать на пальцах одной руки (И. В. Савельев. «Большой взрыв» в большом городе // «Волга», 2009) [9].

Западноевропейских членов Комитета пока что можно сосчитать на пальцах двух рук (Комитет «Россия в объединенной Европе» (2002) // «Неприкосновенный запас», 14.07.2002) [9].

В данном случае возможна контаминация выражений *объяснить на пальцах* и *пересчитать (сосчитать) по пальцам*. Это пример иллюстрирует ситуацию, когда использование падежных и предложных форм десемантизируется, то есть становится языковой техникой, или конвенцией.

В заключение можно лишь повторить мысль Т. Б. Радбиля о том, что разнообразные языковые аномалии в современной речевой практике свидетельствуют о непрекращающейся адаптации системы языка к новым коммуникативным условиям. Таким образом, значительная часть языковых аномалий не разрушает систему языка; напротив, они выступают как системообразующий фактор и расширяют границы ее возможностей. Анализ изменения глагольной валентности не только позволяет глубже понять функционирование языка, но и подчеркивает его гибкость и способность адаптироваться к изменениям в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 20–32.
2. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
3. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ текст»: Семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 370 с.
4. Перцов, Н. В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных / Н. В. Перцов // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 1. – С. 227–245.
5. Шмелев, А. Д. Типы невыраженных валентностей / А. Д. Шмелев // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 141–151.
6. Майсак, Т. А. Семантика и статистика: глагол ИДТИ на фоне других глаголов движения / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский (ред.). – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 53–66.

7. Норман, Б. Ю. Дружить с кем, дружить против кого, дружить о чем... (взгляд на расширение круга приглагольных актантов) / Б. Ю. Норман // *Studia Slavica Savariensia*. – 2008. – № 1–2. – С. 293–307.
8. Радбиль, Т. Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» / Т. Б. Радбиль // *Лингвистика креатива-5 : коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной*. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – С. 298–326.
9. НКРЯ. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2024).
10. Касевич, В. Б. Глагольные валентности, категории, конструкции: о возможности типологического подхода / В. Б. Касевич // *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: материалы и тезисы докладов*. – СПб. : Нестор-История, 2011. – С. 89–93.
11. Норман, Б. Ю. Грамматика слушающего / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта, 2024. – 320 с.

А. И. Чернышова (г. Москва, Россия)

АНГЛИЙСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОМПОЗИТЫ: ПОТЕНЦИАЛ НЕЙРОННОГО ПЕРЕВОДА

В данной работе представлен сравнительно-сопоставительный анализ перевода английских синтаксических композитов на русский язык, выполненный профессиональными переводчиками и генеративной моделью DeepSeek. Эмпирический материал отобран из современной художественной литературы.

Ключевые слова: синтаксические композиты, современная художественная литература, перевод, нейронный перевод.

A. Chernyshova (Moscow, Russia)

SYNTACTIC COMPOUNDS: NEURAL TRANSLATION PUT TO THE TEST

The article provides a comparative analysis of English syntactic compound translations into Russian, contrasting the output of professional translators with that of the DeepSeek generative model. The empirical material is selected from contemporary fiction.

Key words: syntactic compounds, contemporary fiction, translation, neural translation.

Как известно, развитие технологий в области генеративных моделей искусственного интеллекта позволяет осуществлять различного уровня задачи с большой скоростью: пользователь вводит текстовый запрос (промпт) и в течение нескольких секунд получает сгенерированный искусственным

интеллектом (ИИ) ответ. В переводоведении возможность применения ИИ для разноуровневой обработки текстов имеет большую эффективность и для теоретических научных исследований, и для осуществления практических задач – непосредственно перевода с одного языка на другой [1; 2; 3].

Проблема перевода синтаксических композитов уже становилась предметом специального исследования и является хорошо изученной [4]. Однако на данный момент потенциал перевода данных структур при помощи генеративной модели искусственного интеллекта DeepSeek в исследованиях не рассматривался. В данной работе мы выдвигаем следующую гипотезу: при условии качественно составленного промта перевод синтаксического композита, выполненный ИИ, считается адекватным.

Отбор эмпирического материала производился из произведений современной художественной литературы при помощи сплошной выборки. Для оптимизации поиска синтаксических композитов в электронном файле книги использовались клавиши Ctrl+F: в строку поиска вводилось значение дефиса "-". Материал исследования составил 150 предложений на английском языке с использованием синтаксических композитов; переводы на русский язык, выполненные профессиональными переводчиками; перевод, выполненный при помощи генеративной модели искусственного интеллекта DeepSeek.

Синтаксические композиты появились в английском языке сравнительно недавно, они представляют собой «синтаксические конструкции с полнозначными словами-компонентами, которые соединены дефисом и выполняют функцию определения к главному слову» [4], другими словами, это структуры, в которых в роли атрибута выступают фраза или фрагмент текста, и которые представляют собой смысловое единство: *Don't let anyone at college find out about you-know-what* [5]. – *Не допустить, чтобы в колледже прознали об «этом самом»* [6]. Синтаксическое смещение может приводить к компрессии целых предложений [7]: *The cinema was in the distance, all new and shiny and the-most-exciting-thing-to-happen-to-this-town-in-five-years* [5]. – *Кинотеатр уже виднелся вдалеке – новенький, блестящий, но праву считавшийся самым крутым заведением, что только появилось в городе за последние пять лет* [6].

Высокую частотность употребления окказиональных структур можно отметить в современных английских романах женской и подростковой литературы, в которых они служат инструментом передачи эмоций и переживаний героев: в первом случае – современной молодой женщины; во втором – школьника-подростка. Употребление синтаксических композитов в современном английском языке можно аргументировать стремлением к экономии языковых средств и стилистической выразительности [8]. Главный герой характеризуется особым восприятием мира, он переживает целый спектр эмоциональных состояний: *I was going to go out there and be with my friends and listen to the not-very-good band and pretend yes-they-are-actually-okay, just like everybody else* [5]. – *Сейчас я пойду к подругам, и мы вместе будем слушать группу, которая на самом деле так себе, делая вид,*

что она **на самом деле ничего такая**, как и все кругом [6]. Тон повествования произведений данных жанров является легким, доверительно-нетривиальным, объединяющим юмор и иронию, часто имеет форму личного дневника или исповеди перед лучшим другом: *His eyes were overly wide with earnest **me?-I'm-all-right-really false conviction*** [5]. – В испуганно округлившихся глазах **читалось притворное «Да что ты, я в полном порядке!»** [6]. Сюжет произведения раскрывается с помощью повествования от первого лица, что дает герою голос, а читателю – возможность стать непосредственным наблюдателем жизни героя. Язык произведений данного жанра относят к разговорному регистру, он насыщен живым языком, разговорной лексикой, эмоции героев передаются с помощью синтаксических композитов: *I thought of the **knitting-needle-in-my-guts moment** before the date* [5]. – Я вспомнила, как перед самым свиданием меня **точно проткнули спицей** [6].

Следует отметить, что в русском языке не представлено аналогов окказиональных английских синтаксических композитов, что значительно осложняет процесс перевода. В развитие проведенного ранее исследования используемая в данной работе стратегия перевода состоит из следующих основных этапов: выявление прагматической установки автора произведения; подбор русского эквивалента, который в равной степени сохраняет эмоционально-экспрессивную насыщенность оригинала и передает содержание с привлечением разноуровневых языковых средств [4].

Обратимся к результатам проведенного эксперимента с применением генеративной модели искусственного интеллекта DeepSeek для осуществления нейронного перевода синтаксических композитов. Поскольку главным условием для получения адекватного перевода, обозначенном в гипотезе, является составление пользователем грамотного промта, на первом этапе эксперимента составлены два текстовых запроса: 1) «Переведи на русский язык:...»; 2) «Представь, что ты профессиональный переводчик в области художественной литературы. Твоя задача представить адекватный перевод на русский язык предложения с окказиональной структурой – синтаксическим композитом, который является субъективной оценкой героя при описании окружающих его людей или является реакцией на происходящие события; синтаксический композит имеет сильную экспрессивную окраску. Ты должен учитывать следующие факты: произведение написано в жанре женской / подростковой литературы; главный герой – молодая женщина / подросток; главному герою свойственна непосредственность, доверчивость, искренность; стиль текста разговорный, содержит юмор и иронию, имеет форму исповеди перед лучшим другом. Для осуществления адекватного перевода ты должен подобрать такой русский эквивалент, который в равной степени сохраняет эмоционально-экспрессивную насыщенность оригинала и передает содержание с привлечением разноуровневых языковых средств. Используй следующие приемы: эффект прямой речи, элементы диалогизации, перечисление определений – градацию, разговорные и сленговые слова, фразеологизмы, уменьшительно-ласкательные или увеличительные суффиксы».

Анализ результатов эксперимента показал, что в 60–75 % случаев детализированный промт, содержащий указания на контекст, прагматику, стилистику и целевое воздействие, приводил к адекватному переводу, соответствующему коммуникативным задачам оригинала. В то же время нейтральный промт продемонстрировал значительно более низкие результаты – всего 15–20 % адекватных вариантов, остальные переводы носили буквальный или механический характер, нарушающий нормы русского языка или искажающий авторский замысел, ср.:

1. *What I couldn't handle wasn't the dropping of me as a friend – although that stung like an African Killer Bee – but the selling out of **who-you-are** and **what's-important-to-you** just because a boy likes it* [5].

а) Самым невыносимым было даже не то, что подруга меня бросила, – хоть это и больно, как укус пчелы-убийцы, – а то, что она так легко распрощалась **с самой собой и своими ценностями** лишь потому, что так захотелось какому-то парню [6].

б) Проблема была не в том, что она со мной дружить перестала – хотя это было больно, как удар африканской пчелы-убийцы, – а в том, что она готова была отречься от того, **кто ты есть и что для тебя важно**, просто потому что это нравится парню [Промт 1].

в) Но самое невыносимое было даже не в том, что она со мной вот так запросто распрощалась – хотя это было обидно до чёртиков, жалило, как яд самой убийственной африканской пчелы, – а в том, что она в принципе готова была поступиться всем: **и собой настоящей, и своими принципами, и всем, что для неё важно**, – и всё только потому, что это нравится какому-то мальчишке! [Промт 2].

2. *She shook her head in an **I-can't-believe-we're-here-again** way* [5].

а) Мама покачала головой. **В ее глазах явственно читалось: «Мы снова вернулись к началу! Поверить не могу!»** [6].

б) Она покачала головой с таким видом, будто говорила: **«Не могу поверить, что мы снова на этом же месте»** [Промт 1].

в) Она только покачала головой – мол, ну надо же, опять двадцать пять, неужели мы снова в одной и той же ситуации оказались! [Промт 2].

3. *They both had that femme-fatale, **might've-just-overdosed-on-heroin-and-been-brought-back-to-life-by-adrenaline** look* [9].

а) Теперь я понял, почему, впервые увидев Грейс, Лола сравнила ее с Иди Седжвик: они обе были роковыми красотками и выглядели так, **будто только что чуть не умерли от передозировки, но вернулись к жизни после инъекции адреналина** [10].

б) У них у обеих был тот самый образ *femme fatale* – **будто они только что передозировали героином, и их вернули к жизни уколom адреналина** [Промт 1].

в) У обеих был тот самый фатальный, гламурно-обложечный вид – **будто их только что откачали после передоза, и в жилах ещё пульсирует адреналин** [Промт 2].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что выдвинутая гипотеза – «при условии качественно составленного промта перевод синтаксического композита, выполненный ИИ, может считаться адекватным» – получила полное подтверждение.

Сравнительный анализ переводов, выполненных генеративной моделью на основе детализированных и общих или нейтральных промтов, наглядно продемонстрировал, что качество и адекватность перевода напрямую зависят от точности и глубины формулировки запроса. В случаях, когда промт содержал четкие указания на необходимость передачи прагматической установки автора, экспрессивности, стилистической окраски и контекстуальных особенностей исходного высказывания, модель DeepSeek продемонстрировала способность генерировать переводческие решения, не только семантически точные, но и функционально адекватные, успешно конкурирующие с вариантами профессионального перевода. Исследование представляет перспективную область для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова, И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учеб. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина ; Моск. гор. пед. ун-т. – М. : Языки Народов Мира, 2022. – 259 с.
2. Практическое использование цифровых технологий в проведении лингвистических исследований : учеб.-метод. пособие / Е. О. Гераймович, Д. А. Коптев, М. А. Шипунов [и др.]. – М. : Языки Народов Мира, 2024. – 111 с.
3. Чернышова, А. И. Использование чат-бота Deepseek при переводе абсолютной причастной конструкции / А. И. Чернышова // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1–2 (62). – С. 498–502.
4. Сулейманова, О. А. Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика / О. А. Сулейманова, А. И. Чернышова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2024. – № 1 (53). – С. 91–104.
5. Bourne, H. Am I Normal Yet? [Text] / H. Bourne. – Usborne Publishing, 2013. – 448 p.
6. Борн, Х. Эви хочет быть нормальной / Х. Борн; пер. с англ. А. Самарина. – М. : Клевер-Медиа-групп, 2017. – 410 с.
7. Лукошина, Е. А. Сложные слова синтаксического типа в современном английском языке. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/03/04/slozhnye-slova-sintaksicheskogo-tipa> (дата обращения: 01.12.2024).
8. Сулейманова, О. А. Стилистические аспекты перевода : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова [и др.]. – М. : Изд. центр «Академия», 2010. – 176 с.

9. Sutherland, K. Our Chemical Hearts [Text] / K. Sutherland. – NY. : G. P. Putnam's Sons Books, 2016. – 320 p.

2. Сазерленд, К. Наши химические сердца / К. Сазерленд; пер. с англ. Ю. Змеева. – М. : АСТ, 2018. – 250 с.

3. DeepSeek. – URL: <https://chat.deepseek.com> (дата обращения: 01.12.2024).

Н. М. Щенникова (г. Минск, Беларусь)

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Каждая отдельная наука стремится выработать присущую ей терминологию, дать наиболее точное определение возникающим понятиям. В период интенсивного развития всех сфер экономики появляется огромное количество экономических терминов во всех языках, с каждым днем их количество увеличивается. Актуальность данной темы обусловлена тем, что анализ деривационных моделей французской экономической терминосистемы представляется крайне важным и требует их детального изучения. Подтверждением этому факту является широкий спектр работ, посвященных проблемам терминологии и терминам. Выявление и описание деривационных моделей французской экономической терминологии представляют собой цель данного исследования, в котором объектом изучения являются французские экономические термины.

Ключевые слова: терминология, термин, деривационные модели, заимствования, полисемия, аффиксация.

N. Shchennikava (Minsk, Belarus)

DERIVATIONAL MODELS OF ECONOMIC TERMINOLOGY IN FRENCH

Each separate science strives to develop its inherent terminology, to give the most accurate definition of emerging concepts. In the period of intensive development of all spheres of the economy, a huge number of economic terms appear in all languages, and their number is increasing every day. The relevance of this topic is due to the fact that the analysis of derivational models of the French economic terminological system is extremely important and requires their detailed study. This fact is confirmed by a wide range of works devoted to the problems of terminology and terms. The identification and description of derivational models of French economic terminology are the goals of this study, in which the object of study is French economic terms.

Key words: terminology, term, derivational models, borrowings, polysemy, affixation.

В настоящее время терминология любой отрасли знания является наиболее динамичной и неотъемлемой частью словарного состава языка. Проблемы терминов рассматриваются специалистами разных областей знания. Однако фундаментальное исследование термина как специфического феномена относят лишь к началу XX века.

В статье нами была предпринята попытка выявить и кратко описать модели семантической деривации, где основное внимание уделяется заимствованиям, полисемии производных слов и словообразовательным моделям французских экономических терминов.

Французский язык имеет длинную и богатую историю развития. Следует принять во внимание и тот факт, что Франция по общему объему экономики занимает одно из ведущих мест в Европейском союзе. Вышесказанное не могло не повлиять на стремительное развитие французской экономической терминосистемы.

На протяжении всей истории своего развития французская экономическая терминология не только развивалась, но и пополнялась за счет заимствований из других языков. Так, например, в старофранцузский период, когда будущие территории Франции сохраняли экономические структуры Римской империи, продолжались торгово-денежные отношения с греками, в связи с чем французы заимствовали экономические термины из латинского и греческого языков: *marché* 'рынок, сделка, бизнес, базар, договор, ярмарка и др.', *monnaie* 'монета, деньги, мелкие деньги', *capital* 'капитал', *profit* 'доход, прибыль, выгода', *perception des impots* 'сбор налогов' и т. д. Именно корни и морфемы латинского и греческого происхождения дали начало основным французским экономическим терминам.

По причине бурного развития производства сельскохозяйственной продукции, роста численности населения и появления определенных законов в эпоху Средневековья во французский язык пришло большое количество терминов, использующих латинские и греческие корни, например: *fiscal* 'налог', *finance* 'оплата', *contribution* 'часть каждого в общих расходах', *franc* 'франк' и др. Военные конфликты между Францией, Испанией и другими государствами в XV–XVI веках поспособствовали заимствованию во французский язык таких экономических терминов, как *bilan* 'баланс', *escompt* 'скидка', *cartel* 'объединение', *banqueroute* 'банкротство', *faillite* 'банкротство', *récolte* 'сбор урожая', *solde* 'распродажа', *tariffe* 'тариф' и др.

Великая французская революция положила начало не только серьезным политическим изменениям в стране, но и стала толчком к началу технической революции, что явилось ключевым моментом в образовании экономической терминологии французского языка. Во Франции появились свои рынки сбыта, которые особенно расширились во время континентальной блокады. Этот факт существенно повлиял на ускорение развития техники, фабрик и предприятий на территории Франции. К концу XIX века Франция характеризовалась как одно из наиболее экономически развитых государств Европы.

Особое внимание следует обратить на тесные экономические связи Франции с Англией, которые она имела на протяжении всей истории своего существования. Этот факт не мог не повлиять на французскую экономическую терминологию, в которой присутствует достаточно большое количество англицизмов. Английские слова попали во французский язык и образовали такое явление как 'франглийский язык' (*le franglais*). Французский словарь Hachette дает следующее определение данному понятию: «*franglais nm Français mêlé d'anglicismes*» 'французский смешанный с английским' [1, с. 650], что подразумевает пресыщение языка заимствованиями из английского.

Расцвету данного явления способствовали как снижение роли латыни и греческого языка, так и стремление Англии, борющейся за мировое господство, навязать свой язык в международных и дипломатических отношениях. Экспансия английского языка не могла пройти бесследно для французского языка и, безусловно, для его экономической терминологии. Как результат, различные сферы жизнедеятельности стали пополняться новой терминологией.

В XX веке французская экономическая терминосистема начинает быстро развиваться и принимает в свой состав все большее количество английских экономических терминов. В этот период во французском языке появляются такие экономические термины, заимствованные из английского, как *balance des paiements* 'платежный баланс'; *entreprise* 'предприятие'; *trust* 'трест'; *transaction back to back* 'компенсационные операции'; парные (параллельные) операции; *société d'investissement* 'инвестиционная компания'; *homme d'affaire* 'предприниматель'; *audit* 'аудит, аудиторская проверка'; *coopération économique* 'экономическое сотрудничество'; *dumping* 'демпинг'; *troc* 'бартер'; *crédit* 'кредит' и др.

В статье «Развитие банковской терминологии французского языка в условиях европейской интеграции и экономической глобализации» Л. Ю. Петрушенкова приводит данные, указывающие на значительный рост количества англицизмов во французской банковской терминологии. Автор утверждает, что «к началу XX века французский язык только в финансово-экономической сфере заимствовал 76 новых терминов из английского языка. К концу XX в. в состав финансово-экономической терминологии французского языка вошли еще порядка 169 новых терминов английского происхождения» [2, с. 193].

Вместе с тем, заимствования являются лишь одним из способов пополнения терминологии любого языка, в том числе и французского. К семантическим особенностям экономической терминосистемы французского языка следует отнести полисемию, поскольку практически любая лексическая единица имеет достаточный потенциал для развития новых значений, что приводит к развитию многозначности [3, с. 18]. Так, например, во французском языке экономический термин *marché m* имеет следующие значения: «1. рынок, рынок сбыта 2. торговая сделка; договор; договор купли-продажи 3. рыночная цена» [4, р. 424], а словосочетание *abandonner le marché*, в зависимости от контекста, может переводиться как 'отказываться

от сделки' или 'свертывать торговлю' [4, р. 424]. Термин *marge f* имеет еще больше значений: «1. маржа, спред (*разница между курсами, ценами, ставками*) 2. доход 3. торговая наценка 4. колебание цены; предел колебания цены 5. норма» [4, р. 434]; словосочетание *marge f brute* переводится как «1. валовая торговая наценка 2. оборот компании, валовая прибыль от реализации» [4, р. 435]. Как видим, полисемия может создавать сложности при переводе терминов.

Что касается словообразовательных моделей французских экономических терминов, то в центре внимания лингвистов по-прежнему остается аффиксация. М. А. Рященко в своей статье «К проблеме аффиксальной деривации во французском языке» указывает на роль и место аффиксального словообразования во французском языке и утверждает, что «префиксы придают слову скорее семантические, чем грамматические признаки. Суффиксы несут словообразовательные и словоизменительные признаки, они выполняют разные функции и имеют разные значения. Именно с последними связана проблема инварианта / варианта суффикса как формата словообразования» [5].

В данном исследовании для нас особый интерес представляют деривационные модели, наиболее часто встречающиеся во французской экономической терминологии. То, что к наиболее распространенным способам образования французских экономических терминов в настоящее время можно отнести аффиксацию (суффиксацию и префиксацию) подтверждает проведенный нами анализ.

К числу наиболее распространенных способов образования французских экономических терминов следует отнести префиксацию. Анализ таких экономических терминов, как *nomination – dénomination* 'номинал, достоинство'; *inflation – désinflation* 'дезинфляция, снижение темпов роста инфляции, снижение темпов роста (но не уровня) цен'; *vision – prévision* 'прогноз'; *vente – prévente* 'предварительная продажа'; *porter – exporter* 'экспортировать'; *porter – importer* 'импортировать'; *poser – imposer* 'обязать'; *mobilier – immobilier* 'недвижимость'; *distribution – redistribution* 'перераспределение'; *financement – refinancement* 'рефинансирование'; *inflation – hyperinflation* 'гиперинфляция'; *économie – microéconomie* 'микроэкономика'; *impression – microimpression* 'микропечать'; *mission – soumission* 'заявка на аукционных торгах; цена, предлагаемая покупателем'; *emploi – sous-emploi* 'неполная занятость'; *frontalier – transfrontalier* 'трансграничный'; *sectoriel – intersectoriel* 'межсекторальный' и др. показал, что чаще всего используются префиксы *dé-, dés-, pré-, ex-, im-, re-, ré-, hyper-, micro-, sou-, sous-, trans-* [6].

Стоит отметить, что в современном французском языке некоторые префиксы пишутся, как сложные слова, через дефис, например, *sous-emploi* 'недостаточность'; *sous-investissements* 'недостаточное инвестирование'; *non-impositon* 'освобождение от уплаты налогов'; *non-paiement* 'неуплата'; *non-autorisé* 'несанкционированный'; *plus-value latente* 'нематериализованная прибыль, неполученная прибыль; нереализованный доход'; *ex-magasin* 'франко-склад' и др.

Проанализировав более 100 французских экономических терминов, образованных при помощи аффиксации, мы выделили наиболее употребительные суффиксы, к числу которых можно отнести *-isation, -tion, -sion, -(e)ment, -ier, -age, -ant, -eur, -euse, -ance, -té, -taire*, например: *mondial – mondialisation* ‘глобализация’; *moderne – modernisation* ‘модернизация’; *acquis – acquisition* ‘поглощение (покупка компании)’; *compenser – compensation* ‘клиринг’; *confisquer – confiscation* ‘конфискация’; *diffuser – diffusion* ‘раскрытие информации’; *chiffre – chiffrement* ‘шифрование’; *environs – environnement* ‘операционная среда’; *banque – banquier* ‘банкир’; *créance – créancier* ‘кредитор’; *court – courtier* ‘брокер, посредник в операциях с ценными бумагами’; *marché – démarchage* ‘маркетинг’; *brader – bradage* ‘распродажа’; *commerce – commerçant* ‘трейдер, торговец, биржевой маклер’; *dépose – déposant* ‘вкладчик’; *emprunt – emprunteur* ‘заемщик’; *opérer – opérateur* ‘дилер’; *payer – payeur* ‘плательщик’, *vendre – vendeur, vendeuse* ‘продавец’, *assurer – assurance* ‘страховка’; *politique – politicien* ‘политик’; *volatil – volatilité* ‘волатильность, нестабильность, неустойчивость’; *solvable – solvabilité* ‘платежеспособность, кредитоспособность’; *budget – budgétaire* ‘бюджет’ и др. Невозможно не заметить, что наиболее распространенными являются суффиксы, указывающие на лицо, производящее действие *-ier, -ant* и *-eur*, а также суффиксы, указывающие на действие или состояние, как, например, суффикс *-tion* [6].

Встречаются также случаи префиксально-суффиксального образования экономических терминов, например: *désintermédiation* ‘отказ от посредничества, снижение роли банков и сберегательных институтов в качестве посредников на финансовом рынке’; *déterminant* ‘решающий фактор, детерминант, показатель’; *exportations* ‘экспорт’ и др. [6].

По мнению ученых, занимающихся исследованием современного французского языка, характерным для него, особенно в последние годы, является использование усечений (апокопа) [7, с. 105–106]. Данному способу образования экономических терминов, как и при традиционном образовании новых слов французского языка, чаще всего подвергаются существительные, примеры усеченных прилагательных очень немногочисленны. Что касается наречий и глаголов, то в отобранном нами для анализа материале они не были обнаружены. Приведем несколько примеров простых и сложных апокопов: простые – *chap. (chapitre)* ‘статья’ (прихода, расхода); *compt. (comptant)* ‘наличными’; *dev. (devises)* ‘валюта’; *dr. (droit)* ‘право’; *liv. (livre)* ‘фунт’; *Vol. (volume)* ‘объем’; *rev. (revenu)* ‘доход’; *collabo (collaborateur)* ‘сотрудник’; *pro (professionnel)* ‘профессиональный’; *expo (exposition)* ‘выставка, ярмарка’; *imp. (importation)* ‘импорт’; сложные – *Dr. Pr. (droits prohibitifs)* ‘ограничительные пошлины’; *consom. moy. (consommation moyenne)* ‘среднее потребление’; *econ. nat. (économie nationale)* ‘национальная экономика’; *EX. IM. (exportations-importations)* ‘экспорт-импорт’; *exp. ec. (expansion économique)* ‘экономическое развитие’; *imp. temp. (importation temporaire)* ‘временный импорт’; *Aff. étr. (Affaires étrangères)* ‘иностранные дела’ [8].

Менее популярной, деривационной моделью экономической терминосистемы французского языка является конверсия, что связано с довольно развитой системой окончаний. Однако некоторые экономические термины французского языка были образованы именно при помощи данной модели. Например, *actif adj* 'активный (о рынке)', 'оживленный (о спросе)', 'непогашенный (о долге)' – *actifs n pl* 'активы, капитал, фонды'; *capital adj* 'главный' – *capital nm* 'капитал', 'средства *мн.ч.*', 'сумма основного долга'; *vide adj* 'пустой, порожний; незанятый' – *vide nm* 'пустота, пустое место; вакуум, безвоздушное пространство'. На основании данных примеров можно сделать вывод, что при образовании французских экономических терминов наибольшее распространение получила конверсия по модели Adj→N.

Анализ деривационных моделей французских экономических терминов показал, что к наиболее распространенным способам их образования в настоящее время следует отнести такие традиционные способы, как заимствования, полисемия и аффиксация (суффиксация и префиксация). Конверсия и апокопа среди экономических терминов встречаются значительно реже. Вышесказанное подтверждает, что словообразовательная система является самым устойчивым функционально-структурным элементом французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionnaire Hachette. – Paris, 2008. – 1813 p.
2. Петрущенко, Л. Ю. Развитие банковской терминологии французского языка в условиях европейской интеграции и экономической глобализации / Л. Ю. Петрущенко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-bankovskoy-terminologii-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 22.04.2024).
3. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 158 с.
4. Gavrichina, K. S. Dictionnaire commercial et financier / K. S. Gavrichina, M. A. Sazonov, I. N. Gavrichina. – М. : VIKRA, 1993. – 792 p.
5. Рященко, М. А. К проблеме аффиксальной деривации во французском языке / М. А. Рященко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-prob-leme-affiksальноy-derivatsii-vo-frantsuzskom-yazyke> (дата обращения: 22.05.2024).
6. Англо-русско-французский глоссарий банковских и финансовых терминов = English-Russian-French Glossary of Banking and Financial Terms = Glossaire Anglais-Russe-Français des Termes Bancaires et Financiers / сост.: М. А. Елистратов, Н. Ю. Скорова. – М., 2016. – 172 с.
7. Шаповалова, А. П. Аббревиация и акронимия в лингвистике / А. П. Шаповалова. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 105–106.
8. Бовкун, А. Ф. Апокопа как один из способов образования экономических терминов (на материале французского языка). – URL: <https://www.sworld.com.ua/index.php/10729-411-0842> (дата обращения: 15.05.2024).

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ

А. О. Бувевич (г. Минск, Беларусь)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕЛЕНОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматривается понятие онима, определяется функционирование онимов иноязычного происхождения во французских теленовостях, выявляются общие тенденции в их произношении дикторами на французских теленовостных каналах.

Ключевые слова: *теленостной дискурс, иноязычные онимы, фонетическая адаптация, речевой этикет, вокализм, консонантизм.*

A. Buyevich (Minsk, Belarus)

PHONETIC FEATURES OF FOREIGN LANGUAGE ONYMS IN FRENCH TV AND NEWS DISCOURSE

This article examines the concept of onyms, defines the functioning of onyms of foreign language origin in French TV news and reveals general tendencies in their pronunciation by announcers on French TV news channels.

Key words: *TV news discourse, foreign-language onyms, phonetic adaptation, speech etiquette, vocalism, consonantism.*

Актуальность исследования фонетической адаптации иноязычных онимов в современном медиапространстве обусловлена возрастающей ролью межкультурной коммуникации в глобализированном медиапространстве. Теленовостной дискурс, функционирующий как важнейший институт массовой коммуникации, представляет особый интерес для лингвистических исследований, поскольку он демонстрирует постоянное взаимодействие между глобальным и национальным, иноязычным и аутохтонным [1].

Научная проблема заключается в выявлении системных закономерностей и механизмов, которые регулируют диалектику между стремлением к сохранению фонетической аутентичности при произнесении иноязычных онимов и тенденцией к их адаптации в соответствии с нормами французской фонологической системы. Онимы являются одними из самых спорных предметов в лингвистике, и из-за этого существует множество различных дефиниций онима. В данной статье под онимом будем понимать универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особенный тип словесных знаков, который служит для выделения и идентификации единичных объектов, выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре [2]. Особенность

этих лексических единиц позволила выделить их изучение в отдельный раздел языкознания – ономастику [3]. Однако проблема передачи онимов с одного языка на другой остается малоизученной, вероятно, потому что при письменном переводе таких лексических единиц на иностранный язык им не уделяют особого внимания: онимы либо транскрибируются, либо транслитерируются [4]. Трудности встречаются при произнесении иноязычных онимов, и зачастую мы наблюдаем многочисленные ошибки и казусы [5]. Дикторы лучше всего справляются с этой задачей, в особенности дикторы известных французских новостных каналов и передач. Их образцовая речь позволяет наблюдать за тем, каким образом оним из языка-донора проходит процесс франсизации [6].

Целью данной статьи является выявление и системное описание фонетических особенностей адаптации иноязычных онимов во французском теленовостном дискурсе и определение социокультурных и этикетных факторов, которые определяют выбор конкретной стратегии произношения.

Для достижения поставленной цели в исследовании использовался метод сплошной выборки и последующий аудитивный анализ записей теленовостей, позволившие выявить и зафиксировать случаи употребления иноязычных онимов. Также применялся фонетический анализ и транскрибирование отобранных примеров с использованием международной фонетической транскрипции для последующего описания фонетических изменений, сопоставительный анализ, количественный метод, дискурс-анализ и культурологическая интерпретация, позволившие рассмотреть лингвистические данные в более широком социокультурном и институциональном контексте французских СМИ, опираясь на теорию речевого этикета.

Материалом исследования послужил корпус видеозаписей выпусков теленовостей на ведущих французских общенациональных телеканалах «France 2» и «France info» за период с января 2023 по октябрь 2024 года. Общий объем проанализированного материала составляет 72 часа записей. Методом сплошной выборки из них было отобрано и детально проанализировано 150 случаев употребления иноязычных онимов преимущественно английского происхождения. Выборка признается репрезентативной, поскольку охватывает основные информационные программы в прайм-тайм на крупнейшем телеканале, которые задают стандарты языковой нормы для французского медиапространства и имеют наибольшую аудиторию.

Проведенный анализ выявил две основные тенденции, регулирующие произношение иноязычных онимов: доминирующую фонетическую адаптацию и избирательное сохранение аутентичности.

Независимо от языка-донора, во французском теленовостном дискурсе иноязычные онимы подвержены различным произносительным видоизменениям. Так в 99 % случаев наблюдается перенос ударения на последний слог, примером может послужить английский оним *Tiffany* ['tɪfəni], который в языке-реципиенте имеет следующее произношение: [ti-fa-'ni]. Акцентуация в 1 % случаев может смещаться не на последний слог, но этих данных слишком мало, чтобы делать количественные выводы.

Большинство случаев ассимиляции, т. е. уподобления одного звука другому, в данном исследовании касаются оглушения или озвончения. Наблюдается оглушение звука [d] перед глухим согласным звуком (*Child Focus* [tʃa-ilt fo-ˈkys]) и [z] также перед глухим согласным звуком (*Times Square* [ta-ims ˈskwɛ:v]). Эти случаи продиктованы французскими комбинаторными законами, когда в позиции перед глухим согласным происходит ассимиляция предшествующего звонкого по признаку участия голоса в образовании звука.

Ассимиляции в сторону приобретения глухим согласным качества звонкости происходят перед звонкими согласными либо в интервокальной позиции. Например, *James Bond* [dʒɛmz ˈbɔ̃:d].

Наблюдается систематическое выпадение глоттального согласного звука [h] в иноязычных онимах, которые произносятся с этим звуком в языках-донорах, например, *New Hampshire* [nu-wamp-ˈʃœ:v].

Феномен зияния чаще образовывался при выпадении [h] в нидерландских и шведских онимах, например, *Johan* [ʒo-ˈɑ̃] (нидерландский антропоним) и *Ibrahimović* [i-bka-i-mo-ˈvitʃ] (шведский антропоним).

Отмечается замена звонкой альвеолярной согласной [ɹ] или звонкой альвеолярной щелевой согласной [r] языков-доноров на звонкую увулярную фрикативную согласную [ʁ], которая является привычной для языка-реципиента, например, *Ruby* [ry-ˈbi].

В вокалической системе только половина слогов типа «ротовой гласный + носовой согласный» подвергается назализации (*Livestrong* [lifs-ˈtvɔ̃] / *Boca Raton* [bo-ka-va-ˈtɔ̃n]).

В вокализме отмечается тенденция во влиянии орфографии на произношение онимов иноязычного происхождения, однако бывают случаи неоднозначного произнесения некоторых гласных.

Для консонантизма орфография имеет большее значение при произнесении онимов иноязычного происхождения. Так, например, при произнесении английских межзубных звуков [θ] (*Elizabeth II*) и [ð] (*Southampton*) используется произнесение чистых звуков [t] [e-li-za-ˈbet] и [z] [saw-zampˈtɔ̃n] соответственно. Данная тенденция интерпретируется как проявление глубинной социокультурной установки на «одомашнивание» иностранного элемента и интеграцию его в собственную систему. Она восходит к ключевой этикетной норме медиадискурса – удобству для реципиента. Теленовостной дискурс, будучи институциональным и ориентированным на массовую аудиторию, стремится к максимальной легкости и беспрепятственности восприятия информации. Замена «чужеродных», маркированных звуков на привычные фонемы снижает когнитивную нагрузку на зрителя.

Общая закономерность адаптации не является абсолютной. В консонантизме наблюдается регулярное сохранение аффрикат, которых нет во французской фонологической системе. Например, глухой заальвеолярный аффрикат [tʃ] (*Child Focus* [tʃa-ilt fo-ˈkys]), а также его звонкий аналог [dʒ] (*Jack* [ˈdʒak]) сохраняют свое звучание в 49 случаях из 51. Аффрикаты, благодаря глобальной массовой культуре (кино, музыка, интернет), хорошо знакомы французской аудитории и не воспринимаются как грубое нарушение фонологического строя. Их сохранение позволяет диктору соблюсти тонкий баланс между понятностью и аутентичностью. В определенных контекстах точное,

близкое к оригиналу произношение выступает как мощный стилистический маркер, сигнализирующий об эрудиции говорящего, уважении к называемому объекту (персоне, городу, организации) и придающий сообщению особый колорит и достоверность. Выбор стратегии произношения в каждом конкретном случае является результатом сложного взвешивания фонологических возможностей и глубинных социокультурных установок речевого этикета [7].

Таким образом, фонетическая адаптация иноязычных онимов во французском теленовостном дискурсе представляет собой не стихийный, а регулируемый процесс, подчиненный действию двух ключевых социокультурных норм: удобства для массовой аудитории и уважения к иноязычному оригиналу. В области вокализма и консонантизма действуют четкие тенденции адаптации, продиктованные стремлением к фонологической чистоте и легкости восприятия. Наиболее устойчивыми к адаптации являются аффрикаты [tʃ] и [dʒ], сохранение которых связано с их высокой узнаваемостью в рамках глобального культурного кода и функцией стилистического маркера эрудиции и уважения. Конкретный выбор стратегии произношения диктором является результатом сложного выбора, балансирующего между ясностью для массового зрителя и демонстрацией лингвистической компетентности и культурной чуткости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ступаченко, Р. В. Институциональные аспекты формирования телевизионного новостного дискурса в условиях информационного общества: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Ступаченко Роман Владимирович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 26 с.
2. Фoniaкова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фoniaкова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 104 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
5. Кибрик, А. А. Проблема сегментации устного дискурса, и когнитивная система говорящего / А. А. Кибрик, В. И. Подлесская // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. / ред. В. Д. Соловьев. – М. : Институт психологии РАН, 2006–2009. – Вып. 1. – С. 138–158.
6. Roels, G. La prononciation francisée des noms propres étrangers dans les journaux télévisés diffusés en France et en Belgique francophone / G. Roels // Universiteit Gent, Faculteit Letteren en Wijsbegeerte, 2014. – 131 p.
7. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Высшая школа, 1989. – 159 с.

И. Г. Лебедева (г. Минск, Беларусь)

**ПОДХОДЫ К ВОСПРИЯТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОГА
В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНО
СФОРМИРОВАННОЙ ПЕРЦЕПТИВНОЙ БАЗЫ ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются подходы к восприятию французского слога студентами с недостаточно сформированной перцептивной базой языка. Анализируется динамика неадекватных идентификаций вокалических и консонантных компонентов слога, выявляются особенности их выпадения в зависимости от позиции слога во фразе и стадии формирования перцептивной стратегии. Полученные результаты демонстрируют постепенное улучшение восприятия слоговой структуры и смещение внимания испытуемых на ритмически выделенные слоги акцентных единиц.

Ключевые слова: *французский слог, перцептивная база, неадекватная идентификация, артикуляторные программы, ритмическая структура, восприятие речи.*

I. Lebedeva (Minsk, Belarus)

**APPROACHES TO PERCEPTION OF FRENCH SYLLABLE
IN CONDITIONS OF AN INSUFFICIENTLY DEVELOPED
PERCEPTIVE LANGUAGE BASE**

The article examines approaches to the perception of French syllables by students with an insufficiently developed perceptual language base. It analyzes the dynamics of inadequate identification of vocalic and consonantal components of the syllable and identifies the characteristics of their omission depending on the syllable's position in the phrase and the stage of development of the perceptual strategy. The results demonstrate a gradual improvement in the perception of syllable structure and a shift of the students' attention toward rhythmically prominent syllables of accentual units.

Key words: *French syllable, perceptual base, inadequate identification, articulatory programs, rhythmic structure, speech perception.*

В работах, посвященных проблемам коммуникации, перцептивный аспект рассматривается через описание процесса и результатов восприятия речи с использованием уже имеющихся у индивида единиц восприятия и сформированного механизма перцепции в целом. Задача состоит в том, чтобы сместить фокус внимания со статического анализа состояния перцептивной системы индивида на динамику ее эволюции, учитывая, что стратегии восприятия речи могут существенно изменяться на разных этапах формирования индивидуальной перцептивно-артикуляционной базы.

С целью проверки данного положения было проведено экспериментальное исследование с участием 13 студентов первого курса, продолжающих изучать французский язык после средней школы.

Материалом для изучения изменений в восприятии послужили семь контрольных перекодирований аутентичных французских текстов.

Задача анализа заключалась в сравнении полученных результатов с исходными, достигнутыми при выполнении экспериментальных заданий.

Анализ восприятия качественных характеристик вокалических и консонантных элементов слога и их количественных показателей позволил проследить динамику становления перцептивного поля французского слога под воздействием слухового самоконтроля, а также выявить его особенности в зависимости от позиции слога во фразе.

Изначально испытуемые неадекватно передали в графическом коде 40,3 % слогов всех текстов-эталонов. Наиболее распространенным типом неадекватных идентификаций французского слога у белорусских студентов было упрощение слоговой структуры вследствие выпадения согласных и гласных – 37,6 % и 24,1 % соответственно.

Качественный анализ неадекватной идентификации консонантного компонента слога в тесте № 1 выявил подверженность выпадению всех 20 французских согласных во всех слогах акцентной единицы. Например: *contre elle* = ¹con|t_Δente; *d'un seul coup* = ²dans|¹ce_Δ|'coup; *et lui répondit* = ⁴i|³l_Δ y|²ré|¹pon|'dit и т. д. Обнаружено увеличение количества случаев выпадения по мере удаления от ударного слога: в IV предударном слоге согласные выпадают в 1,4 раза чаще (24,2 %), чем в I предударном (17,4 %) (рис. 1).

В завершающем тесте № 7 одновременно с сокращением количества выпадений в 4,4 раза (до 7,9 %) наблюдаются качественные и позиционные различия неадекватных идентификаций. В безударном слоге выпадению подвержены шесть согласных – переднеязычные [t], [n], [s], [l], губной [ɥ] и увулярный [r]. Практически все согласные (89,1 %) выпадали из перцептивного поля испытуемых в ритмически невыделенных I и III предударных слогах, например: *leurs poches* = ¹les_Δ |'poches; *une belle surprise* = ³Δ |²belle|¹sur|'prise. В ударном, а также в выделенных II и IV предударных слогах количество выпадений незначительно (4,3 %, и по 3,3 % соответственно).

Аналогичную картину имела эволюция восприятия испытуемыми вокалических составляющих французского слога. Исходно две трети (58,3 %) выпадений гласных происходили в начале акцентной единицы. Восприятие осложнял запуск недостаточно сформированных артикуляторных программ. Испытуемые утверждали, что не запомнили услышанного, и записывали только часть акцентной единицы: *d'être ma servante* = ⁴Δ|³très|²Δ|¹sa|'vante; *dans le miroir* = ³Δ|²l'a|¹mi| 'rare; *le doigt* = ¹Δ|'doit. Как видно из примеров, «незапоминание» акцентной единицы происходило не только в многосложных структурах, но и в двух- и трехсложных, то есть являлось неадекватной идентификацией акустического образа знакомой лексической единицы в изменчивой материи речевого континуума. Причиной перцептивных неудач был ограниченный набор фонематических признаков в языковом сознании испытуемых.

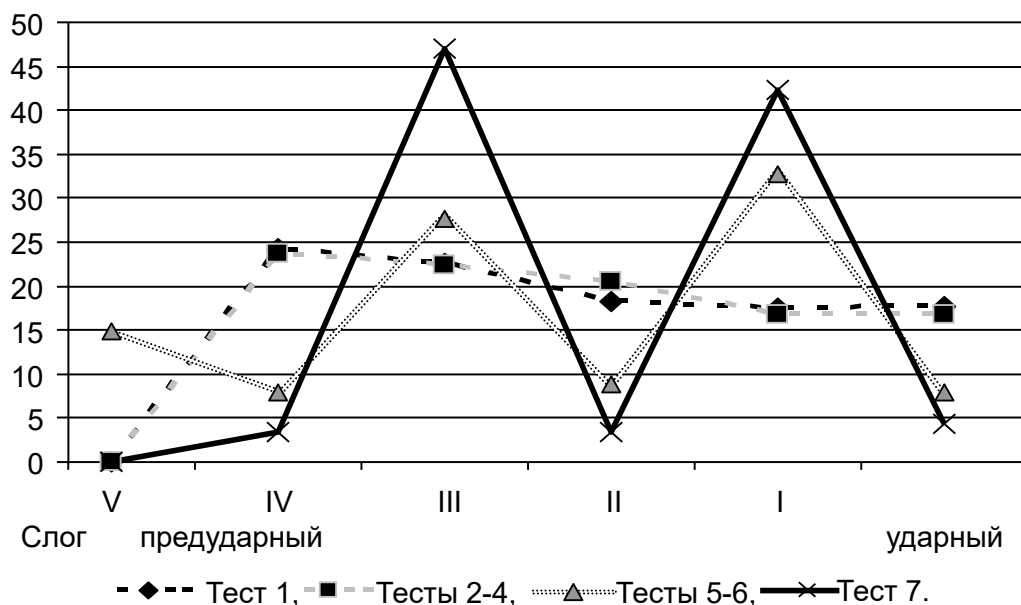

Рис. 1. Эволюция неадекватных идентификаций консонантного компонента французского слога по признаку выпадения, % от общего числа неадекватных идентификаций по данному признаку в каждом тесте

Исходно выпадению подвергался любой французский гласный. Число выпадений зависело от длины акцентной единицы – наибольшее количество маркировало V предударный слог (27,2 %), а в отмеченных различной степенью выделенности ударном, I, II и III предударных слогах разнилось незначительно (рис. 2).

К тесту № 7, завершающему эксперимент, количество подверженных выпадению гласных сократилось в 4,8 раза (до 4,9 %). Имеющие место пропуски переднеязычных гласных [a], [œ], [i], [ε], [y], как правило, были обусловлены упрощением глагольных времен либо отсутствием односложных грамматических слов: *à ne pas mettre* = ³Δ|²ne| ¹pas| ¹mettre; *je te donne* = ²je| ¹Δ|¹donne; *ne se réalisait pas* = ⁶ne| ⁵se| ⁴ré|³a|²li|¹seΔ| ¹pas. Отмечается положительная динамика формирования восприятия слогов, нормативно выделенных во французском языке: ударный и II и IV предударные слоги не содержат пропусков гласных, все перцептивные выпадения имеют место в невыделенных I и III предударных слогах (57,1 % и 42,9 %), которые оказываются наиболее резистентными для восприятия испытуемых.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Перцептивная стратегия испытуемых значительно менялась в ходе исследования. Характер ее использования на разных этапах эксперимента обнаруживает связь со степенью сформированности индивидуальной перцептивно-артикуляционной базы.

2. Следствием перцептивных неудач является пассивное участие реципиента в восприятии с одинаково слабым распределением внимания на идентификации всех слогов. Самым распространенным видом неадекватных идентификаций в условиях формирующейся стратегии восприятия является

выпадение любого гласного или согласного в любом слоге акцентной единицы. Причиной тому является ограниченность инвентаря адекватных фонематических признаков для воссоздания смысла иноязычного текста.

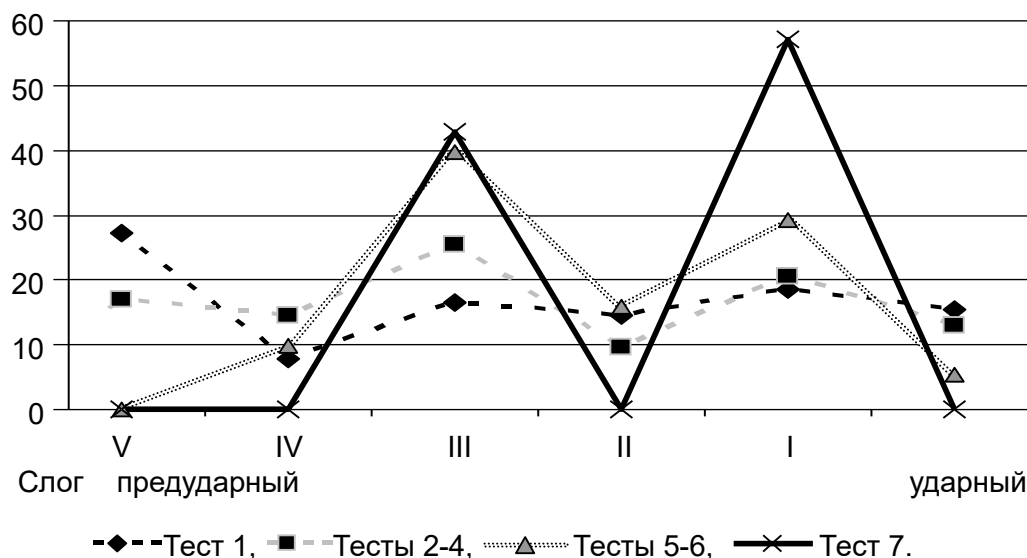

Рис. 2. Эволюция неадекватных идентификаций вокалического компонента французского слога по признаку выпадения, % от общего числа неадекватных идентификаций по данному признаку в каждом тесте

3. По мере совершенствования перцептивных стратегий выявлена активная переориентация испытуемых на идентификацию ритмической структуры французской фразы с последовательным переключением внимания на выделенные слоги акцентных единиц. Результатом этого является практическое устранение выпадений сегментов в ритмически выделенных французских слогах и незначительное сохранение данного явления в слогах, ритмически невыделенных.

В. В. Устинович (г. Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧИ (на материале французского языка)

Настоящее исследование посвящено темпоральным характеристикам французских высказываний. В высоком стиле, как правило, наблюдается замедленный темп речи. Анализ современных французских публичных выступлений показал, что границы орфоэпической нормы высокого стиля становятся размытыми, в него проникают элементы более «низкого», разго-

ворного, стиля, в частности, ряд говорящих сохраняет средний или быстрый темп. Наблюдаемые особенности связаны со стремлением говорящих создать ощущение коммуникативной близости со слушателями.

Ключевые слова: *орфоэпическая норма, отклонение от нормы, темп, высокий стиль, коммуникация.*

V. Ustinovich (Minsk, Belarus)

ON THE STYLISTIC CONDITIONING
OF TEMPORAL CHARACTERISTICS OF SPEECH
(Based on the French Language)

This study is dedicated to the temporal characteristics of French utterances. In high style, a slowed speech tempo is generally observed. An analysis of modern French public speeches showed that the boundaries of the orthoepic norm of high style become blurred, with elements of a more "lower", colloquial style penetrating it; in particular, some speakers maintain a medium or fast tempo. The observed features are associated with speakers' desire to create a sense of communicative closeness with the audience.

Key words: *orthoepic norm, deviation from the norm, tempo, high style, communication.*

Границы нормы не являются фиксированными и четко очерченными, что особенно прослеживается в устной речи. Потребность в актуализации кодификации нормы обуславливает необходимость непрерывной обработки звучащей речи в ее различных вариантах.

В отношении французского языка в настоящий момент исследователи говорят об эволюции «стандартного французского» в эталон, называемый *le français standardisé* «стандартизированным французским» [1; 2], который характеризуется усреднением нормы, а также расширением ее географических и социальных рамок.

Выделение «нормативного» в языке связано с поиском так называемого *modèle de référence* «эталона». Моделью для подражания в произношении для миллионов французов становились представители высших слоев общества, те люди, которые в разные эпохальные вехи определяли развитие страны, влияли на «настроения» масс (от знати при королевском дворе, образованных жителей Парижа до радио- и телеведущих).

Использование в речи ритмико-интонационных средств соответствует определенным закономерностям, обусловленным социальным статусом коммуникантов, ситуацией и целью коммуникации. Результатом выбора говорящим фонетических средств языка являются фоностили, в которых находят выражение варианты орфоэпической нормы. Для каждого из фоностилей орфоэпическая норма являет собой совокупность специфичного набора признаков, отличающих его от других.

Существуют различные концептуальные градации фоностилей, однако как правило выделяют два диаметрально расположенных стиля – высокий и разговорный, между которыми разные авторы выделяют различное количество «срединных» стилей. Высокий стиль – это «официальный стиль («стиль дистанцирования»), который характеризуется тем, что собеседники незнакомы друг с другом, либо не близки друг с другом, не находятся друг напротив друга и могут опираться во многом только на вербальное содержание для интерпретации дискурса (что требует его большей эксплицитности)» [3, р. 72–73]. Основная функция высокого стиля – это прежде всего апеллятивная или импрессивная функция [4].

Признаки, прототипически приписываемые высокому стилю на суперсегментном уровне – замедленный темп, большое количество стилистических пауз и произношение по слогам, трехслоговый ритм, высокая частотность выделительных ударений, инверсия направления движения мелодии, увеличение интервалов падения и подъема тона.

Обозначим некоторые признаки среднего стиля, называемого также «немаркированным» [5]. Это стиль, используемый при официально-деловом общении, без чрезмерной фамильярности и без излишней эмоциональности. Средний стиль обладает следующим набором просодических характеристик: темпоральная вариативность при доминировании быстрого темпа, регулярный ритм (как правило двух- и трехсложный), наличие прототипических мелодических контуров.

На данном этапе развития французского языка актуальной представляется задача выявления специфики темпо-ритмического членения речи в процессе формирования и порождения мысли с учетом важности темпоральных признаков речи для передачи интенции говорящего и восприятия таковой слушающими.

Материалом для анализа в настоящем исследовании выбраны публичные выступления (высокий стиль) и интервью (средний стиль) современных французских социально-политических деятелей – лидеров общественного мнения (всего 10 спикеров, 6 мужчин и 4 женщины) общей длительностью 8,5 часов. Анализ и сопоставлению подверглись темпоральные особенности устных высказываний в высоком и среднем стилях.

Согласно исследованиям французской устной речи, средняя скорость артикуляции составляет 180–200 слов в минуту [6]. Как упоминалось выше, в высоком стиле темп речи как правило замедленный, что обусловлено рядом факторов: а) коммуникативные факторы – говорящий понимает важность донесения мысли и необходимость временных затрат на обработку и «принятие» информации слушающим; б) технические факторы – во время выступлений используется микрофон, искажающий звучание, при слишком быстром темпе речь через микрофон будет невнятной.

Данные проведенного анализа представлены в таблице. Темп ровно половины спикеров в публичных выступлениях в высоком стиле можно охарактеризовать как замедленный. У остальных 50 % говорящих либо сох-

раняется средний темп (диктор 4), либо наблюдается переход в высокий темп (диктор 1, диктор 2, диктор 3, диктор 8). Таким образом, говорящие стремятся к сохранению дистанции, но без снобизма.

В среднем стиле во время интервью большинство дикторов ожидаемо придерживаются среднего темпа (179–223,1 слов/мин), темп некоторых спикеров оказывается все же ближе к высокому (229–249 слов/мин).

Следует отметить, что у 5 из 10 дикторов темп речи либо не меняется в зависимости от стиля (диктор 1, диктор 9), либо выше в высоком стиле (диктор 2, диктор 3, диктор 8). Помимо, безусловно, влияния индивидуальных особенностей спикеров, ряд факторов объясняют на наш взгляд наблюдаемые результаты. Прежде всего, речь спикеров во время интервью – неподготовленная, отсюда достаточно высокое количество пауз хезитации и *faux départs* – неудачных начал фраз и т. п. В условиях спонтанности говорящий следит за изложением своей мысли, обдумывает формулировки, в процессе порождения речемысли в реальном времени подбирает наиболее подходящие по его мнению языковые единицы, что, очевидно, замедляет темп речи.

Темп речи дикторов, слов/мин

	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Диктор 4	Диктор 5	Диктор 6	Диктор 7	Диктор 8	Диктор 9	Диктор 10
Высокий стиль	239,5	276	252	216	162	134,4	162	240	174	130,8
Средний стиль	238	189	223,1	249	222	187	229	187,9	179	203

Проведенный анализ свидетельствует о том, что важной характеристикой современных публичных выступлений является динамичность, что в свою очередь приводит к довольно быстрому темпу выступлений перед аудиторией. Помимо этого в публичных выступлениях происходит процесс проникновения в высокий стиль черт градационно более «низкого», среднего, стиля. Наблюдаемые изменения связаны с общей тенденцией лидеров мнений «подстроиться» под свою аудиторию, сократить с ней социальную дистанцию, через создание ощущения коммуникативной близости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Billières, M. La norme phonétique en français / M. Billières. – URL: <https://www.verbotonale-phonetique.com/norme-phonetique-francais/> (date d'accès: 18.07.2024).

2. Morin Y. Ch. Le français de référence et les normes de prononciation / Y. Ch. Morin // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain, 2000. – № 26 (1–4). – URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1999_num_119_1_2909 (date d'accès: 17.09.2024).
3. Simon, A.-C. Les phonostyles: une description prosodique des styles de parole en français / A.-C. Simon [et al.] // Les voix des Français. En parlant, en écrivant, Peter Lang : Berne, 2010. – P. 71–88. – URL: <http://hdl.handle.net/2078.1/83646> (date d'accès: 18.07.2024).
4. Селях, А. С. Фонетика французского языка (Теор. курс) : учеб. пособие / А. С. Селях, Н. С. Евчик. – Мн. : Выш. шк., 1986. – 136 с.
5. Léon, P. Essai de phonostylistique / P. Léon // Studia phonetica, V. 4. – Didier : Montreal, Paris, Bruxelles, 1971. – 185 p.
6. Rist C. 200 mots à la minute : le débit oral des médias / C. Rist // Communication et langages, 1999. – № 119. – P. 66–75.

ТЕКСТ И ДИСКУРС: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

О. В. Богемова, Е. А. Смирнова (г. Псков, Россия)

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕКООПЕРАТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕСКРИПТИВНОГО ПОБУЖДЕНИЯ (на материале французского языка)

В статье рассматривается специфика речевого поведения прескриптора и исполнителя прескрипции в ситуации выражения прескриптивного побуждения в условиях нарушения Принципа Кооперации. Отмечается, что отличительной чертой некооперативного поведения прескриптора является частотное нарушение категории способа, в то время как потенциальный исполнитель прескрипции нарушает преимущественно категорию количества и категорию отношения.

Ключевые слова: *принцип кооперации, некооперативное речевое поведение, прескриптор, прескриптивное побуждение, речевая ситуация*

O. Bogemova, E. Smirnova (Pskov, Russia)

MANIFESTATION OF NON-COOPERATIVE VERBAL BEHAVIOR IN THE SITUATION OF EXPRESSING PRESCRIPTIVE INCITEMENT (Based on the Material of the French Language)

The article examines the specifics of the verbal behavior of the prescriptor and the executor of the prescription in a situation of expressing prescriptive incitement under conditions of violating the Cooperative Principle. It is noted that a distinctive feature of the prescriptor's non-cooperative behavior is the frequent violation of the maxim of manner, while the potential executor of the prescription primarily violates the maxim of quantity and the maxim of relation.

Key words: *Cooperative Principle, non-cooperative verbal behavior, prescriptor, prescriptive incitement, speech situation.*

Ситуация выражения прескриптивного побуждения характеризуется реализацией директивного высказывания в условиях приоритетного иерархического положения прескриптора, что предполагает обязательность выполнения предписанного действия собеседником. Между тем, доминирование говорящего может быть обусловлено как объективными факторами (его должностные полномочия, социальный статус и др.), так и причинами субъективного порядка (завышенная самооценка, стремление прескриптора к лидерству и общему признанию и т. д.).

Во втором случае возникают предпосылки для проявления некооперативного поведения, так как изменяется пресуппозиция директивного высказывания: вместо «Х и У знают, что У должен сделать Р» (где Х – прескриптор, У – исполнитель прескрипции, Р – предизируемое действие), речевой акт основывается на допущении «Х знает, что У должен сделать Р». Различие в понимании пресуппозиции высказывания создает основу для развития конфликта между участниками речевого взаимодействия, что находит свое выражение в нарушении Принципа Кооперации, сформулированного Г. П. Грайсом следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [1, с. 222].

Таким образом, под некооперативным поведением мы будем понимать речевое поведение, характеризующееся нарушением или отказом от соблюдения категорий Принципа Кооперации [2, с. 213]:

- 1) категория Количества, согласно которой высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется;
- 2) категория Качества, в соответствии с которой высказывание должно быть истинным;
- 3) категория Отношения, в которой рекомендуется не отклоняться от темы;
- 4) категория Способа, согласно которой следует выражаться ясно и корректно [1, с. 222].

В ситуации прескриптивного побуждения проявление некооперативного поведения в условиях отсутствия иерархических отношений наблюдается, прежде всего, со стороны говорящего, нарушающего преимущественно категорию способа, что проявляется в вербальной агрессии, т. е. в выражении негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой или неприемлемой для данной речевой ситуации форме [3, с. 9].

По своему характеру вербальная агрессия может быть описана как прямая или косвенная. Первая разновидность предполагает открытое проявление словесной агрессии, направленное непосредственно на объект раздражения или недовольства. Наиболее частотными примерами прямой вербальной агрессии являются просторечно-разговорная лексика, оскорбление, угроза, повышение голоса.

Использование просторечно-разговорной лексики при выражении побуждения способствует, помимо выражения отрицательной оценки, усилению директивной интенции, особенно в том случае, когда она используется для описания предписываемого действия:

– *Ne joue pas au con avec moi, Raphaël* [4, p. 50].

Прескриптивный речевой акт в репертуаре говорящего часто сопровождается РА оскорбления, который выражает обидную характеристику собеседника и реализуется преимущественно как обращение (1) или аргументация (2) и оформляется при помощи лексической единицы негативной оценочности:

1. – *Silence, trouillard!* [5, p. 87]

2. – *Dégagez de chez-moi! Vous êtes un imposteur! hurla-t-elle avant d'éclater en sanglots* [4, p. 247].

Использование РА оскорбления как дополнительного компонента прескриптивного речевого акта является частотным, но не единственным средством нарушения категории способа при реализации побуждения. Другим регулярно употребляемым средством является выражение отрицательной оценки качеств собеседника (1), его действий (2), его окружения (3):

1. – *Ne sois pas couillon!* [6, p. 220].

2. – *Arrêtez vos conneries* [4, p. 344].

3. – *Oublie ce connard* [4, p. 158].

Прямая вербальная агрессия может быть выражена также посредством угрозы. Поскольку угроза включает элементы принуждения и предостережения об обязательных санкциях в случае неисполнения прескрипции, ее можно рассматривать как нарушение категории способа Принципа Кооперации:

– *Tais-toi ou je te fais taire définitivement!* [7, p. 96]

В качестве средства прямой вербальной агрессии может выступать крик, повышение голоса или изменение интонации в целом. В самых общих чертах, крик представляет собой стратегию воздействующего поведения, направленного на привлечение внимания собеседника и формирование реакции. При выражении побуждения, крик может быть классифицирован как средство вербальной агрессии, поскольку он характеризуется резким повышением интенсивности звука и использованием агрессивных интонаций, направленных на принуждение собеседника к выполнению предсказуемого действия посредством формирования чувства дискомфорта и подчиненности:

– *File-moi ça! cria Marc en lui arrachant le portable de main* [4, p. 135].

Как мы отмечали выше, в качестве второй разновидности словесной агрессии можно выделить косвенную вербальную агрессию, отличающуюся тем, что негативная интенция маскируется или подается в завуалированной форме. В высказываниях, содержащих косвенную вербальную агрессию отсутствуют оскорбления, лексика негативной оценочности, просторечно-разговорная лексика. Примерами косвенной вербальной агрессии являются ирония и манипуляция.

Ирония директивного типа характеризуется сочетанием в рамках директивного высказывания иллюкутивной силы требования с дополнительным скрытым смыслом, содержащим сарказм, недовольство, насмешку или критику, который становится понятен собеседнику благодаря контексту или эмоциональной окрашенности высказывания:

– *Eh bien? Que'est-ce que tu attends? Va dans ma chambre: tu pourras compléter tes souvenirs* [7, p. 96].

Манипуляция директивного типа представляет собой разновидность речевого поведения, при котором прескриптор стремится навязать своему собеседнику выполнение какого-либо действия путем использования специальных приемов убеждения, внушения или давления:

– *Plus vite tu me réponds, plus vite on en aura terminé* [4, p. 92].

Таким образом, наблюдение показывает, что некооперативное поведение говорящего при выражении прескриптивного побуждения заключается преимущественно в нарушении категории способа Принципа Кооперации, что находит выражение в реализации вербальной агрессии двух типов: прямой и косвенной.

При речевом взаимодействии в условиях прескриптивной ситуации, характеризующейся отсутствием иерархических отношений между собеседниками, потенциальный исполнитель прескрипции также допускает нарушение Принципа Кооперации, но, в отличие от прескриптора, с его стороны нарушаются преимущественно категории количества и отношения.

Нарушение категории количества со стороны потенциального исполнителя прескрипции заключается в предоставлении избыточного количества информации в ответ на побуждение:

– *Il faut que tu sautes, a dit Clotaire. Tout le monde doit sauter!*

– *Non, monsieur, a dit Alceste. Je suis en train de manger, et si je saute je vais être malade, et si je suis malade, je ne pourrai pas finir mes tartines avant le dîner. Je ne saute pas* [8].

В данном примере наблюдается нарушение максимы количества со стороны потенциального исполнителя прескрипции: мальчик подробно объясняет своему другу отказ выполнять предписуемое действие, используя развернутую аргументацию и официальное обращение с целью усиления иллюзии высказывания. Причина некооперативного поведения заключается в нежелании выполнять предписываемое действие.

Нарушение Принципа Кооперации может проявляться в применении потенциальным исполнителем прескрипции такой разновидности манипулятивного, психоэмоционального воздействия, как речевой шантаж, который состоит в реализации угрозы последствиями:

– *Retourne te coucher, toi! lança Ron avec fureur.*

– *J'ai failli tout raconter à ton frère, répliqua Hermione. Percy est préfet, il pourrait empêcher ça* [9].

В данном примере некооперативное поведение проявляется в нарушении максимы отношения. Речевое взаимодействие происходит между двумя детьми. Прескриптор нарушает категорию способа Принципа Кооперации, яростно реагируя на появление собеседника, который, в свою очередь, нарушает категорию отношения, меняя тему разговора с той целью, чтобы отложить время выполнения каузируемого действия и/или заставить говорящего отказаться от идеи выражения побуждения.

Таким образом, практический материал показывает, что некооперативное поведение в ситуации прескриптивного побуждения может проявляться как в условиях объективной иерархии (возрастной, должностной), так и в условиях субъективной иерархии. Признаки некооперативного поведения обнаруживаются у всех участников ситуации: у прескриптора и у исполнителя прескрипции. При этом прескриптор нарушает преимущественно кате-

горию способа, используя средства прямой и косвенной вербальной агрессии. А потенциальный исполнитель прескрипции нарушает различные категории количества (посредством игнорирования обращения прескриптора или, наоборот, излишне подробным описанием причин, объясняющих невозможность совершения предписываемого действия) и категорию отношения (посредством изменения темы диалога). Причины проявления некооперативного поведения у прескриптора и потенциального исполнителя прескрипции также различаются: прескриптор стремится добиться перлокутивного эффекта при помощи усиления директивной интенции, в то время как исполнитель старается избежать исполнения предписываемого действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике ; под общ.ред. Е. В. Падучевой. – Вып. 16. – М., 1985.
2. Богемова, О. В. Некооперативное речевое поведение в контексте слабоструктурированной ситуации директивного типа (на материале французского языка) / О. В. Богемова, С. Н. Воднева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Т. 18. – Вып. 1. – 2025. – С. 211–218.
3. Щербинина, Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
4. Musso, G. La fille de Brooklyn / G. Musso. – N.Y. : Pocket, 2017. – 571 p.
5. Arrou-Vignod, J.-Ph. P.P. Cul-vert détective privé / J.-Ph. Arrou-Vignod. – Paris, 1993. – 193 p.
6. Pagnol, M. Le temps des secrets / M. Pagnol. – P. : Fallois, 1996. – 287 p.
7. Sartre, J.-P. Les mains sales / J.-P. Sartre. – P. : Gallimard, 1996. – 252 p.
8. Gosciny R. Le Petit Nicolas et les copains / R. Gosciny, J. J. Sempé // – URL: <https://www.rulit.me/books/le-petit-nicolas-et-les-copains-read-225414-14.html> (дата обращения: 05.09.2025).
9. Rowling, J. K. Harry Potter et le prisonnier d'Azkaban / J. K. Rowling // URL: <https://www.rulit.me/books/harry-potter-et-le-prisonnier-d-039-azkaban-read-496803-17.html> (дата обращения: 05.09.2025).

В. А. Данилевская (г. Санкт-Петербург, Россия)

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СМЫСЛОВЫХ ПОВТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

В статье говорится о суггестивном потенциале медиатекстов, функциях и приемах суггестивного воздействия медиадискурса, о роли суггестивной функции языка в политических медиатекстах; утверждается заведомая направленность последних на эмоциональную сторону личности. Приводятся

примеры использования приемов суггестивного воздействия в политическом медиатексте, подчеркивается роль смысловых повторов в качестве важного средства суггестии. Приводятся примеры использования смысловых повторов в политическом медиатексте с целью убеждения адресата.

Ключевые слова: *суггестивное воздействие, приемы суггестивного воздействия, политический медиатекст, развернутые вариативные повторы (РВП), концептуальные мысли.*

V. Danilevskaya (St. Petersburg, Russia)

SUGGESTIVE POTENTIAL OF SEMANTIC REPETITIONS IN POLITICAL MEDIA TEXTS

The article discusses the suggestive potential of media texts, the functions and techniques of suggestive influence in media discourse, and the role of the suggestive function of language in political media texts. It asserts that these texts are inherently directed toward the emotional dimension of personality. Examples of suggestive techniques employed in political media texts are provided, emphasizing the role of semantic repetitions as an important means of suggestion. The article also provides examples of using semantic repetitions in political media texts to persuade the addressee.

Key words: *suggestive influence, techniques of suggestive influence, political media text, expanded variative repetitions (EVR), conceptual ideas.*

В последние годы в связи с бурным развитием электронных технологий коммуникации растет количество, разновидности и возможности средств массовой информации в России. Это обстоятельство, в свою очередь, вызывает большой исследовательский интерес к медийной речи как постоянно меняющейся и развивающейся.

Известно, что основная функция СМИ состоит в воздействии на общественно-политическое сознание, поэтому понятно, что языковые параметры воздействия, его специфические речевые приемы представляют особый интерес для исследователей-лингвистов.

Важным свойством медиатекстов является их суггестивное воздействие на адресата. В нашем понимании суггестии мы придерживаемся позиции Г. М. Грушевской, отождествляющей суггестию с внушением и признающей, что внушение происходит бесконтрольно для человека, находящегося под ним, и является способом «незаметного внесения в сознание посторонней идеи» [1, с. 23]. Результатом суггестивного воздействия, как собственно и его целью, являются изменения мнений, установок, а также определенных действий, которые становятся результатом такого изменения.

Высокая роль воздействующего потенциала в публицистике/журналистике свидетельствует о том, что условием успешности автора речи является его способность склонить реципиента на свою сторону, убедить его своей правоте, «приобщить» его к своей точке зрения. Как отмечают

М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский, «в современных газетных текстах имеет место усиленная попытка автора текста выработать общее с читателем мнение об объекте» [2, с. 367]. О медиатексте как основной сфере реализации суггестии пишут и О. А. Алимуратов и М. Хасуева, отмечая, что именно этот вид дискурса является центральным инструментом «воздействия на массовую аудиторию» [3, с. 364].

Залогом успешного суггестивного воздействия медиатекстов является их заведомая **направленность на эмоциональную сторону** личности суггеренда: «умело построенное сообщение (письменного медиадискурса. – В. Д.), воздействует на чувства адресата, вызывая эмоции и действия, спровоцированные адресантом» [3, 370]. См., например, следующий отрывок из текста К. Малофеева «О теракте в Крокусе» [4] (единицы, предназначенные для воздействия на эмоции, выделим полужирным шрифтом):

Братья и сестры!

После теракта в «Крокусе» очевидно: неконтролируемая миграция из Средней Азии в военное время создает прямую и явную террористическую опасность. Мигранты – пушечное мясо для второго фронта – фронта террористической войны.

Братья и сестры, понимая всю тяжесть произошедшего, сегодня нам необходимо сохранять спокойствие. Несмотря на весь наш гнев и возмущение, жизненно важно не допустить случаев самосуда или погромов. Это именно то, чего от нас хочет враг: дестабилизировать ситуацию в стране, когда Россия ведет войну.

По проведенным подсчетам, более половины всех слов, составляющих данную статью, по своей контекстуальной семантике относятся к эмоционально воздействующим. Действительно, после теракта в концертном комплексе «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г. эмоциональное состояние людей было близко к тому, что называется «благородной яростью», и каждая вторая единица этого текста легко «укладывалась» на подготовленную душевную почву, поскольку отражала внутреннее психологическое состояние общества.

В этой ситуации, когда потенциальные читатели заведомо находятся в состоянии крайнего эмоционального напряжения, автору необходимо, с одной стороны, продемонстрировать единение с читателями, с другой стороны – внести некую мотивацию сохранять спокойствие, одновременно убедив читателей в истинных, по мнению автора, причинах произошедшего. Первой и последней из указанных целей автора способствует создание им оппозиции «свой-чужой».

Указывая на конфликтный характер политического дискурса, в котором важно продемонстрировать негативное отношение к оппоненту, Ф. С. Адзимова и З. С. Хабекирова пишут о том, что авторам для реализации данного намерения (показать негативное отношение к политическому противнику. – В. Д.) помогает использование «стилистических приемов и средств» суггес-

тивного воздействия. Эти же авторы отмечают, что интенционально-стилистические особенности политических текстов медиасферы в большей степени формируются в процессе выражения именно отрицательной оценки [5, с. 97].

Н. П. Кравченко в качестве единиц, работающих на создание образа врага в рамках оппозиции «свой-чужой» с целью внушения адресату негативного отношения к политическим оппонентам, называет метафору, гиперболу, градацию, единоначатие, антитезу, а также употребление слов, вызывающих у любого человека ярко выраженные негативные эмоции [6].

Такие приемы публицистического дискурса можно видеть на примере статьи К. Малофеева. Одной из важнейших целей статьи автор видел противопоставление России ее противникам и создание (поддержание) у читателя к ним резко негативного отношения на основании разделения «свой» (Российские граждане) – «чужой» («англосаксы»). С этой целью автор использует, например, единоначатие (*Мы не позволим ... . Мы стали самым большим ... . Мы воевали и будем воевать ... .*). Такой прием помогает концентрировать внимание читателя на повторяющихся словах, а само повторяемое слово «мы», в свою очередь, призвано создать у реципиентов ощущение принадлежности к одной группе – российских граждан.

«Сильным» с точки зрения эмоционального воздействия на читателя с целью вызвать у него ощущение единения с автором приемом является повтор обращения «братья и сестры» – в самом тексте и в качестве вступительной фразы непосредственно перед ним. Выбор фразы не случаен: для аудитории православного телеканала «Царьград», на сайте которого была опубликована статья, эти слова служат сигналом: автор – единоведец, одних с ними ценностей. Это часть успешного создания противопоставления по линии «свой-чужой».

Дальнейшей концентрации внимания читателя на этой оппозиции способствуют метафоры (*безмозглые орудия*) и употребление для характеристики как исполнителей теракта, так и тех, кто, по мнению автора, стоял за ними, слов с резко негативной эмоциональной окраской (*грязные* (наркоманы), *холёные и циничные* (англосаксы)). Собственно, автор не столько создает в сознании читателя резко негативную оценку, страх, ненависть и желание возмездия, но правильно подобранными лексическими и синтаксическими средствами поддерживает объективно существующие настроения российских читателей после произошедшего теракта. Одновременно концентрируя внимание читателя на эмоционально «заряженном» контрасте «свой-чужой» (Россия – англосаксы), автор вводит в текст ключевые идеи, которые читатель воспринимает и поддерживает именно с учетом уже выстроенной однозначной оппозиции.

Интересно при этом, что в качестве еще одного важного средства суггестии в медиатексте, в том числе медиатексте политического содержания, можно выделить смысловые повторы.

Анализируя суггестивный потенциал медиатекстов мы пришли к выводу, что развернутые вариативные повторы (РВП), представляющие собой повторение ранее сказанного (с перефразировкой или без; зачастую с приращением смысла) способствуют – за счет именно повторения – более легкому и успешному пониманию адресатом часто сложной и противоречивой политической информации. Причем именно автор руководит этим процессом, определяя, где именно и как, каким образом надо повторить для читателя те или иные мысли/высказывания/положения/оценки, чтобы облегчить ему процесс восприятия и сделать его более продуктивным, а главное – убедить адресата в исключительной истинности своей (авторской) позиции.

Посмотрим примеры реализации суггестивного потенциала РВП в тексте статьи К. Малофеева. Создавая оппозицию «свой-чужой», автору необходимо донести до читателя концептуальные мысли: 1) неконтролируемая миграция – террористическая угроза; 2) необходимо сохранять спокойствие в этой сложной ситуации.

В первом случае после основного высказывания (ОВ) автор еще четыре раза повторяет свою мысль, сопровождая повторы приращением смысла. Мы приведем лишь один пример чередования ОВ и РВП:

ОВ – *После теракта в "Крокусе" очевидно: неконтролируемая миграция из Средней Азии в военное время создает прямую и явную террористическую опасность.*

РВП – *Мигранты – пушечное мясо для второго фронта – фронта террористической войны.*

Полужирным шрифтом выделен повторяющийся фрагмент; за счет акцентирования внимания читателя на этом фрагменте автор пытается донести до читателя концептуально важную мысль.

Использование РВП для внушения читателю необходимости сохранять спокойствие даже в моменты трагедий, подобной случившейся в «Крокусе», проиллюстрируем следующим чередованием ОВ и РВП (всего данная мысль повторяется в тексте три раза):

ОВ – *Братья и сестры, понимая всю тяжесть произошедшего, сегодня нам необходимо сохранять спокойствие.*

РВП – *Несмотря на весь наш гнев и возмущение, жизненно важно не допустить случаев самосуда или погромов.*

Как мы считаем, именно развернутые вариативные повторы становятся в политическом медиатексте одним из ключевых способов «выделения важного», акцентирования внимания адресата на ключевых мыслях автора, на ядерных фрагментах целого изложения.

Целью политических текстов становится внушение читателю (слушателю) определенных идей, создание у него общего с автором набора политических убеждений. В обеспечении этого процесса большую роль играют как раз развернутые вариативные повторы, благодаря которым постепенно,

но неуклонно и реализуется необходимый для политической коммуникации процесс эмоционально-экспрессивного «вливания» адресата в ситуацию и запоминания им этого состояния, а тем самым – процесс убеждения адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевская, Г. М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Грушевская Татьяна Михайловна ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 43 с.
2. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
3. Алимуратов, О. А. Сущность явления суггестии в медиа-дискурсе и основные факторы успешности данного процесса / О. А. Алимуратов, М. Х. Хасуева // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 363–375.
4. Малофеев, К. В. О теракте в Крокусе / К. В. Малофеев // Эл. издание «Царьград». – URL: https://spb.tsargrad.tv/slovo/o-terakte-v-krokuse_977519. – Дата публ.: 23.03.2024.
5. Адзинова, Ф. С. Интенционально-стилистические особенности политических медиатекстов / Ф. С. Адзинова, З. С. Хабекирова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2021. – № 2 (277). – С. 97–101.
6. Кравченко, Н. П. Средства манипуляции в политическом тексте / Н. П. Кравченко // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-manipulyatsii-v-politicheskom-tekste/viewer> (дата обращения: 25.05.2024).

А. М. Дудина (г. Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с вариативностью языковой нормы на примере комментариев под контентом блогов развлекательного характера. Определяется степень глубины преобразований, происходящих в Интернет-коммуникации как особом варианте французского языка под воздействием процессов глобализации и компьютеризации общества. Анализируются отклонения от письменно-речевой нормы, фиксируемые на фонетическом уровне языка, а также графические средства передачи эмоций.

Ключевые слова: *вариативность, языковая норма, интернет-коммуникация.*

LANGUAGE VARIABILITY IN FRENCH ONLINE COMMUNICATION

This article examines issues related to language variability using comments under entertainment blog content as an example. It determines the depth of transformations occurring in online communication as a specific variant of the French language under the influence of globalization and the computerization of society. Deviations from the written language norm, as reflected in the phonetic level of the language, as well as graphic means of conveying emotion, are analyzed.

Key words: *variability, language norm, online communication.*

Каждый язык имеет свою историю становления и развития, в ходе которой сформировались языковые нормы, ориентированные прежде всего на его письменное использование, и закреплённые в грамматических правилах и в словарях. Как и любой язык, современный французский эволюционирует, его словарный состав постоянно меняется под влиянием экстралингвистических факторов, напрямую связанных с бурным развитием общества, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий. В указанной связи в нём фиксируются отклонения от языковой нормы, от существующего языкового стандарта. Такие девиации наблюдаются на всех языковых уровнях – в произношении, в расстановке ударений, в словоупотреблении, в использовании грамматических форм.

Отметим, что понятие нормы получило теоретическое обоснование в языкознании лишь в XX веке. Теория нормы детально разрабатывалась в русском и в советском языкознании, как на материале русского, так и на материале других языков (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. Г. Костомаров, С. И. Ожегов, Л. В. Щерба, Ю. С. Степанов и др.).

В основном понятие нормы используется применительно к литературному языку, в связи с чем В. В. Виноградов указывает: «Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в письменной, так и в разговорной форме)» [1, с. 29]. В числе основных признаков нормы литературного языка ученые выделяют относительную устойчивость, обязательность и общеупотребительность. Источниками языковой нормы служат устная речь литературно образованных и авторитетных в обществе людей, произведения писателей-классиков.

Языковая норма вырабатывается в практике речевого общения, закрепляется как узус, кодифицируется. Отклонения от нее отмечаются не только в грамматиках, словарях и иных кодификационных работах, но и в широком общественном сознании.

Норма динамично развивается и пронизывает все уровни языка. Процесс изменения нормы является долгосрочным. Количество удачных коммуникативных реализаций в устной речи увеличивается постепенно, а затем они

появляются в письменной форме языка как окказионализмы, лишь после этого переходя в разряд кодифицированной нормы, которая фиксируется в словарях и справочниках.

Безусловно, из всего многообразия языковых новаций, создаваемых носителями языка, только наиболее удачные «приживаются» в системе языка. Этот процесс со всей очевидностью проявляется в электронном дискурсе. Пользователи интернет-сообщества быстро привыкают к удобным новым способам устно-письменного общения, несмотря на многочисленные нарушения орфографических, грамматических, лексических норм ввиду удобства последних и необходимости в краткие сроки передать довольно большие массивы информации. Подобная перестройка свойственна всем современным языкам, используемым в интернет-коммуникации, в том числе и французскому языку. В ее результате тексты (в том числе комментарии к блогам, которые являются объектом нашего исследования), создаваемые в пространстве интернет-дискурса, приобретают следующие основные характеристики:

- метафоричность, которая возникает в результате переноса значения языковой единицы на основании какого-либо признака из одной языковой сферы в другую [2, с. 96];

- жаргонизация и сленгизация, которые связаны со стремлением сделать текст сообщения понятным только интернет-пользователям или работникам ИТ-сферы, т. е. зашифровать его [там же, с. 147];

- креолизованность, т. е. аудиовизуальный образ, создаваемый в результате сочетания вербального текста с невербальными знаками (например, фото- и видеоизображениями) [там же, с. 153];

- стремление к лингвокреативности языковой личности, которое проявляется, в частности, в использовании номинативной деривации, основанной на принципах языковой игры [3] и некоторые другие.

В фокусе нашего исследования – комментарии под публикациями в блогах, которые представляют собой тематически ограниченное коммуникативное и дискурсивное пространство [4, с. 48]. Конкретное сообщение интернет-пользователя служит основой для коммуникации, обсуждения, комментирования. Комментарии размещаются под ним и образуют своеобразную цепочку.

Материалом для настоящего исследования послужили блоги популярных франкоговорящих блогеров Cyprien, DENYZEE, Michou, Norman fait des vidéos и русскоязычных блогеров Димы Масленникова, ЕГОРИКА, ДАНИКА, Дюшес, имеющих не менее миллиона подписчиков каждый. Данные блогеры создают контент развлекательного содержания, который не оставляет зрителей равнодушными и побуждает активно его комментировать. Для лингвистического анализа были отобраны лишь те высказывания, в написании которых присутствуют отклонения от письменно-речевой нормы.

Исследование показало, что в большинстве отобранных примеров реализуются сразу несколько отклонений от языковой нормы. Ввиду ограничений, налагаемых рамками статьи, остановимся подробнее лишь на

некоторых из них, в частности, на активно используемых в комментариях под блогами фонетических, орфографических и графических средствах, сигнализирующих об отклонении от нормы.

Как уже отмечалось выше, разговорная речь пользователей в интернет-дискурсе часто фонетически и графически приближена к живой устной речи. Интернет-язык обладает всеми основными признаками разговорной речи: непринужденностью, непосредственностью и неподготовленностью общения, преобладанием диалога над монологом, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочными реакциями, неполно-структурной оформленностью синтаксического, фонетического и морфологического уровней, прерывистостью и логической непоследовательностью высказываний [5, с. 56]. «Эмоции (в том числе в Интернет-языке) выражаются с помощью фонетических средства языка, к которым относятся звуки речи, ударение (словесное и фразовое или логическое) и интонация» [там же, с. 57].

На вербальном уровне электронный дискурс утрачивает фонетический компонент (поскольку речь идет о письменном способе общения), в то время как на паралингвистическом уровне Интернет-пользователи компенсируют отсутствие зрительного контакта, мимики, жестов и проксемики использованием графических средств выражения. Таким образом, на письменные высказывания ложится дополнительная нагрузка по передаче информации. Пользователям гораздо легче находить соответствующее графическое выражение, чем подбирать эквивалентные лексико-синтаксические экспрессивные средства. «Актуализация во франкоязычных интернет-дискурсах языковых средств экспрессивизации объясняется общей тенденцией Интернета к зрелищности, наглядности, манипулятивности не только на уровне экстралингвистической, но и лингвистической прагматики» [6, с. 132].

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся средства выражения эмоций в электронном дискурсе. Одним из активно представленных средств такого характера является прием многократного дублирования букв. Буквенная итерация (количественное увеличение согласных или гласных букв) может использоваться для выражения протяжного произнесения, повышенной эмоциональной реакции (вплоть до крика) или выделительного ударения. Это своеобразное средство передачи на письме паралингвистической информации, т. е. всей совокупности невербальных средств, участвующих наряду с вербальными средствами в речевой коммуникации. Обратимся к примерам:

lorinda.dp

Elsa en jogging et les cheveux comme ça
c'est trop beauuuuu

Vilu CB's

Oooooooooh ouiiiiiiiiiiiiiiii un duo de fou !!!!

Faustine Sanson

J'adooore ta voix elle est magnifique ❤️👑👑

Следующим активно используемым приемом является капитализация, т. е. выделение заглавными буквами, она помогает графически выражать просодические элементы (передавать эмоциональное состояние автора

комментария, а также расставлять смысловые акценты в высказывании). Выделенные графически лексические единицы требуют особого прочтения, изменения интонации или повышения тона. Такая лексическая единица может служить интонационным или логическим центром высказывания. Крупно написанные слова на фоне стандартных букв призваны привлечь внимание и зачастую сигнализируют о повышении тона или даже крике, выраженном таким своеобразным (графическим) способом.

Lulu Zuc

Perso, j'ai beaucoup aimé Diva, le message qu'elle porte, et grâce au making-of je commence à mieux aimer celle-ci, mais je trouve vraiment DOMMAGE pour l'autothune...

Ava Laillet • 6 дн. назад

Elle est GÉNIALE la vidéo 😂😂😂 c'était tellement HILARANT 🤣🤣🤣 j'ai adoré et en plus c'est tellement ce qu'on voit sur Tik Tok 👍👍👍 Continue ce que tu fais Norman je t'adore 🥰

Французский язык имеет многовековую письменную традицию и кодифицированную орфографическую языковую норму, прескриптивный характер которой проявляется в своде правил, которым подчиняется процесс письма и которые допускают как верный только один графический вариант написания. Тем не менее, все алфавитные языки имеют характерный разрыв между фонемным и графемным составом. Графические символы отсылают к денотату (объекту, означаемому знаком), а графические сокращения появляются в связи с тенденцией писать кратко, емко и быстро, о чем уже упоминалось выше.

В настоящее время актуальной является проблема несоответствия звуков способам их передачи на письме. Пользователи намеренно искажают орфографические нормы с целью большей выразительности и придания живости обсуждению. Это явление называется какографией или эрративом. Какография – «слово или выражение, подвергнутое нарочитому искажению носителем того или иного языка, владеющего его литературной нормой, с целью придания ему особого эффекта, как правило, комического» [7, с. 115]. Искраженные формы слов сохраняют понятный всем смысл и не воспринимаются пользователями негативно. Напротив, впоследствии они приживаются и используются многими, иногда продолжая видоизменяться. Пользователи отходят от традиционного орфографического написания слова и используют альтернативные способы записи, которые удобны для быстрого набора на клавиатуре, но при этом сохраняют узнаваемость слов для правильной интерпретации сообщения, то есть понимания написанного так, как его задумал автор.

Взаимодействие вышеперечисленных факторов обеспечивает интралингвистическую специфику, которая наблюдается на уровне графической вариативности и имеет различные проявления. Так, например, наблюдается графическая асимметрия, которая выражается в фонетической передаче слов на письме, то есть слова пишутся так, как они произносятся в устной речи, как правило беглой и разговорной. Основное проявление графической асимметрии – фонетическая компрессия, которая подтверждает работу принципа экономии языковых средств.

Графическая асимметрия состоит в свободном варьировании графического написания звуков и проявляется, в первую очередь, через возможность выражать некоторые звуки несколькими вариантами, например, [o] (ô, o, eau, au), [k] (c, qu, q, ch, k) или [s] (s, ç, c, ss, x, t (+i), sc, cc), а также использовать алфавитные названия букв вместо полноценных лексем, благодаря омофонии.

rebeu paillados

on va manger koi beh de l'o

Vanessa L'hôte

Sa va très bien

Sarah Sara

Ki ne s'attendait pas à sa ????????

noe_lvt

c vrai elle le mérite pas

p.m._____

G lu contrôle mdr 😊

Распространены и взаимные замены буквосочетаний. Так, например, наиболее часто происходят взаимные замены следующих способов передачи [e]: é; er; ez. К примеру, встречаются замены é → er, er → é, er/é → e, ez → er:

nax.uz

livssuns

boulite hugo

Ok j'ai rigoler merci T PASSE À LA TÉLÉ

Vous chanter troooooop biennnnnn et le décor derrière c'est ouf

В Интернет-коммуникации на французском языке пользователи зачастую пренебрегают диакритическими знаками. Некоторые пользователи полностью или частично игнорируют диакритические знаки (é, è, ê, ï, ç), а одна из причин этому – технические условия набора текста, а именно расположение символов с диакритикой на отдельных клавишах, часто разбросанных в разных местах на французской раскладке клавиатуры и никак специально не обозначенных. Это обусловлено исторически, ведь родина Интернета – Соединенные Штаты – и старый стандартный код для обмена информацией (ASCII) содержит символы только для английского языка. Если говорить о мобильных устройствах (смартфонах, планшетах), то выбор букв с диакритикой на клавиатуре требует дополнительных усилий, а именно долгого нажатия на виртуальную кнопку с необходимой буквой и затем дополнительного нажатия на букву с нужным символом. Все это отнимает у пользователя драгоценные секунды, следовательно, игнорирование диакритических знаков – это способ более быстрого набора сообщений и экономии времени. Кроме того, отсутствие диакритических знаков не искажает понимания напечатанных слов. Адресат видит графический образ всего слова целиком и способен правильно его воспринять. Разумеется, речь идет лишь о неформальном общении в сети Интернет.

Sarah la best

ou son les commentaire ah ils sont la

Alyssa

Tavais kel age qd ton oncle etais degiser en pere noel?

paulolo2020

a la fin t'étais pas sur

lisa_sousi4

oui oui pour moi cava 😊😊

jacquelinebouzou Plutot sympa de pouvoir repecher un talent !

К числу графических средств передачи информации в интернет-дискурсе относятся и пиктографические элементы – эмодзи (смайлики). Во время коммуникации происходит обмен не только информацией, но и эмоциями. Любая информация, которую сообщает человек другому человеку, содержит в себе его отношение к сообщаемому (модальность). О. С. Ахманова определяет модальность как «понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражающуюся различными лексическими и грамматическими средствами, такими как форма и наклонение, модальные глаголы и т. д.» [8, с. 237]. В виртуальной коммуникации передавать модальность помогают такие графические элементы, как смайлики (эмодзи, эмотиконы), которые представляют собой рожицы, изображения людей, животных, еды, предметов, символов, понятные всем.

«Эмодзи» возникли в Японии в 90-х годах XX столетия. Они используются не только для выражения собственно эмоций и чувств, но также различных идей, артефактов, предметов быта и проч. Эмодзи имеют конвенциональную природу, которая делает их универсальными знаками. Во многом появление эмодзи обусловлено происходящими в мире глобализационными процессами, связанными с расширением кооперации, интеграции и коммуникации в интернет-дискурсе представителей различных социальных и этнических групп. Частотность использования эмодзи в современном интернет-дискурсе и, в частности, в комментариях к блогам, продиктована, прежде всего, принципом экономии лексикона, т. е. необходимостью передать максимально ярко выраженный смысл минимальными речевыми средствами, а также наблюдающейся симплификацией высказываний, проявляющейся в «сокращении предложений, упрощении синтаксических связей, использовании слов с более предметной (не абстрактной) семантикой, а также более широко употребляемой лексики» [9, с. 14]). Эти характеристики напрямую связаны с нейропсихологическими особенностями работы мозга человека: решая поставленную задачу, мозг стремится затратить минимальное количество усилий и энергии, ввиду чего интернет-дискурс стремится к имплицитности и креолизации, в том числе и посредством эмодзи. Семантические смыслы эмодзи воплощаются в тексте посредством особенностей семантики, синтаксиса и лингвопрагматики.

Значение	Пунктуационное изображение смайлика	Графическое изображение смайлика
Улыбка	:-) :) =)	
Грусть	:-(: =(	
Смех	:-D :D =D	
Подмигивание	;-) ;)	
Показывание языка	:-P :-p :P :p =P =p	
Удивление	:-O :-o :O :o =O =o	

Смайлики с использованием знаков препинания (а именно скобок) по-разному используются и воспринимаются носителями разных языков. Так, в русском языке допустимо писать отдельную открывающую или закрывающую скобку в конце сообщения для выражения расположения или грусти. Зарубежные пользователи пишут подобные смайлики целиком :-), не редуцируя их. В то же время, главная причина упрощенного написания смайликов – простота и скорость, т. е. экономия времени, ведь достаточно изображения улыбающегося рта для того, чтобы понять, что человек испытывает радость, приятные эмоции, а количество скобок указывает на степень передаваемой эмоции. Эти интуитивно понятные русскоговорящей аудитории символы желательно не использовать в общении с зарубежными пользователями во избежание проблем с декодированием.

Sabrina • 3 мес. назад
Mystères! :D

TheCheeseNaan • 5 мес. назад
Je l'aime trop le pilote , c'est le frérot <3

Сейчас интернет-пользователи реже используют смайлики из знаков препинания, чем картинки-эмодзи.

estherstorises_yt La dernière photo il n'y a pas de mots pour la décrire seulement des emoji😂😂😂😂😂

aicha cisse
Il est super fort 🍌🍌 j'adore 🥰
Mylène Boulard
Je déteste aussi faire les vitres 🙄

Смайлики являются паралингвистическими знаками, которые отражают дополнительные смыслы. Ими можно заменить лексемы и целые высказывания, что помогает соблюдать закон экономии языковых средств и сделать виртуальное общение более живым. Кроме того, смайлики часто заменяют знаки пунктуации и используются в конце предложения для демонстрации коммуникативного типа высказывания. Еще одна функция смайликов – фатическая, которая помогает устанавливать контакт между собеседниками. Таким образом, смайлики и эмодзи наглядно передают эмоциональное состояние интернет-пользователя (радость, гнев, грусть) и паралингвистические компоненты общения (мимику, жесты), тем самым облегчают интерпретацию, задают тон виртуальному общению. Иногда они становятся самостоятельным сообщением. Пользователи, не видя друг друга, стараются всеми доступными им способами компенсировать отсутствие зрительного контакта. В заключение отметим, что любой язык, как живая субстанция, способен изменяться, адаптироваться к быстрым изменениям, происходящим как в социокультурной сфере, так и в технологической, поскольку они проникают в устную речь и становятся ее частью. Языки в сети Интернет подчиняются принципу экономии языковых средств и адаптируются под быстрый обмен информацией, что способствует появлению лингвистических особенностей, представляющих собой намеренные, сознательные

отклонения от общепринятой языковой нормы на разных уровнях языка. Подобная вариативность представляет собой естественный процесс развития языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. История русского литературного языка: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1978. – С. 29.
2. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство / Е. Н. Галичкина. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 331 с.
3. Ширифуллин, Б. Я. Языковая игра в интернет-коммуникации / Б. Я. Ширифуллин // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллектив. моногр. ; науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 4-е изд., стер. – С. 203–219.
4. Попова, Д. А. Способы репрезентации субъекта интернет-дискурса межперсонального уровня коммуникации в жанре комментария (на материале французского языка) / Д. А. Попова // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. науч. ст. – Самара : Самарский университет. – 2015. – С. 46–52.
5. Гох, О. В. Фонетические средства выражения эмоций в интернет-языке / О. В. Гох // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2011. – № 1 (8). – С. 56–60.
6. Гапотченко, Н. Е. Прагматика франкоязычных интернет-дискурсов / Н. Е. Гапотченко // Вестник ШГПУ. – 2019. – № 1 (41).
7. Лимарова, Е. В. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) / Е. В. Лимарова, Л. П. Сон. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-slang-slovoobrazovatelnye-protsessy-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov/viewer>.
8. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
9. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т. В. Черниговская. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

М. А. Комарова, Е. А. Лавринович (г. Минск, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НОВОСТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАГОЛОВКОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ

В статье рассматриваются особенности заголовков экономических новостей в интернет-СМИ на русском и английском языках с позиции лингвистической прагматики. Авторы выделяют основные функции заголовков-речевых актов, которые преобладают в современной новостной интернет-

журналистике экономической тематики и приходят к выводу, что англо- и русскоязычные заголовки характеризуются рядом конвергентных свойств и функций, направленных на реализацию их иллокутивной составляющей. Названия экономических статей отличает диалогичность и полифункциональность.

Ключевые слова: *медиадискурс, новостной заголовок, лингвопрагматика, диалогичность, функция.*

M. Komarova, E. Lavrinovich (Minsk, Belarus)

PRAGMATIC COMPONENT OF ECONOMIC NEWS HEADLINES OF THE INTERNET MEDIA

The article deals with the peculiarities of economic news headlines in the Internet media in Russian and English from the point of view of linguistic pragmatics. The authors identify the main functions of headlines-speech acts that prevail in modern online economic news journalism and conclude that English- and Russian-language headlines are characterised by a number of convergent properties and functions aimed at the implementation of their illocutionary component. Titles of economic articles are distinguished by dialogue and polyfunctionality.

Key words: *media discourse, news headline, linguopragmatics, dialogue, function.*

В настоящее время, характеризующееся неиссякаемыми потоками, а значит, и переизбытком информации, интернет-СМИ становятся преобладающим источником новостей для большинства медиапотребителей. Новостной контент функционирует в рамках медиадискурса – тематически ориентированной и социокультурно обусловленной речемыслительной деятельности в информационном пространстве массмедиа. Среди ключевых особенностей этого типа дискурса исследователи, среди которых Т. Г. Добросклонская, Т. М. Николаева, В. З. Демьянков, Е. А. Кожемякин, Е. В. Переверзев, В. А. Тырыгина, М. Р. Желтухина, Г. Я. Солганик и др., отмечают интер- и гипертекстуальность, мобильность, динамичность, оперативность, экспрессивность, интерактивность и поликодовость. Методы описания и передачи соответствующей новостной информации являются центральным элементом медиадискурса, который можно рассматривать как определенную посредническую деятельность, осуществляющую конверсию информации в смыслы, ее перевод с одного уровня на другой, а также интеграцию разнородной информации и порождение уникального и специфического знания.

Не вызывает сомнения тот факт, что заголовки новостных статей представляют собой квинтэссенцию этой деятельности, поскольку на них возлагаются основные прагматические функции при передаче и распро-

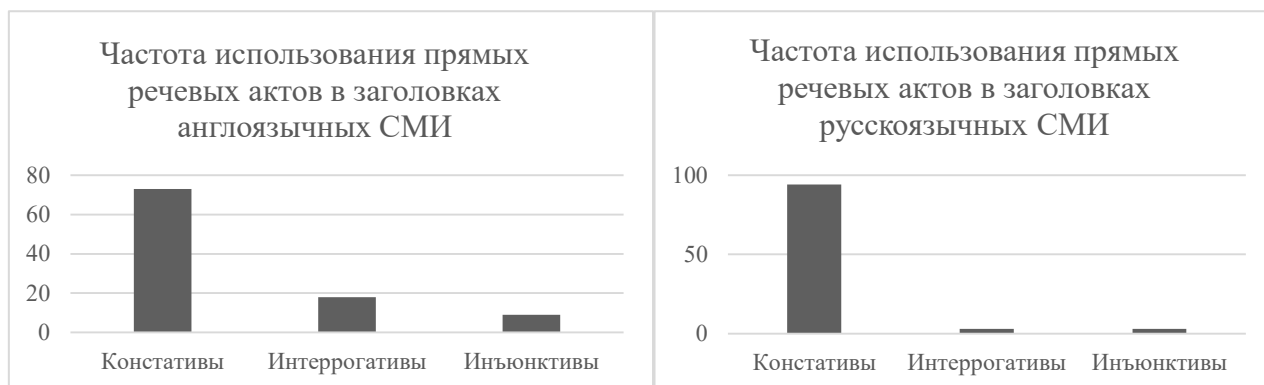
странении информации, а в конечном счете, в формировании общественного мнения и манипулировании массовым сознанием реципиентов. Заголовки новостных материалов выступают своеобразным «лицом» представляемого контента и инициируют знакомство читателя с содержанием.

Согласно множеству разработанных типологий новостных заголовков, исследователи (И. Р. Гальперин, Е. А. Баженова, Э. А. Лазарева, Д. В. Некрасов и др.) классифицируют их по стилю, форме, содержанию, языковым средствам и приемам. Предложены также их прагматические типы (А. А. Биюмена).

Следует отметить, что прагматическое содержание новостных заголовков формирует общую направленность транслируемого контента, в некотором смысле отражает отношения между адресатом и адресантом, реализуя воздействующий потенциал сообщения.

Целью представляемого исследования явилось изучение особенностей заголовков экономических новостей в интернет-СМИ на русском и английском языках с позиции лингвистической прагматики. В качестве эмпирического материала проанализировано более 100 статей на русском языке, заимствованных из белорусских и российских новостных источников «Аргументы и факты», «Беларусь сегодня», «Экономическая газета», «БелТА: Новости Беларуси», «Onliner», «Минск-новости», «РИА Новости», «Коммерсантъ», «Office Life», «Взгляд», «MYFIN», «Byfin», «Смартпресс», «Российская газета», а также 92 заголовка статей на английском языке с новостных сайтов BBC News, The Guardian, Daily News, CNN News, The Times, The Washington Post, NBC News, Euronews, FOX News, The World News за период с 01.01.2023 по 17.09.2024.

При анализе заголовков как на английском, так и на русском языке обращает на себя внимание их локутивное оформление: 100 % материала представляет собой различные виды прямых речевых актов, среди которых наиболее частотны констативы (94 % в заголовках русскоязычных СМИ, 73 % в заголовках англоязычных СМИ), интеррогативы (3 % в заголовках русскоязычных СМИ, 18 % в заголовках англоязычных СМИ) и инъюнктивы (3 % в заголовках русскоязычных СМИ, 9 % в заголовках англоязычных СМИ), что отражено в диаграммах.

С точки зрения своей функциональности, заголовки, за небольшим исключением, сочетают в себе несколько функций, чем, на наш взгляд, обусловлена их полифункциональность и перлокутивный эффект. Из шести функций, предложенных Р. О. Якобсоном (референтивная, конативная, фатическая, эмотивная, метаязыковая, поэтическая), в нашем эмпирическом материале не обнаружена только одна: метаязыковая.

В качестве доминирующей выступает референтивная функция: *Розничный товароборот в Беларуси в январе–августе 2024 года вырос на 12 %; Эксперт оценил роль доллара в мировой экономике; За год экспорт белорусской сельхозпродукции в Россию через биржу вырос в 39 раз. Что продавали; Inflation holds steady despite jump in air fares* ‘Инфляция держится на одном уровне, несмотря на скачок цен на авиабилеты’; *National debt forecast to treble over next 50 years* ‘Прогнозируется, что государственный долг вырастет в три раза за следующие 50 лет’. Указанная функция связана с контекстом и сосредоточена на передаче информации через апелляцию к ее объекту, теме и содержанию.

Прагматическая составляющая заголовков репрезентативно иллюстрируется конативной функцией: *Work Advice: How to deal with the post-Labor Day blues* ‘Советы по трудоустройству: как справиться с хандрой после Дня труда’. Конативная функция напрямую связана с диалогичностью заголовков, которая достигается через обращение к адресату. По мнению М. Н. Кожиной, диалогичность означает, что «автором текста как бы предвидятся (предполагаются) реакции читателя и он (автор) учитывает их в своем тексте, как бы отвечает на эти реакции <...> специальными средствами, особым построением речи, в конечном счете, вероятно, всем строем, всей организацией текста» [1, с. 85]. А. А. Биюмена отмечает, что новостные заголовки «отличаются маркированной диалогичностью – обращенностью к читательской аудитории, предвосхищением ее реакции и стремлением вовлечь ее в обсуждение важных для общества вопросов и проблем» [2, с. 83].

Изобилуют заголовки, выполняющие фатическую функцию, фокусируясь на привлечении внимания адресата и инициации контакта с последним: *В «Белгоспищепроме» прокомментировали подорожание белорусского шоколада*.

Эмотивная функция также фигурирует в новостных заголовках экономической тематики, поскольку в некоторых из них выражается отношение адресанта к теме или ситуации: *Осень – всегда забот восемь: Уборка сахарной свеклы, картофеля, овощей, кукурузы на силос и зерно, озимый сев; В шаге от отрицательного сальдо: внешняя торговля Беларуси остается под давлением; Trump would make the US economy weaker, less competitive and*

less equal ‘Трамп сделает экономику США слабее, менее конкурентоспособной и менее равноправной’; *Белстат*: в Беларуси продолжается динамичное развитие предпринимательства.

Достаточно репрезентативна в новостных экономических заголовках поэтическая функция, которая реализуется через использование различных стилистических средств: *ВВП идёт на посадку*; *Валютная выручка ищет путь домой* и т. п.

Таким образом, полифункциональность новостных экономических заголовков обусловлена прагматическими факторами. Современные заголовки являются чаще всего прямыми речевыми актами, используемыми адресантами в качестве средства привлечения внимания адресата, вовлечения его в новостной контент. Заголовки диалогизируют русско- и англоязычную новостную информацию через реализацию референтивной, конативной, фатической и поэтической функций, актуализируя контекст новостного контента в рамках социально-экономической ситуации, устанавливая контакт и интеракцию с адресатом. Выделение прагматической составляющей названий статей осуществляется в большинстве случаев через осмысление их иллокутивного компонента и связь с содержанием новости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
2. Биюмена, А. А. Прагматика заголовков белорусской прессы / А. А. Биюмена // Труды БГТУ. Серия 4. Принт- и медиатехнологии. – 2022. – № 2 (261). – С. 83–89.

Н. В. Лещенко (г. Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ АНТРОПОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья продолжает научную дискуссию о функциональной значимости антропонимов и особенностях реализации их стилистического потенциала в поэтическом дискурсе. На основе анализа отдельных поэтических текстов на испанском, русском и частично белорусском языках описывается семантическое значение антропонимов, реализуемые функции, а также устанавливаются их универсальные и специфические характеристики.

Ключевые слова: *антропонимы, поэтический дискурс, функции антропонимов, прагматический аспект семантики антропонимов, универсальные и национально-специфические характеристики.*

FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF ANTHROPONYMS IN POETIC DISCOURSE

This article continues the scientific discussion about the functional significance of anthroponyms and the peculiarities of realizing their stylistic potential in poetic discourse. Based on the analysis of selected poetic texts in Spanish, Russian and Belarusian, this study describes the semantic meaning of anthroponyms and the functions they perform. Additionally, it establishes their universal and language-specific characteristics.

Key words: *anthroponyms, poetic discourse, functions of anthroponyms, pragmatic aspect of the semantics of anthroponyms, universal and nationally specific characteristics.*

Антропонимы являются ценным продуктом человеческой культуры и составляют относительно немногочисленную часть лексической системы любого языка. Но при этом традиционно находятся в центре внимания ученых и получают новые обоснования, подтверждающие их многогранность и многофункциональность в смысловом континууме речевых реализаций.

Опираясь на концепцию значения М. В. Никитина, можно постулировать, что антропоним, как и любой другой языковой знак, представляет собой когнитивно-прагматическую формацию, сочетающую в себе объективные, сущностные знания и субъективно переживаемый опыт освоения реальной действительности. Онтологической особенностью поэтического дискурса является наличие емкого перцептивного образа, глубина понимания которого напрямую зависит от интерпретирующего сознания читателя. В поэтическом тексте антропоним является важным стилистическим средством, поскольку обладает высоким уровнем смысловой компрессии, выражает авторское отношение, формирует подтекст произведения. Продолжая научную дискуссию о функциональной значимости антропонимов и особенностях реализации их стилистического потенциала, мы попытаемся проанализировать функции антропонимов, а также обозначить их универсальные и специфические характеристики на примере отдельных поэтических текстов на испанском, русском и частично белорусском языках.

Традиционными функциями реальных антропонимов являются функции именования и идентификации субъекта, которые в фикциональном пространстве поэтического текста становятся второстепенными и совмещаются с приоритетной коннотативной или стилистической функцией. Антропоним ретранслирует в текстовое окружение определенную фоновую информацию эмоционально-экспрессивного и/или социального характера и в полной мере актуализирует прагматический компонент своей семантики.

Таким образом, наиболее значимыми становятся второстепенные или художественные функции антропонимов, количество и типология которых разнится в современных исследованиях [1; 2; 3]. Прежде всего, это объяс-

няется задачами и материалом исследований (как правило, в современных работах изучаются поэтический дискурс отдельных авторов), типом антропонимов (именник эпохи, прецедентные имена, говорящие имена и фамилии, прозвищные именованья), а также научным подходом и вариативностью используемой терминологии [4; 5]. Как отечественные, так и зарубежные авторы единодушны в том, что художественный текст является своеобразным пространством, в котором динамично формируется и проявляется разновекторный импликационал именованья. Не вынося на повестку дня аналитический обзор функций антропонимов отметим, что некоторые исследователи вместе с референциальной функцией именованья ирреального лирического героя указывают на реализацию коннотативной, апеллятивной и в некоторой мере предикативной функции, имеющих определенные точки пересечения, но в целом понимаемых как специальные семантико-стилистические функции [6].

Примеры использования различных форм антропонимов, как правило, соответствуют определенному временному срезу или имеют устойчивую закрепленность, как в случае с именами *Мария* или *Кармен* в испанском языке. Имя *Мария*, будучи постоянным компонентом испаноязычного антропонимикона, используется как самостоятельно, так и в составе женских и мужских имен. Функционирование указанных антропонимов не имеет временной закрепленности, они широко употребляются в поэтическом дискурсе разных эпох. Имя *Мария* зачастую служит художественным средством воплощения женского идеала, способствует раскрытию универсальной темы любви, потери и поиска смысла в жизни. Библейское происхождение позволяет авторам использовать его в самых разнообразных контекстах, включающих иногда противоположные коннотации. Например, в стихотворении современного автора Х. Сабины: *Y eso que yo, / para no agobiar con / flores a **María**, / para no asediarla / con mi antología / de sábanas frías / y alcobas vacías* (J. Sabina “19 días y 500 noches”). В приведенном фрагменте *Мария* воплощает идеал возвышенной, но не состоявшейся любви.

В стихах испанского поэта М. Мачадо лирические ирреальные герои названы типовыми национальными именами: *Envuelto en ese halo de gracia que defiende / al hombre que es amado de una mujer hermosa / pasa **Antonio**, y en una larga mirada enciende / el alma y las mejillas de **Carmen**, ruborosa* (M. Machado “Carmen”). *Y a pensar en su hogar, limpio como un espejo, / que ella cuida y encanta solo con un reflejo / de su gracia... **Rosario** lo que es mundo ignora. / Cuando **Juan** viene, ríe. Si Juan se tarda llora* (M. Machado “Rosario”). Широкая распространенность данных имен при интерпретации стихотворения позволяет экстраполировать их за пределы контекста и прочитывать как имена с неопределенно-личной референциальной отнесенностью, которые представляют взаимоотношения молодых людей в период ухаживания (“Carmen”) и в период брака (“Rosario”).

В материале русского языка в качестве примера, иллюстрирующего функциональную значимость различных форм антропонима национального именника, можно привести имя *Алексей*, часто употребляемое поэтами.

Например, широкую известность имеет *Алёша*, герой песни композитора Э. Колмановского на стихи К. Ваншенкина: *Белеет ли в поле пороша, / Иль гулкие ливни шумят / Стоит над горою Алёша – / В Болгарии русский солдат. /... / Немало под страшною ношей / Легло безымянных парней, / Но то, что вот этот – Алёша / Известно Болгарии всей*. Гипокористическая форма имени репрезентирует доброе отношение, короткую коммуникативную дистанцию, свойственную хорошо знакомым людям. В данном случае антропоним имеет конкретно-определенную референцию, способствующую персонификации собирательного образа героя-освободителя. Примечательно, что прототипом образа оказался разведчик, связист Алексей Скурлатов.

История еще одного *Алексея* представлена А. Д. Дементьевым в стихотворении «Баллада о матери», которое было положено на музыку композитором Е. Мартыновым. Эти пронзительные строки известны многим: *Мать узнала сына в тот же миг, / И пронёсся материнский крик; / – Алексей! Алёшенька! Сынок! / – Словно сын её услышать мог. /... / Но сквозь годы мчался сын вперёд. / – Алексей! – кричали земляки. / – Алексей! – просили, – добеги!.. / Кадр сменился. Сын остался жить. / Просит мать о сыне повторить. / И опять в атаку он бежит. / Жив-здоров, не ранен, не убит*. Особенностью употребления антропонима является вокативная функция. Полная и уменьшительно-ласкательная формы имени в позиции обращения окрашены материнским отношением. Также сильным художественным приемом является своеобразное противопоставление полной формы официального имени, актуализирующей определенный возраст и социальный статус, и ласковое материнское именование, передающее субъективное переживание, непреходящую материнскую боль о гибели сына.

В юмористическом стихотворении О. Е. Григорьева «Былина» поэт мастерски использует силу диминутивных и аугментативных суффиксов русского языка и создает легкую, ироничную, но добрую пародию на эпичный былинный стих, построенный трехстопным анапестом с тремя ударениями в строке: *Сидит Славочка на заборике, / А под ним на скамеечке Боренька. / Боренька взял тетрадочку, / Написал: «Дурачок ты, Славочка». / Вынул Славочка карандашище, / Написал в тетрадь: «Ты дурачище». / Борище взял тетрадищу / Да как треснет по лбищу Славищу. / Славища взял скамеищу / Да как треснет Борищу в шеищу. / Плачет Славочка под забориком. / Под скамеечкой плачет Боренька*. Диминутивы и аугментативы гипокористических форм антропонимов последовательно участвуют в развитии сюжета, причем накал страстей и развязка выражаются параллелизмом лексических форм и синтаксических конструкций. Авторская интенция, содержащаяся в том числе и в суффиксах антропонимов, раскрывается в интерпретации не совсем детского подтекста этого детского стихотворения. Первое прочтение стихотворения притягивает непосредственностью, детской искренностью и простотой, но на самом деле то, что так просто выглядит и кажется незатейливой игрой имеет большую глубину, транслирует особый взгляд поэта на простые вещи, который так легко улавливает смешную и трагическую алогичность жизни.

В антропонимах соотношение сущностного, когнитивного (объективного) значения и прагматического, эмоционально-экспрессивного (субъективного) имеет градуальную шкалу репрезентации в зависимости от контекста. Доминирование в смысловой структуре антропонима обширного прагматического сектора вне зависимости от его контекстуального приращения может сообщать имени собственному статус ономастического кода. Проявление межкультурных кодовых связей есть признак прецедентности в антропониме, который внутри языковой общности развивает коннотации, частично или полностью не совпадающие в разных культурах.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем сюжетное стихотворение Х. Сабины «*Eva tomando el sol*», в котором главными действующими лицами являются *Eva* и *Adán*. Библейский генезис и интертекстуальность, отражающая авторскую интенцию, экстраполирует сюжет изгнания из рая на взаимоотношения двух молодых людей, живущих в своем маленьком раю: *Адам* – это сам автор, *Ева* представляет собой собирательный образ его возлюбленных, а райский сад Эдема воплощен в образе неопрятной мадридской квартиры. Земной рай маргинального существования длится не долго, быстро наступает трагическая развязка. В заключительном эпизоде *Ева* продает в супермаркете яблоки искушения и греха, *Адам* становится уличным певцом. В испанском языке символическое переосмысление имени *Адам* не совпадает с русским языком. С испанским именем *Adán* связаны негативные коннотации *грязный, неопрятный, неряшливый* человек: *ser un Adán* ‘быть Адамом’ – *Es el típico Adán, se viste mal y no se cuida nada* ‘Он типичный Адам, плохо одевается и совсем не заботится о своем внешнем виде’. В испанской лингвокультуре нагота первочеловека переосмысливается как неорганизованность и неряшливость. Кроме того, эти слова могут употребляться как нарицательные, например, в молодежном жаргоне обозначают разновидность наркотиков. Указанная коннотативная семантика рассмотренных библейских антропонимов (мифопоэтонимов) актуализируется в стихотворении, способствует расширению прагматического значения и задает возможность интерпретации различной глубины. Затронутая проблематика представляется филологический интерес и требует отдельного исследования, однако в рамках данной работы позволяет проиллюстрировать функциональную значимость антропонима и его этнокультурную специфику, несмотря на то что библейские имена являются общечеловеческим наследием.

Еще одним примером пересечения межкультурных антропонимических кодов может послужить употребление прецедентного имени сказочного персонажа *Cenicienta* ‘Золушка’ в поэтическом пространстве того же автора: *Y regresé a la maldición / del cajón sin su ropa, a la perdición / de los bares de copas, a las **cenicientas** / de saldo y esquina...* Поэтический контекст модифицирует прагматическое значение прецедентного сказочного антропонима. В сознании автора и читателя актуализируется определенный ассоциативный ряд, детерминированный неизменностью сущностных черт сказочного персонажа на фоне варьирования временных и пространственных координат.

Употребление антропонима во множественном числе обобщает женщин уличной профессии и проводит параллель с прецедентным текстом: бедность существования, необходимость терпеть безденежье и нападки тех, кто сильнее или выше по социальному статусу [7]. Данный контекст метафорического переноса показывает, что при смене временных координат признаковая составляющая несколько абстрагируется и в нереферентном употреблении появляется способность к обобщению.

Предыдущие примеры содержали анализ антропонимов, репрезентирующих лирических героев или действующих персонажей. Однако антропонимы могут употребляться для предикации признака, характеризующего персонаж. Например, следующие контексты отражают способность антропонимических единиц развивать комические коннотации: *Міма смеццевага бака / бег на павадку сабака. / Прычасаны быў старана. / Павадок ад Сэн-Ларана. / Хвост угору, як антэна, / І ашыйнік ад Кардэна. / І наморднік ад Версачэ, / Бо сабака быў кусачы* (А. Хадановіч).

В качестве прецедентных имен автором используются фамилии известных представителей индустрии моды второй половины 20 века Ива Сен-Лорана, Пьера Кардена и Джанни Версаче. Комическая функция реализуется за счет контраста между дорогим и высоким стилем некоторых представителей социума, ассоциативно закрепленным в сознании читателей, и описанием актуальной ситуации современной городской жизни: широкое распространение собачек мелких пород в качестве домашних любимцев, которые имеют сезонный гардероб и бесконечную привязанность хозяев.

Аналогичный пример наблюдаем в стихотворении Ю. Мориц, которая употребляет прецедентное высказывание (*маленькое черное платье*) в сочетании с антропонимом *Коко Шанель*. Этот образ практически полностью повторяется в контексте первых семи строк. Однако далее читателя ждет определенная авторская игра с образом: *Осень на излете, краски отшумели, / И теперь курлычут в небе высоко / Маленькие, черненькие платья от Шанели, / А в стаканах окон – тумана молоко. / Осень на излете... Туч мероприятия, / Маленькие, черненькие от Шанели платья / – Клином журавлиным в жемчуге дождя, / Бодрая ворона пляшет на панели / В маленьком, черненьком платье от Шанели, / В беленьком, тяжеленьком жемчуге дождя. / У нее харизма индейского вождя.*

Прецедентное высказывание получает авторское осмысление, включает диминутивную форму прилагательного (*черненькое*), которое коррелирует с параллельно употребляемыми уменьшительно-ласкательными формами прилагательных (*беленький, тяжеленький*), метафорично визуализирующих капли дождя в форме жемчуга. Классическое сочетание прецедентного платья с белым жемчугом не лишено определенного лиризма, но при этом мастерски созданный комичный образ бодрой вороны вызывает улыбку. Широко известное имя связано с прецедентными текстами или ситуациями и представляет собой сложный знак. При его актуализации в поэтическом

контексте апелляция осуществляется не к референту, а к набору дифференциальных признаков, окрашенных субъективными эмоциональными переживаниями читателя.

Подытоживая все, что было изложено выше, хотелось бы подчеркнуть, что антропоним, будучи индивидуализирующим знаком, в поэтическом дискурсе является важным текстообразующим элементом с богатейшими стилистическими возможностями. Имя собственное способно функционировать в качестве инструмента творческого обобщения, быть емким способом кодирования сложных смысловых структур. Антропоним содержит в себе открытый кластер ассоциативных дескрипций, которые наиболее ярко раскрываются в поэтическом контексте на стыке двух сознаний – авторского и читательского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревяго, А. Н. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / А. Н. Деревяго. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. – 205 с. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/2379/5/Имя%20собственное%20в%20художественном%20тексте.pdf> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Исаева, Е. Ф. Функции антропонимов в художественном тексте (на материале произведений испанских и русских авторов конца XX – начала XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Исаева Екатерина Федоровна ; Российский ун-т дружбы народов. – М., 2012. – 19 с.
3. Куслий, П. Референциальная функция имен / П. Куслий // Фило-софско-литературный журнал «Логос». Серия: Языкознание и литературове-дение. – 2009. – № 2 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referent-sialnaya-funktsiya-imen> (дата обращения: 11.12.2024).
4. Riera Rodríguez, G. Nombre propio y ficción: antroponimia en la literatura / G. Riera Rodríguez // Revista Científica de Ciencias Sociales y Humanas, Julio – Diciembre nº 81, Universidad de Cuenca, 2022. – URL: <https://revistas.uazuay.edu.ec/index.php/udaver/article/view/567> (дата обра-щения: 10.12.2024).
5. Лазарева, В. А. Референциальный аспект функционирования имени собственного (на материале болгарского, русского и итальянского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Лазарева Виктория Алек-сандровна ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2013. – 25 с.
6. Rui Feng Los antropónimos motivados transparentes en la traducción novelística de inglés, español y francés a chino : tesis doctoral / Rui Feng ; Universidad Autónoma de Barcelona, 2021. – 255 l. – URL: https://ddd.ua-b.cat/pub/tesis/2021/hdl_10803_673336/rufe1de1.pdf (дата обращения: 10.12.2024).
7. Laín Corona, G. “Metacomentario interpretativo. Poesía (letra de canción): Biblioteca LITTERA, 2022. – URL: <https://littera.uned.es/metacomenta-riointerpretativo-poesia-letra-de-cancion-joaquin-sabina/> (дата обращения: 10.12.2024).

М. Н. Романкевич (г. Минск, Беларусь)

**ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИХОТОМИИ
«АНАЛОГИЯ / АНОМАЛИЯ»
(на материале французского языка)**

В статье рассматривается дихотомия «аналогия / аномалия» в синхроническом аспекте. В современном французском языке прослеживается несколько тенденций: популярность окказионализмов, образованных по традиционным словообразовательным моделям, сочетается с вариациями в их правописании и употреблении, а также включении англицизмов в качестве формантов (аффикс -ing). Демократизация языковых привычек приводит к нарушениям языковых и речевых норм, проявляющихся в жаргонизации речи в текстах массовых коммуникаций.

Ключевые слова: *аналогия, аномалия, медиадискурс, словообразование, сленгизм, англицизм.*

M. Romankevich (Minsk, Belarus)

**OCCASIALISMS AS A REFLECTION OF THE DICHOTOMY
«ANALOGY / ANOMALY»
(Based on the French Language)**

The article examines the dichotomy «analogy / anomaly» in the synchronic aspect. In modern French the popularity of occasionalisms formed according to traditional word-formation models is combined with variations in their spelling and use, as well as the inclusion of anglicisms as formants (affix -ing). Democratization of language habits leads to violations of language and speech norms, manifested in the jargonization of speech in mass communication texts.

Key words: *analogy, anomaly, media discourse, word formation, slangism, anglicism.*

В языке, как и в природе, многие объекты воспринимаются сквозь призму аналогичных (соответствующих норме) и аномальных (выбивающихся из круга подобных) объектов. Начавшийся еще во времена античности спор об аналогии и аномалии не потерял актуальности и в современной лингвистике. Данные термины соотносятся с такими понятиями, как *сходство, правило, норма, подражание и различие, исключение, несоответствие*. Взаимосвязь этих понятий с узусом, т. е. употреблением единиц очевидна и неоднократно подчеркивалась: так, Варрон отмечает, что «обиход и аналогия ближе друг другу, чем думают: аналогия родилась из некоторого обихода, и из того же обихода – аномалия; не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию» [1, с. 100]. В частности, при вербализации реалий окружающей

действительности множество производных номинативных единиц создается по аналогии, что не отрицает возможности возникновения слов, «не следующих» словообразовательной модели. В стилистическом аспекте к аномалиям относится использование в одном контексте единиц взаимоисключающей стилевой принадлежности.

На протяжении веков трактовка понятий, входящих в дихотомию «аналогия / аномалия», уточнялась: так, аналогию интерпретировали как наиболее типичные явления французского языка, позднее как нормативный аспект при описании категорий; аномалию – как единичное исключение из правил, как широкую вариативность форм (ср.: дефиницию ‘*Ce qui s'écarte de la norme, de la régularité, de la règle*’ [2]). Таким образом, дихотомия перестала соотноситься только с парадигмами склонения и спряжения (в грамматиках) и восприниматься как универсальный принцип грамматического описания.

Отмечаем, что аналогия широко представлена на уровне словообразования и отражает наиболее продуктивные способы деривации, принятые во французском языке. Что касается аномалии, то в рамках новой традиции она была представлена терминами «узус» и «обиход», которые были призваны отражать, с одной стороны, особенности устной речи и, с другой стороны, исключения из правил [1, с. 99–110; 3, с. 9–13].

Вместе с тем даже на уровне словообразования наблюдаются вариации: традиционно считается, что префиксы являются формантами, присоединяемыми сразу к основе (например, *autobiographie, bipolaire, coauteur antisocial, défaire, hyperactif, international, monocycle, multiplication, postproduction, prévenir, reconstruire, transcrire, nanomètre, ultramoderne, survoler* [2] и др.). Использование префиксов типа *pro-*, *sous-*, *micro-* и др. характеризуется определенной вариативностью при написании – через дефис или слитно: *préclassement, pré-commande, préconcours, pro-américain, pro-arabe, prohébreu, profrançais, proclassique, pro-fédéraliste, pro-soviétique sous-entendre, souscrire, microfilm, micro-économie* [2] и др). В следующих заголовках *En Pennsylvanie, les pro-Trump estiment qu'il «va réparer l'économie et sécuriser le pays» après l'élection présidentielle américaine* (Le Monde 2024) и *Des groupes pro-iraniens revendiquent quatre attaques de drones lancées d'Irak sur Eilat, en Israël* (Le Monde 2024) употреблены два деривата с префиксом *pro-*, употребляемом в значении ‘favorable à, partisan de’. В отношении некоторых префиксов кодифицируется написание: так, например, префикс *multi-*, как правило, пишется слитно за исключением слов, начинающихся с *-i* (ср.: «Les mots formés avec le préfixe *multi-* ne prennent pas de trait d'union. Le second élément se lie directement au préfixe, sauf lorsque cet élément commence par la voyelle *i*» [4]), тогда как в отношении других префиксов подобных правил не устанавливается.

Интересно отметить высокую степень популярности ошибочного использования распространенных префиксов *super-* и *hyper-* (обозначающих ‘au-dessus’ в словах: *superman, superflu, hyperactif, hypertension, hypersensible*

и др.) перед именами прилагательными в усилительном значении. В этом случае они приравняются к наречиям *очень, чрезвычайно, чрезмерно* и т. п.: «l'habitude fautive s'est répandue de les employer devant des adjectifs courants pour leur donner plus de force» [4]. Так, в высказываниях *J'ai été **super étonnée** que ce soit si facile* (20 minutes 2023), *Dimanche, sur la scène du palais Nikaïa, et en direct sur France 2, Zoé Clauzure performera en tout cas à «**une super bonne place**», la douzième* (20 minutes, 2023), *choses à moitié et vous dévoile de **super bons plans*** (20 minutes 2024), *Inès Reg se dit «**hyper apaisée**» après son clash* (20 minutes 2024) данные префиксы используются в функции наречий, что формально видно благодаря отдельному написанию, несвойственному аффиксам.

Язык художественной литературы, публицистики также становится более свободным, гибким: представленность в цифровом формате усиливает «неоформленность» речи, когда просторечные слова и выражения массово используются в, казалось бы, эталонных текстах, что приводит к расширению границ литературного языка и оказывает мощное влияние на другие сегменты литературного языка и на общество в целом [5, с. 121]. Стремительность смены текстов, их информационная емкость и массовость участников коммуникации, обладающих разными характеристиками (возраст, образование, фоновые знания и др.), приводит к изменениям в языковой практике. Это является и результатом демократизационных процессов [6, с. 121]. Так, демократизацией и модернизацией типографического набора в современной прессе можно объяснить отсутствие диакритических знаков в заглавных буквах, как это видно на следующих примерах: *A Grenoble, les ascensions alitées de l'artiste Benoît Piéron* (Le Monde 2024) и *Electricité: des frais en perspective pour tous les anti-Linky à partir de 2025 / A compter du 1er août 2025, tous les foyers ...* (Le Monde 2024). Однако использование диакритических знаков, обладающих орфографической значимостью, во французском языке считается обязательным, в том числе и в заглавных буквах, несмотря на то, что в рукописях они часто опускаются: «**en français, l'accent a pleine valeur orthographique...** On veille donc, en bonne typographie, à utiliser systématiquement les capitales accentuées, y compris la préposition *À*, comme le font bien sûr tous les dictionnaires» [4].

Отмечается также использование в газетно-публицистическом, профессиональном и дискурсах активного воздействия (политическом, рекламном и др.) сленговых слов и выражений, свойственных разговорному языку. В частности, существительное *la pagaille*, означающее 'désordre, confusion' 'хаос, беспорядок' и принадлежащее к сниженному стилю (отмечается пометой *familier* в словарях) встречается в газетных заголовках. Так, в следующем заголовке «*C'est absolument la pagaille*», *la France de nouveau critiquée pour son organisation lors d'un match de rugby au Stade-Vélodrome* (Le Monde 2023) досл. '«Это полный беспорядок», – Франция снова раскритикована за организацию матча по регби на стадионе «Стад-Велодром»' имя существи-

тельное *la pagaille*, употребленное в прямой речи и выделенное благодаря усилительному наречию *absolument*, передает крайне негативное отношение говорящего к организации матча по регби. Вместе с тем кажущееся упрощение языка в медиатекстах сопровождается усложнением содержательного аспекта, проявляющегося в информационной емкости текстов.

На современном этапе функционирования языка, в частности французского, оценка правильности использования единиц часто происходит с отсылкой на их функционирование в СМИ, а также на языковые привычки. Отмечают, что можно быть неспециалистом в области языка, чтобы судить о правильном использовании языковых единиц или отклонениях от нормы: «En fait, il ne faut être ni linguiste ni Académicien pour juger sur le bon usage et les normes. Il suffit de se brancher sur Internet» [7].

Стремлением к аналогии можно объяснить и встречаемые на страницах некоторых сайтов употребления типа *se déplacer en vélo*: *En région, les possibilités de se déplacer en vélo sont réelles et sont souvent liées à un choix personnel, surtout en ville* [8]. Правильным предлогом в данном словосочетании является предлог *à*, так как использование предлога *en* в данном словосочетании может быть только в следующем случае «aux véhicules ou aux moyens de transport dans lesquels on peut s'installer, prendre place: *partir en voiture, en train, en bateau*» [4]. В сочетании с именами существительными типа *velocipèd*, *лошадь*, *мотоцикл* используется предлог *à*: *se déplacer à bicyclette, à vélo, à moto; une randonnée à cheval; faire une descente à ski* [там же].

К аномалиям можно отнести и чрезмерное использование заимствований в речи. Следует в очередной раз упомянуть в этой связи о том, что на всех уровнях французского языка и во всех стилях наблюдается англицизация. Ярким примером проникновения словообразовательных элементов английского языка является активное использование окончания *-ing* (в англ. языке используется для образования герундия), присоединяемого к словам для обозначения места или вида деятельности: например, *footing, jogging, camping, living, parking* и др. Следует отметить, что официально (значит – нормативно) рекомендуется использовать французские выражения: например, для слова *meeting* предлагается (*recommandations officielles*) *réunion, parking – stationnement, marketing – mercatique, brainstorming – remue-méninges, coaching – mentorat* и др. Однако такие слова, популярные благодаря глобализационным процессам и языковой моде, встречаются не только в разговорном языке, но и в публицистических текстах: *Donald Trump qualifie son meeting aux accents racistes de New York de «fête de l'amour» / Mais son meeting a été marqué par des insultes à l'égard des Portoricains qui ont provoqué une polémique* (Le monde 2024) или *L'argot de bureau: au commencement était le «brainstorming» / Standard du management, ce terme est devenu le synonyme de tout travail en groupe à l'oral* (Le monde 2024). Остановимся также на образовании глаголов от существительных английского языка путем добавле-

ния окончания *-er* в инфинитиве. Так, в разных контекстах звучат глаголы типа *liker, tweeter, booster, dispatcher, chiller, coacher*. Так, глагол *chiller*, свойственный разговорному языку, встречается и в публицистике, ср. в следующем контексте: *Swimmy, la start-up qui permet de chiller dans la piscine de son voisin* (www.20minutes.fr 2021) встречается три единицы, образованные от английских слов *swimmy, la start-up* и *chiller*.

Таким образом, язык средств массовой коммуникации наделен двойственной функцией: с одной стороны, журналисты придерживаются норм литературного языка, т. е. демонстрируют образец нормативного словоупотребления, с другой – в медийных текстах отражаются и фиксируются новые понятия, отражая социально-идеологические изменения в обществе, и набирают популярность новые языковые привычки. Динамику языковых процессов и вариативность языковых единиц и форм определяет массовый характер адресата, а также необходимость экономии языковых средств (например, опущение артиклей в заголовках).

ЛИТЕРАТУРА

1. Варрон, М. Т. О латинском языке / М. Т. Варрон // Античные теории языка и стиля. – СПб. : Алетея : Кренов, 1996. – С. 99–110.
2. Larousse : dictionnaire de français. – URL: <https://www.larousse.fr> (date of access: 12.02.2025).
3. Тронский, И. М. Проблемы языка в античной науке / И. М. Тронский // Античные теории языка и стиля. – СПб. : Алетея : Кренов, 1996. – С. 9–32.
4. Официальный сайт Французской Академии. – URL: <https://www.academie-francaise.fr> (дата обращения: 12.02.2025).
5. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 248 с.
6. Шерковин, Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю. А. Шерковин. – М. : Мысль, 1973. – 215 с.
7. Meunier, D. La langue qui fâche: quand la norme qui lâche suscite l'insulte / D. Meunier, L. Rosier // Argumentation et analyse du discours. – 2012. – V. 8. – URL: <https://journals.openedition.org/add.1285> (date of access: 12.02.2025).
8. Se déplacer velo. – URL: <https://www.explorenicecotedazur.com/informations-pratiques/se-deplacer/se-deplacer-en-velo/>; <https://www.partirdepartis.fr/se-deplacer-velo-region/> (date of access: 12.02.2025).

Е. А. Смирнова, О. В. Богемова (г. Псков, Россия)

СЕНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается сентенциональный текст в контексте его принадлежности к национальной культуре. Данные типы текстов дают представление о наиболее характерных особенностях менталитета нации и его

языковом выражении. На основе проведенного семантико-прагматического анализа определяется комплекс признаков, позволяющих отнести сентенциональные тексты к значимым элементам в системе языкового отражения национальной картины мира.

Ключевые слова: *сентенция, сентенциальный текст, национальная культура.*

E. Smirnova, O. Bogemova (Pskov, Russia)

SENTENTIAL TEXT AS A REFLECTION OF THE NATIONAL CULTURE

The article examines sentential text in the context of its belonging to the national culture. These types of texts provide an idea of the most significant characteristic features of the nation's mentality and its linguistic expression. Based on the conducted semantic and pragmatic analysis, a set of features is determined that make it possible to attribute sentential texts to significant elements in the system of linguistic reflection of the national worldview.

Key words: *sentence, sentential text, national culture.*

Одной из характерных тенденций современных лингвистических исследований остается широкий интерес к этнокультурной специфике языке, которая находит свое неповторимое отражение в национальной картине мира языковой личности и рассматривается как часть национального мировоззрения, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности.

Известно, что между языком и национальной культурой существует тесная взаимосвязь. Выдающийся лингвист Вильгельм фон Гумбольдт еще в начале прошлого столетия писал, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [1, с. 68].

Профессор МГУ С. Г. Тер-Минасова образно охарактеризовала язык как зеркало, кладовую, носитель и инструмент культуры, подчеркнув тем самым, что язык не существует вне национальной культуры [2, с. 17].

Национальная культура, представляя собой интегративное целое, включает среди прочих компонентов и литературные тексты, которые, с одной стороны, оказывают воздействие на формирование национальной картины мира, а с другой стороны, дают информацию о ее ценностных характеристиках.

Сентенциональные тексты, в основе которых лежит языковое высказывание нравоучительного характера, несомненно принадлежат к тому пласту национальной культуры, который отражает специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры; позволяет судить о наиболее характерных ее особенностях.

Наибольший интерес для нас представляют фольклорные тексты, которые во всех своих разновидностях ярче всего отражают особенности национального менталитета, национальную культуру, систему моральных и нравственных ценностей нации. К таким текстам мы относим пословицы, анекдоты, басни, народные сказки, афоризмы и цитаты.

Одной из основополагающих характеристик фольклорных текстов, на наш взгляд, является их нравоучительный характер. Рассмотрение данных текстов с точки зрения их этнокультурно-ценностной специфики заставило обратить свое внимание на категорию сентенциональности.

Известно, что термин «сентенция» трактуется исследователями как в узком, так и в широком смысле. Слово «сентенция» восходит к латинскому *sententia* и означает мнение, суждение, образ мыслей, изречение нравоучительного характера. Литературный энциклопедический словарь представляет сентенцию как «вид афоризма, краткое изречение, преимущественно морального содержания в изъяснительной или повелительной форме; часто украшено параллелизмом, антитезой, стилистическими фигурами повторения и пр.» [3, с. 375].

Исходя из приведенных выше определений можно заключить, что понятие «сентенция» включает в себя такие сущностные характеристики, как морально-нравственное содержание, поучительность, краткость, точность/меткость, хронологическая устойчивость, образность.

Все вышеперечисленные признаки направлены на развитие у личности определенных ценностных ориентаций, свойственных конкретной нации, на внушение определенных нравственных правил, с помощью которых обеспечивается упорядоченность, регулярность социального взаимодействия индивидов и групп.

Конкретные нравственные и аксиологические максимы формулируются в процессе взаимного общения людей, они отражают мировосприятие и мировоззрение конкретной языковой личности, их жизненный и исторический опыт, который реализуется в коллективных и индивидуальных представлениях, что и формирует национальную картину мира. В силу языковой детерминированности экстралингвистической действительности, они находят свое языковое выражение в форме сентенций.

Сентенциональность при этом представляет собой определенную семантико-прагматическую категорию, выступающую как свойство высказывания/текста выражать некую сентенцию, т. е. иметь сентенциональную направленность.

Инвариант семантико-прагматической категории сентенциональности находит свое отражение в восприятии и последующем осмыслении высказываний нравоучительного характера. Тем самым происходит внушение языковой личности нравственных правил поведения, принятых языковым социумом.

Категорию сентенциональности можно представить как комплекс взаимосвязанных признаков:

1) семантическая плотность предложения, т. е. отношение лексическо-семантических средств текста, непосредственно участвующих в выражении предложения, к общему объему текста;

2) характер текстуальности, который может выражаться в таких категориях как автосемантичность, интертекстуальность, интердискурсивность;

3) наличие функциональной выраженности, проявляющейся в нравоведении или оценке, предупреждении, совете и т. п.;

4) возможность моделирования способов поведения, мировосприятия, субъектности;

5) выражение суждения: дескриптивные / оценочные / качественные / модальные / количественные.

Исходя из приведенных выше характеристик, нам представляется, что предложение точнее всего выражают фольклорные тексты, поскольку их отличительными чертами являются народный и традиционный характер, коллективность создания и распространения, назидательность, тенденция к поучению. Поэтому к текстам сентенциональной направленности можно, безусловно, отнести такие фольклорные жанры, как пословица, анекдот, басня, народная сказка.

К другим значимым характеристикам таких текстов можно отнести и еще один весьма важный критерий – (относительно) полную идентичность интерактантов текста: автора – персонажа – реципиента (читателя). С одной стороны, пословица, анекдот, басня, народная песня, народная сказка создаются народом для народа, повествует о народе. С другой стороны, некоторые авторские тексты также могут быть отнесены к выше означенному типу текстов, поскольку их также характеризует морально-аксиологическая направленность содержания, например, афоризмы и цитаты.

Далее обратимся к таким однофразовым текстам сентенциональной направленности, как пословицы, афоризмы и цитаты.

Исходя из качества их сентенциональной направленности, данные жанры могут значительно отличаться друг от друга, но и в ряде случаев быть очень схожими. Так, если в терминологических обозначениях пословиц и афоризмов мы наблюдаем такой характерный признак, как назидательность, поучительность, нравственность, моральные установки, то для цитат это характерно в меньшей степени и сентенциональность не всегда является обязательным содержательным компонентом.

Текстовая функция текстов сентенционального типа отличается своей многоплановостью и включает следующие компоненты:

1. Информативность.

Текст сентенционального типа передает информацию о какой-то типичной ситуации, что обуславливает второй компонент текстовой функции данных текстов.

2. Обобщение, типизация ситуации.

Благодаря конкретному выражению суждения общего характера тексты сентенциональной направленности могут употребляться относительно многих однотипных явлений и ситуаций, тем самым создавая основу для их употребления и в переносном смысле (в первую очередь это характерно для пословиц). Тексты афоризмов и цитат, как, впрочем, и пословиц, характеризуются законченностью мысли, что обеспечивает их самостоятельное существование вне остального контекста. Однако адекватное восприятие этих текстов требует фоновых знаний, интертекстуальной информации.

3. Сентенциональная направленность.

Поучительный, назидательный смысл может выражаться при этом как эксплицитно, так и эксплицитно-имплицитно.

4. Выражение суждения.

Как следует из дефиниций исследуемых текстовых жанров, сентенциональные тексты выражают утвердительные или отрицательные суждения о присущности или не присущности свойств предметам, о связях между ситуациями.

5. Выражение морали, общепринятых ценностей языкового социума. Сентенциональная направленность текста обуславливает наличие важного слагаемого текстовой функции исследуемых единиц – выражение моральных устоев, общепринятых ценностей. Язык, будучи универсальным хранилищем общечеловеческого знания, служит не только для аккумуляции этих знаний, коммуникации, обобщения и передачи коллективного опыта, выражения системы ценностных ориентаций нации, но и для языкового выражения менталитета народа.

6. Образность, которая достигается за счет использования различных эмоциональных и стилистических средств и приемов: антитеза, гипербола, параллелизм, метафора, метонимия и др.

Микротексты сентенциональной направленности выражают определенные, в целом объективные и прогрессивные для времени их создания воззрения. Большинство из них обобщают жизненный опыт языкового социума, и зачастую не имеют темпоральных и локальных ограничений в функционировании.

Таким образом, под текстами сентенционального типа мы понимаем тексты, содержащие языковое выражение нравоучительного характера, мораль которого становится определяющей для картины мира личности и вытекает из обобщения опыта языкового социума. Общая модель текстов сентенционального типа может быть представлена следующим образом:

некто: народ (фольклорные тексты) / индивидуализированный автор (авторские тексты)

судит (положительно или отрицательно)

о народе (представителях народа, типичных ситуациях, и т. д.)

для народа (с целью нормативной регуляции действий человека в обществе).

Языковая картина мира, которая является неотъемлемой составной частью концептуальной картины мира, формируется под постоянным воздействием со стороны языкового социума, его культурных и национально-специфических особенностей. Одним из важнейших слагаемых национальной культуры является литературное творчество, складывающееся из текстов различной жанровой принадлежности. Среди них значительное место по силе своего воздействия на языковую личность занимают фольклорные и авторские тексты сентенциального типа, основная функция которых заключается в выражении морали, предписывающей определенные нормы поведения в обществе, что в конечном итоге отражается в образе жизни языкового социума в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Московский Университет, 2008. – 352 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

Е. С. Ступина (г. Нижний Новгород, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: МЕХАНИЗМ ДЕШИФРАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО КОДА

Статья посвящена анализу того, как моделируются под влиянием языковой игры риторические коды в политическом произведении. Специфика риторического кода как системы знаков, формирующей чувственное восприятие речи, обусловлена риторической задачей говорящего. Актор, кодируя информацию, адресует ее реципиенту. Воспринимающая сторона, дешифруя сообщение, ориентируется на комбинации знаков в коде. Часто языковая игра становится одним из знаков кода. В речи реципиент обращает внимание на несоответствие системе языка, выявляет логически некорректный смысл и включается в языковую игру.

Ключевые слова: *риторический код, ирония, контраст, аллюзия, языковая игра.*

**LANGUAGE PLAY IN POLITICAL DISCOURSE:
A MECHANISM FOR DECIPHERING THE RHETORICAL CODE**

The article analyzes the modeling of rhetorical codes in a political work under the influence of language play. The specificity of the rhetorical code as a system of signs forming the sensual perception of speech is conditioned by the rhetorical task of the speaker. The actor, encoding information, addresses it to the recipient, who, in turn, decodes the message and is oriented to the combinations of signs in the code. In many cases, a language game evolves into a sign of the code. In speech, the recipient attends to the incongruity with the language system, identifies the logically incorrect meaning, and becomes involved in the language game.

Key words: *rhetorical code, irony, contrast, allusion, language game.*

В науке последнее время интерес к языковой игре активизируется под влиянием масштабных исследований в области коммуникативистики, риторики, дискурсологии. Языковая игра неоднократно становилась объектом изучения в тесной связи с анализом рекламного и политического дискурса. Языковую игру следует трактовать широко, то есть как «креативную речедетельностную активность языковой личности» [1], «как определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение» [2]. Интуитивно носитель языка сопоставляет речевые аномалии, искаженные структуры и стандартные, системные схемы высказываний. Возникает несоответствие между привычным восприятием формы или значения языковой единицы и новой обработкой этого знака. Считается, что «речевое противоречие – это источник и естественный результат развития языка» [3, с. 154]. При этом реципиента увлекает процесс разгадывания того, на чем зиждется языковая игра. В политическом дискурсе мотивированное отклонение от языковой нормы, являющееся результатом языковой игры, формирует интерес не столько к содержательной составляющей речи, сколько к личности говорящего. Актор, выступая транслятором политических идей, посредством нарушения привычной формы презентует себя. Языковая игра становится структурирующей основой риторического кода. Риторическим кодом мы называем «систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженную в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [4, с. 104]. Риторическое определение кода закрепляется и на основе эмоциональной оценки риторических приемов, и на основе риторической задачи говорящего, включающей в себя культурно-исторический бэкграунд [там же, с. 105]. Дешифрация кода позволяет выявить перлокутивный смысл высказывания, а следовательно, обнаруживает возможное изме-

нение между знаком и обозначающим. Слушающий, замечая несовпадение системно-семантических моделей, выявляет логически некорректный смысл и включается в языковую игру.

Например, однажды у президента России спросили о том, как следует модернизировать российскую экономику, какой стратегический план выбрать, он ответил: «Если б вы меня спросили, нужно ли делать **по Чубайсу**, я вам могу сказать – нет, делать нужно **по уму**». В данном случае обнаруживается аппликация смыслов: фразеологизм (*делать*) *по уму*, что означает ‘как полагается, на основе здравого смысла, разума’, и выражение *делать по Чубайсу*, то есть ‘по теории кого-то, по предложению кого-то’, противопоставлены, но интуитивно в силу сходной структурной схемы и повтора сочетания *делать по* идентифицируются как сходные. Смысловой оттенок противопоставленности, обусловленный построением предложения и фиксированный модальным словом *нет*, отражается в окказиональной противоположности лексем *Чубайс* – *ум*. Языкового выражения максимального различия в семантике этих слов не обнаруживается, *Чубайс* – имя собственное, значит, за этим словом закреплён конкретный образ. Здесь нужно учитывать особое отношение народонаселения к личности Анатолия Чубайса, который провел неоднозначные экономические реформы в девяностые годы: под его руководством прошла ваучерная реформа, он же осуществил электроэнергетическую инвестиционную реформу в 2008 году. В российском сознании Анатолий Борисович – виновник всех бед и страданий, поэтому его предложения и начинания оцениваются как неудачные. Таким образом, устанавливается факт окказионального «обновления» значения сочетания *по Чубайсу*, то есть ‘как не полагается, на основе бессмысленности, неразумности’. Языковая игра становится катализатором для дешифрации риторического кода ироничного контраста, который определяется на основе искажения словесного значения, обусловленного спецификой деятельности человека.

Довольно часто в основе языковой игры лежит двусмысленность, которая формируется при отклонении от логической и речевой нормы. В политическом дискурсе двусмысленность возникает в результате мотивированного нарушения, благодаря чему выражается субъективное мнение относительно определенных событий или явлений действительности. Например, стоит упомянуть известную эвфемистическую номинацию Юлии Тимошенко – *женщина с косой*. Например, по заголовку статьи «Женщина с косой» *желает правительству политической смерти*² можно понять, о ком пойдет речь в дальнейшем. Образ политика с узнаваемой прической сформировал некое ироничное восприятие деятельности Юлии Владимировны. В данном случае наблюдается аттракция значений омонимов: семантика слова *коса* как ‘заплетенные волосы’ «накладывается» на семантику ‘ручное сельскохозяйственное орудие для скашивания травы’ [5]. Нарушенная

---

² <https://www.pravda.ru/world/212612-kosa/>

семантическая однозначность усиливается апелляцией к устойчивому сочетанию *старуха с косой*, которое однозначно ассоциируется со смертью. Вероятно, актуализируется и мысль о кровавых последствиях многих политических событий в Украине в начале нового тысячелетия, в которых участвовала Тимошенко. Риторический код аллюзивной пейорации формируется в результате употребления данного эвфемизма в политической речи.

Иногда амфиболия как запланированная двусмысленность, выражает риторический код иронической аллюзии. Например, российский президент в ответ на реплику о пересмотре результатов выборов в Румынии пошутил: «Один кандидат не понравился власти, решили пересчитать голоса». Очевидным кажется намек на абсурдность самой процедуры пересчета, поскольку ставится под сомнение легитимность процедуры выборов и компетентность организаторов. Вероятность честного пересчета должна равняться нулю, иначе справедливо возникает идея государственного переворота. С другой стороны, двусмысленность в данном случае заключается в неоднозначном восприятии слова *власть*. Если речь идет о власти в данной стране, то выходит, что она не имеет права что-либо решать, ибо ее только предполагается выбирать. Возможно, намек адресован стране, привыкшей регулярно вмешиваться в дела управления других государств.

Продуктивным и распространенным инструментом реализации языковой игры является словотворчество, связанное с изменением словообразовательной структуры слова. Возникающие новообразования в речи представляют собой контаминационный процесс, как «словообразовательный коллаж» [1]. Такие слова отличаются «ярко выраженным оценочным характером» [6, с. 92]. Например: *Похоже у наших убежантов и иноагентов начинается новый этап страданий* («Аргументы и факты»). Игровая деривация в данном случае моделирует риторический код диатрибической иронии. Новообразование *убежанты* образовано по продуктивной модели с указанием на лицо, имеющее отношение к исполняемому действию или являющееся объектом действия, подобно словам *симулянт*, *арестант*, *экскурсант*. Кроме того, отмечается усиливающееся в СМИ значение суффикса *-ант-*: актуализация «лица в роли объекта действия, которое активизировалось в современном русском словопроизводстве» [7, с. 151]. Созданное слово является производным от глагола *убежать* в значении ‘покинуть кого-, что-либо, незаметно, тайком; сбежать’, указывающем на пейоративную оценку действия [5]. В данном случае убежантами называют тех, кто покинул пределы России с началом военной операции и, живя за рубежом, отказывается от родины. Политическое содержание статьи отражает общее представление о стихийных процессах, реализующихся в социуме в кризисной ситуации. Граждане, живущие в России, выражают осуждение тем, кто уехал, в том числе и с помощью словотворчества, ибо «в словообразовательно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения,

мирочувствования и мировосприятия» [8, с. 222]. В статье речь идет о дочери известного российского актера, которая улетела в Америку. Таким образом, реализуется воздействующий расширительный эффект текста статьи, поскольку через судьбу отдельной личности транслируется отрицательная оценка действий всех эмигрировавших.

В некоторых случаях языковые аномалии являются следствием языковой игры, направленной на отражение провокационных вопросов в адрес известных лиц. Так, например, ведущая телекомпании CNN Кристиана Аманпур задала министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову вопрос о процессе по делу участниц скандальной группы Pussy Riot. Известно, что в предвыборный период девушки устроили неоднозначную акцию, названную как «панк-молебен», в Храме Христа Спасителя [9, с. 95]. Британская журналистка интересовалась, насколько вероятна деятельность подобных групп в предвыборной кампании Трампа (речь шла о первой кампании. – прим. автора). Лавров, понимая неприличный смысл иностранных слов и провокационную интенцию вопроса относительно темы вмешательства в выборы США, окказионально произвел вольную адаптацию слова *pussy* в парадигматической системе русского языка. Сергей Викторович подчеркнул, что английский язык не является для него родным и что «*вокруг президентской кампании "много "пуссей" с обеих сторон*» (цит. по «АиФ»). В результате ассимиляции реализовалась грамматическая форма существительного в родительном падеже «пуссей» (по модели слов *будней, кеглей*) от транслитерированного слова *пussy*, которое по закону аналогии совпадает с формой именительного падежа множественного числа слов *будни, кегли*. Риторический код отражающей аргументации, очевидно, демонстрирует эффект ложного непонимания смысла вопроса и вписывается в стратегию ухода от прямого ответа.

Подводя итог нашему рассуждению, подчеркнем, что языковая игра, формируя разные риторические коды в политическом дискурсе, позволяет эксплицитно выразить актору собственное отношение к происходящему в обществе. В современных условиях языковая игра способствует формированию политического имиджа, привлекает и удерживает внимание, а удачная шифрация риторических кодов определяет умение политика маневрировать в быстро меняющихся обстоятельствах. Реципиенты, принимая правила игры и дешифруя коды, становятся частью реализации большой стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 804 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
3. Массальская, Ю. В. Аномалии в рекламном тексте (на примере английского языка) / Ю. В. Массальская, А. В. Николаева // СИСП. 2023. – № 2. – С. 161–167.

4. Ступина, Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е. С. Ступина // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4. – С. 103–108.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
6. Ильясова, С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) / С. В. Ильясова // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 91–100.
7. Сенько, Е. В. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса -ант в современном русском языке) / Е. В. Сенько, Т. Г. Цакалиди. – 2017. – № 12 (78): в 4-х ч. – Ч. 1. – С. 150–154.
8. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М., 1998. – 240 с.
9. Узланер, Д. Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом / Д. Узланер. – 2013. – № 2 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-pussi-rayot-i-osobennosti-rossiyskogo-postsekulyarizma> (дата обращения: 05.12.2024).

О. Л. Цветкова (г. Ярославль, Россия)

АНОМИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СТОРИТЕЛЛИНГА

Статья исследует феномен аномии дискурсивного пространства, вызванной цифровизацией и социальными трансформациями. Анализируется роль диверсификации сторителлинга как адаптационной стратегии в условиях нормативно-ценностного вакуума. Рассматриваются виды диверсификации, ее преимущества для коммуникации и связанные с ней риски. Особое внимание уделено специфике постсоветского медиапространства. Сторителлинг представлен как механизм конструирования новых смыслов, способный преодолевать последствия нормативной неопределенности.

Ключевые слова: *аномия, дискурсивное пространство, сторителлинг, диверсификация, коммуникация.*

O. Tsvetkova (Yaroslavl, Russia)

ANOMIE OF DISCURSIVE SPACE: DIVERSIFICATION OF STORYTELLING

The article examines the phenomenon of anomie in discursive space caused by digitalization and social transformations. It analyzes the role of storytelling diversification as an adaptation strategy in conditions of normative-value vacuum. The types of diversification, its advantages for communication and associated risks

are considered. Special attention is paid to the specifics of the post-Soviet media space. Storytelling is presented as a mechanism for constructing new meanings capable of overcoming the consequences of normative uncertainty.

Key words: *anomie, discursive space, storytelling, diversification, communication.*

Современное дискурсивное пространство характеризуется глубокими трансформациями, вызванными цифровизацией, глобализацией и социально-политическими изменениями. Эти процессы приводят к состоянию аномии – нормативно-ценностного вакуума, при котором старые нормы и ценности теряют актуальность, а новые еще не сформировались. В таких условиях традиционные формы коммуникации и нарративы уступают место диверсифицированному сторителлингу, который становится инструментом адаптации к нестабильной среде. Данная статья исследует феномен аномии дискурсивного пространства и роль диверсификации сторителлинга в преодолении последствий нормативной неопределенности.

Термин «сторителлинг» происходит от английского storytelling, что означает «рассказывание историй». Это искусство, имеющее глубокие исторические корни, восходящие к эпохе первобытности. Древние люди использовали наскальные изображения для передачи знаний последующим поколениям. Большинство этих изображений носили сюжетный характер, иллюстрировали динамику событий и, по сути, представляли собой ранние формы повествования.

Современное понятие «сторителлинг» возникло относительно недавно. В 1992 году Дэвид Армстронг, руководитель компании Armstrong International, впервые систематически применил сторителлинг как инструмент мотивационного маркетинга и формирования корпоративного имиджа. Армстронг осознал, что эффективное влияние на массовое сознание требует апелляции к эмоциональной сфере. Истории обладают способностью иллюстрировать идеи, придавать им достоверность, создавать ощущение устойчивости и вдохновлять на действия, благодаря уникальному потенциалу нарратива как в когнитивном, так и в психоэмоциональном плане [1].

Аномия – состояние общества, при котором ослабевает действие нормативно-ценностных регуляторов. Термин, введенный выдающимся французским социологом Эмилем Дюркгеймом в XIX веке, актуален для анализа современного дискурсивного пространства. В условиях постмодерна аномия становится перманентной: доминирующий дискурс отсутствует, а общество существует в режиме нормативно-ценностного вакуума. Это приводит к дезориентации и фрагментации не только коллективного сознания, что особенно заметно в постсоветских обществах, где конфликт между старыми и новыми ценностями обострен, но и на уровне единичного самоценного бытия.

Дискурсивное пространство в условиях анонии

В анонимном пространстве дискурсы теряют четкие границы, а нарративы становятся противоречивыми и фрагментированными. Как отмечается в исследованиях, это состояние сопровождается:

- распадом объединяющих общественных идей (например, идеи построения справедливого общества);
- заменой ценностей солидарности и коллективизма на эгоизм и потребительское отношение с целью реализации «принципа удовольствия»;
- ростом релятивизма, приводящего к аморальности и деградации научного мышления.

В таких условиях традиционные формы сторителлинга, основанные на линейности и иерархичности, утрачивают эффективность, что стимулирует поиск новых стратегий коммуникации.

Диверсификация сторителлинга является своеобразным ответом на анонию. Сущность и виды диверсификации в настоящее время исследователями определяются следующим образом. Диверсификация – стратегия, направленная на снижение рисков через разнообразие. В контексте сторителлинга она предполагает использование множественных форматов, платформ и нарративных техник для адаптации к нестабильной среде. В бизнесе диверсификация позволяет компаниям выживать в условиях кризиса, а в коммуникации – поддерживать релевантность и вовлеченность аудитории. Основные виды диверсификации сторителлинга включают:

1. горизонтальную – создание новых нарративов в смежных сферах (например, блогер, продвигающий контент в нескольких соцсетях);
2. вертикальную – углубление в одну тему через различные форматы (например, серия вебинаров, книга и подкаст на одну тему);
3. конгломеративную – выход в совершенно новые сферы (например, корпорация, развивающая образовательные проекты, не связанные с ее основной деятельностью);
4. концентрическую – использование технологически или тематически связанных нарративов (например, производитель соков, рассказывающий о здоровом образе жизни).

Диверсификация сторителлинга позволяет:

- снизить риски – зависимость от одной платформы или формата делает коммуникацию уязвимой к изменениям алгоритмов или предпочтений аудитории;
- увеличить охват – обращение к разным сегментам аудитории через разноформатные нарративы;
- повысить устойчивость – в условиях анонии разнообразные нарративы помогают поддерживать диалог с аудиторией, даже когда ее ценности и потребности быстро меняются;
- стимулировать инновации – эксперименты с новыми форматами и техниками рассказывания историй [2].

В постсоветских обществах анония проявляется особенно ярко, что стимулирует медиа к диверсификации нарративов [3]. Например:

- использование ностальгических тем для аудитории, ориентированной на советские ценности;
- создание либеральных нарративов для молодежи, ориентированной на Запад;
- гибридные форматы – сочетание традиционных СМИ с цифровыми платформами.

Это позволяет медиа выживать в условиях ценностного раскола, но часто приводит к фрагментации аудитории.

Риски и вызовы диверсификации сторителлинга связаны со следующими факторами.

1. Внутренние конфликты и потеря фокуса.

Диверсификация требует значительных ресурсов и может привести к:

- распылению усилий – потеря концентрации на основных темах и аудитории;
- внутренним конфликтам – несогласованность между разными направлениями сторителлинга;
- снижению качества – чрезмерное разнообразие форматов может значительно снижать глубину проработки тем.

2. Этические вызовы.

В условиях анонии диверсификация сторителлинга может усугублять нормативную неопределенность:

- манипуляция нарративами – использование противоречивых историй для влияния на аудиторию;
- фрагментация правды – разнообразие нарративов может способствовать распространению дезинформации;
- эксплуатация тем – например, использование тем ментального здоровья или социальной справедливости для коммерческих целей без реальной вовлеченности.

Современный сторителлинг переживает значительную девальвацию, причины которой заключаются в следующем:

1. иконический поворот, сместивший акцент от власти слова к власти изображения;
2. коммуникативный экстаз, вызывающий, по мысли Жана Бодрийера, «коммуникативный обесцененный бред» [4];
3. изменение коммуникативных ролей, связанное с навязчивой срам-агрессивностью современной действительности.

Таким образом, анония дискурсивного пространства – реальность современности, вызванная ценностным вакуумом и социальной трансформацией. Диверсификация сторителлинга становится стратегией адаптации к этой нестабильности, позволяя коммуникаторам:

- поддерживать диалог с разнородной аудиторией;
- снижать риски, связанные с изменениями предпочтений аудитории;
- проявлять инновационность в форматах и техниках повествования.

В условиях аномии сторителлинг не просто инструмент коммуникации, но и механизм конструирования новых смыслов, способный преодолевать нормативный вакуум через диалог и инклюзивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Armstrong, D. The Storytelling CEO // Armstrong International Inc. – URL: <https://www.armstronginternational.com/culture/david-armstrong-storytelling-ceo> (дата обращения: 03.04.2024).
2. Готтшалл, Дж. Как сторителлинг сделал нас людьми / Дж. Готтшалл. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 272 с.
3. Аномия постсоветского пространства. – URL: <https://www.sonar2050.org/publications/anomiya-v-postsovetskom-obshchestve/> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр. – М. : Рипол-классик, 2019. – 320 с.

НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ

Т. С. Орлова (г. Санкт-Петербург, Россия)

АНАЛИЗ МЕТОДИК КОРРЕКЦИИ МОТОРНОЙ СФЕРЫ И ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С ДИЗАРТРИЕЙ

Статья посвящена анализу методик коррекции моторной сферы и просодической стороны речи у детей с дизартрией. В работе рассмотрены различные подходы к коррекции речевого дыхания. Освещены подходы к обучению детей с различными уровнями нарушений, включая специфические требования к условиям занятий.

Ключевые слова: *дизартрия, коррекция речи, просодия, речевое дыхание, моторная сфера, логопедия.*

T. Orlova (Saint-Petersburg, Russia)

ANALYSIS OF METHODS OF CORRECTION OF MOTOR SPHERE AND PROSODIC SIDE OF SPEECH IN CHILDREN WITH DYSARTHRIA

The article is devoted to the analysis of methods of correction of motor sphere and prosodic side of speech in children with dysarthria. Various approaches to the correction of speech breathing are considered. Approaches to teaching children with different levels of disorders, including specific requirements to the conditions of classes are highlighted. The methods of prosody correction developed by leading specialists are also presented, and the importance of an integrated approach in working with dysarthria is emphasized.

Key words: *dysarthria, speech correction, prosody, speech breathing, motor sphere, speech therapy.*

Дизартрия представляет собой серьезное расстройство фонетической стороны речевой коммуникации. Термин «дизартрия» происходит из греческого языка, где приставка «dys» указывает на нарушение, а «arthroo» обозначает членораздельное произнесение слов. Это состояние характеризуется как дефект дикции, вызванный недостаточной нервной регуляцией речевого аппарата вследствие повреждений в заднелобных и подкорковых зонах головного мозга.

Этиология. Дизартрия является проявлением комплексного поражения головного мозга, характеризующегося бульбарными, псевдобульбарными и мозжечковыми нарушениями. Исследования этиологии дизартрии в контексте детского церебрального паралича (ДЦП) пока не раскрыли полностью все аспекты возникновения этого симптома. Ранее преобладала точка зрения, что первопричиной является травма при родах. Однако согласно последним

данным (Е. Н. Винарская и др.), более 80 % случаев дизартрии связаны с врожденными нарушениями развития головного мозга, то есть с патологиями, возникшими в период внутриутробного развития. Осложнения, возникающие в процессе родовой деятельности, можно рассматривать как вторичные факторы, которые могут усиливать воздействие первичных нарушений.

Е. Ф. Архипова классифицировала стертую дизартрию как одну из наиболее часто встречающихся форм этого расстройства, указав на ее особую сложность в коррекции [1]. Термин «стертая дизартрия» был введен О. А. Токаревой, которая описала его как мягкую форму псевдобульбарной дизартрии, различающуюся степенью трудностей преодоления [2]. Особенностью стертой дизартрии является слабая автоматизация и дифференциация звуков в речи, несмотря на способность детей произносить звуки изолированно корректно.

Исследования Л. В. Лопатиной подчеркивают, что в сфере логопедии часто встречаются случаи, когда дети с проблемами в произношении имеют указания от невропатологов о специфических микросимптомах в их неврологическом статусе. Коррекция таких нарушений произношения оказывается сложной и затяжной. Дизартрия, определяемая в специализированной литературе как нарушение речи, вызванное серьезными повреждениями центральной нервной системы, способна проявляться в менее очевидной форме из-за слабо выраженных мозговых нарушений. Эти менее ярко выраженные формы нарушений иногда остаются не выявленными в результате первичного осмотра или недостаточно обследования невропатологом [3, с. 24].

Нарушения моторной сферы

Дизартрия является наиболее частым нарушением речи среди детей дошкольного возраста и остается значимой проблемой из-за участвовавших случаев дефицита в работе моторного сегмента центральной нервной системы. Нарушения могут проявляться в разной степени и сочетаниях, что обусловлено местом поражения в центральной или периферической нервной системе, серьезностью нарушений и моментом появления дефекта.

На первых этапах возможно воспользоваться методикой Л. В. Лопатиной. Эта методика направлена на обследование дошкольников со стертой формой дизартрии и подразумевает комплексный подход, учитывающий сбор анамнеза, оценку состояния биологического слуха, артикуляторного аппарата, общей и речевой моторики, а также анализ импрессивной и экспрессивной речи. Данная методика позволяет не только детально диагностировать состояние речевого аппарата и функций речи у ребенка, но и разработать индивидуальную программу обучения и коррекции, учитывая уровень его речевого развития и специфику нарушений [3, с. 24].

В исследовании Л. В. Лопатиной о звукопроизношении у детей с легкой формой дизартрии обнаружены следующие статистические показатели полиморфных нарушений: нарушения в двух фонетических группах звуков встречаются у 16,7 % детей, в трех группах – у 43 %, а нарушения четырех и более групп звуков наблюдаются у 40 % испытуемых. Также ее методика

для коррекции моторной сферы дошкольников со стертой формой дизартрии учитывает не только анамнестические данные, оценку состояния биологического слуха, артикуляторного аппарата. Данный подход позволяет выявить особенности раннего развития и перенесенных заболеваний, что позволяет точно диагностировать нарушения и определить направления коррекции.

Л. В. Лопатина обнаружила, что у детей со стертой дизартрией наблюдаются нарушения иннервации мимической мускулатуры, проявляющиеся в ограниченном объеме движений губ, проблемах с подъемом бровей и зажмуриванием глаз. Дополнительно выявлены трудности с точными движениями языка, его распластыванием, тремором на кончике языка, затруднениями в подъеме и удержании языка вверх и переходе между различными артикуляционными позициями. Данные проблемы также влияют на питание детей, заставляя их избегать твердой пищи, такой как морковь, яблоки и мясо.

Улучшение мелкой моторики способствует не только повышению умения контролировать мимические мышцы и мышцы, задействованные в процессе артикуляции, но и в целом благоприятно влияет на развитие речевых навыков. Это связано с тем, что координация мелких движений рук и пальцев тесно связана с активацией тех же областей мозга, которые отвечают за речь, что делает развитие мелкой моторики важным элементом комплексной коррекционной работы с детьми, страдающими дизартрией и другими речевыми нарушениями.

Коррекция просодической стороны

Для коррекции просодии у детей, страдающих дизартрией, используются другие методики. Метод, предложенный В. А. Сорокиной, подчеркивает важность интегрированного подхода в коррекционной работе. А. В. Короткова в своей методике делает акцент на последовательности коррекционных мероприятий. Методика, созданная Н. Н. Гончар, фокусируется на улучшении речевого дыхания. Кроме того, Е. С. Алмазова разработала комплексный ортофонический метод, применимый для детей с дизартрией, который также ориентирован на комплексное воздействие на просодическую сторону речи [4, с. 860].

Основные элементы коррекционного процесса учитывают улучшение способности к распознаванию и воспроизведению элементов ритма и интонации, развитие чувства логического акцента, а также умение модулировать голос по высоте и мощности. В программах применяется набор специализированных упражнений, которые могут проводиться как на индивидуальных, так и на групповых занятиях. Программы структурированы в несколько этапов: начальный этап сосредоточен на заложении основ мелодических и интонационных элементов речи, за ним следует основной этап, нацеленный на активное формирование и коррекцию просодических характеристик речи, и завершается программа заключительным этапом, направленным на закрепление полученных навыков и их автоматизацию в смысле фразовой речи.

Исследования Л. В. Лопатиной показали, что дети, страдающие от стертой дизартрии, обычно испытывают сложности с воспроизведением двух до четырех фонетических групп. Наиболее распространенными являются нарушения в артикуляции свистящих звуков, причем на втором месте по частоте находятся шипящие звуки. Кроме того, затруднения также наблюдаются в произношении звуков [Р], [Р'] и [Л].

О. Ю. Федосова указывает на изменчивость нарушений звукопроизношения у детей со стертой формой дизартрии, подчеркивая, что такие нарушения зависят от нескольких факторов: длины слова, его слоговой структуры, а также местоположения звука в слове. Отмечено, что детям проще артикулировать короткие слова с несложной структурой, особенно если требуемый звук расположен в начале слова и попадает на ударение. В контрасте, слова с близко расположенными согласными часто представляют большие сложности в произношении [5].

В методическом пособии И. А. Поваровой «Коррекция заикания в играх и тренингах» [6] представлены техники, включающие интонационные упражнения. Эти упражнения нацелены на развитие интонационных навыков на различных уровнях речевой деятельности, начиная от отдельных звуков и слов и заканчивая сложными текстами и стихотворениями.

Особенностью упражнений является отработка изменения интонации. В области дефектологии разрабатывается учебное пособие, предназначенное для студентов, специализирующихся на формировании интонационно-мелодической выразительности речи. Это пособие, создаваемое впервые, включает методику Е. Е. Шевцовой и Л. В. Забродиной. В материалах рассматриваются физиологические аспекты интонации и представлен анализ научной и практической литературы, посвященной данной тематике. Также в пособии описаны методы для диагностики просодических нарушений речи.

Анализируются специфические характеристики развития интонационно-выразительных элементов речи при наличии различных речевых нарушений в контексте сравнения с эталонными параметрами нормального речевого развития. В материалах также представлены практические методики и задания, направленные на усовершенствование навыков интонационно-мелодической выразительности, что способствует более эффективной коррекции речевых дефектов.

Этиологические факторы дизартрии различны и связаны с патологическими изменениями в пренатальный, натальный и постнатальный периоды. Наиболее серьезные причины выявлены в пренатальном периоде, когда влияющие факторы, такие как болезни матери и вредные привычки, негативно воздействуют на развитие мозга плода. В постнатальном периоде дизартрия усугубляется инфекционными заболеваниями и травмами.

Для коррекции дизартрии используется комплексный подход, включающий дыхательные и артикуляционные упражнения, логопедический массаж и работу над просодическими характеристиками речи, такими как

интонация, ритм и темп. Специалисты применяют различные методики для восстановления моторной функции и улучшения речевых навыков, ориентируясь на индивидуальные потребности каждого ребенка. Важно также проводить параллельное неврологическое лечение для достижения устойчивых результатов в реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова, Е. Ф. Коррекционно-логопедическая работа по преодолению стертой дизартрии у детей / Е. Ф. Архипова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 254 с.
2. Токарева, О. А. Расстройства речи у детей и подростков. Дизартрии / О. А. Токарева. – М. : Медицина, 1969. – 288 с.
3. Лопатина, Л. В. Нарушения голоса в синдроме стёртой дизартрии у детей. Современная педагогика: теория, методика, практика: сб. материалов междунар. науч. конф. / Л. В. Лопатина. – М., 2014.
4. Гончар, Н. Н. Формирование мелодикоинтонационной стороны речи как средства общения дошкольников с ДЦП / Н. Н. Гончар // Молодой ученый. – 2016. – №28. – С. 860–874.
5. Федосова, О. Ю. Дифференциальный подход к диагностике легкой степени дизартрии / О. Ю. Федосова // Логопед в детском саду. – 2004. – № 3. – С. 48–54.
6. Поварова, И. А. Коррекция заикания в играх и тренингах / И. А. Поварова. – СПб. : Питер, 2004. – 348 с.

А. И. Степанова (г. Кокшетау, Казахстан; г. Калининград, Россия)

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ АНОМАЛИЙ В УСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается влияние анализа аномалий на развитие стратегической компетенции студентов, обучающихся на специальности «Переводческое дело». Особое внимание уделяется методике выявления и исправления речевых аномалий, таких как паузы, недопонимания и неверный выбор слов, в процессе межкультурной коммуникации. Методика анализа аномалий способствует развитию уверенности студентов в их коммуникативных навыках, улучшению их аналитического мышления и межкультурной компетенции.

Ключевые слова: *стратегическая компетенция, аномалии, межкультурная коммуникация, анализ ошибок, уверенность, самооценка, методика.*

DEVELOPMENT OF STRATEGIC COMPETENCE
IN LINGUISTIC STUDENTS THROUGH THE ANALYSIS OF ANOMALIES
IN ORAL INTERACTION IN ENGLISH

This article examines the impact of anomaly analysis on the development of strategic competence in students specializing in Translation Studies. Special attention is given to the methodology for identifying and correcting speech anomalies, such as pauses, misunderstandings, and incorrect word choices, in the process of intercultural communication. The methodology of anomaly analysis contributes to enhancing students' confidence in their communication skills, improving their analytical thinking, and fostering their intercultural competence.

Key words: *strategic competence, anomalies, intercultural communication, error analysis, confidence, self-assessment, methodology.*

В условиях современной глобализации, когда межкультурные коммуникации становятся основой взаимодействия на международной арене, особое внимание уделяется формированию стратегической компетенции у студентов-лингвистов. Это обусловлено необходимостью адаптации специалистов к многоязычной и многокультурной среде, где успешное взаимодействие требует не только глубоких знаний языка, но и способности к применению гибких стратегий для преодоления коммуникативных барьеров.

Стратегическая компетенция представляет собой ключевой компонент коммуникативной компетенции. Она включает в себя умения планировать, корректировать и эффективно реализовывать коммуникативные действия в условиях языковых, культурных или когнитивных барьеров. Например, студенты-лингвисты, столкнувшись с непониманием или ошибками в процессе взаимодействия, должны уметь быстро находить подходящие решения, используя компенсаторные и адаптационные стратегии. Это делает развитие данной компетенции особенно важным в процессе подготовки будущих переводчиков и специалистов в области межкультурной коммуникации.

Одним из ключевых инструментов для формирования стратегической компетенции является **анализ дискурсивных аномалий** – отклонений от языковых норм или коммуникативных ожиданий. Эти аномалии могут быть вызваны различными факторами, включая:

- **межкультурные различия** (например, использование неверных стратегий вежливости или непонимание культурных контекстов);
- **лексико-грамматические ошибки** (неверное использование слов или грамматических конструкций);
- **когнитивные факторы** (недостаток внимания, памяти или понимания контекста общения);
- **прагматические сбои** (неправильная интерпретация намерений собеседника).

Эти отклонения не только демонстрируют сложности, с которыми сталкиваются учащиеся, но и дают ценную возможность для их профессионального роста. Изучение аномалий позволяет студентам углублять понимание культурных различий, развивать критическое мышление и совершенствовать свои коммуникативные стратегии.

Важную роль в процессе обучения играет **когнитивный подход**, который акцентирует внимание на обработке информации, осмыслении сложностей и выработке решений. Этот подход направлен на развитие у студентов:

- 1) **самоанализа**: понимание своих слабых мест и поиск стратегий их преодоления;
- 2) **метакогнитивной регуляции**: планирование, мониторинг и корректировка своих действий в процессе коммуникации;
- 3) **гибкости мышления**: умение адаптироваться к новым ситуациям и изменяющимся условиям общения.

Анализ дискурсивных аномалий в рамках когнитивного подхода становится не просто инструментом выявления ошибок, но и способом формирования глубинного понимания языковых структур, функциональной нагрузки языковых единиц и их культурных интерпретаций.

Целью настоящего исследования является изучение влияния анализа дискурсивных аномалий на развитие стратегической компетенции у студентов-лингвистов, а также разработка подходов к применению когнитивных стратегий для их преодоления.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить теоретические основы стратегической компетенции как компонента коммуникативной компетенции;
- 2) определить типы дискурсивных аномалий и их роль в процессе межкультурной коммуникации;
- 3) разработать методику анализа дискурсивных аномалий на основе когнитивного подхода;
- 4) проверить эффективность предложенной методики на практике.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанных методик в образовательной практике для повышения уровня подготовки студентов-лингвистов. Эти методики позволят не только повысить их уровень языковой компетенции, но и улучшить навыки критического мышления, межкультурной адаптации и профессиональной гибкости, что особенно важно для специалистов, работающих в многоязычной среде.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые анализ дискурсивных аномалий рассматривается как инструмент целенаправленного формирования стратегической компетенции в рамках когнитивного подхода.

Таким образом, данное исследование направлено на разработку и внедрение эффективных подходов к обучению студентов-лингвистов, что способствует их профессиональной и личностной подготовке к успешному функционированию в условиях межкультурного взаимодействия.

Стратегическая компетенция является одним из ключевых компонентов коммуникативной компетенции, определяя способность эффективно использовать язык в различных коммуникативных ситуациях. Это не просто знание грамматики и лексики, а умение адаптировать языковые средства в контексте общения, в том числе при возникновении коммуникативных проблем. Стратегическая компетенция включает использование различных стратегий для решения проблем, возникающих в процессе общения, таких как дефицит знаний, трудности с пониманием собеседника или непредвиденные изменения ситуации.

В своей работе Бахман подчеркивает, что стратегическая компетенция тесно связана с социокультурной компетенцией, поскольку знание языка само по себе не гарантирует успешного общения. Важно учитывать и социальные нормы, и культурные особенности, влияющие на выбор языковых средств и стиль общения. Например, использование вежливых форм обращения в разных культурных контекстах требует от говорящего не только знания языка, но и осознания социальных ожиданий, что является важной частью стратегической компетенции [1, р. 420].

Литлвуд, рассматривая коммуникативный подход в обучении языку, выделяет несколько ключевых навыков, которые должны быть сформированы у учащихся для достижения высокого уровня коммуникативной компетенции. Среди них важнейшими являются навыки адаптации к различным культурным и социальным контекстам, а также способность к решению возникающих коммуникативных проблем, что непосредственно связано с понятием стратегической компетенции. Эти навыки включают как **прагматическую**, так и **социолингвистическую** компетенции, которые взаимодействуют с стратегической компетенцией в процессе коммуникации [2, р. 541–547].

Каспер определяет прагматическую компетенцию как умение использовать язык в зависимости от ситуации и контекста. Это включает в себя правильное использование стратегий для поддержания общения, даже если возникли трудности с пониманием или выражением мыслей. Таким образом, стратегическая компетенция включает в себя не только знание грамматических и лексических структур, но и способность находить оптимальные решения для успешного общения в разных социальных и культурных контекстах [3, pp. 193–218].

Аномалии в устном взаимодействии представляют собой отклонения от нормы, которые могут возникать по различным причинам и влиять на качество коммуникации. Эти аномалии можно разделить на несколько типов [4, с. 144–238].

- **Лексические аномалии** – это ошибки, связанные с выбором слов, их значением или контекстом использования. Например, неверный перевод слова или употребление слова в неподобающем контексте может создать трудности для понимания. Также сюда можно отнести нехватку словарного запаса, что заставляет говорящего прибегать к перефразированию.

- **Грамматические аномалии** включают ошибки в построении предложений, неправильное использование времен, падежей или артиклей. Эти ошибки могут затруднять восприятие сообщения, особенно если нарушены важные для смысловой целостности предложения грамматические конструкции.

- **Прагматические аномалии** – ошибки, связанные с пониманием и производством высказываний в зависимости от ситуации общения. Например, использование фраз, которые могут быть восприняты как грубость или неуместность в зависимости от культурных различий.

- **Фонетические аномалии** – проблемы с произношением, акцентами или интонацией, которые могут создавать трудности в восприятии речи. Например, сильный акцент или ошибки в произношении отдельных звуков могут мешать пониманию речи носителями языка.

Причины возникновения таких аномалий разнообразны. **Межкультурные различия** могут вызвать недопонимания, если учащиеся не знают, какие языковые формы или стратегии являются подходящими в разных культурных контекстах. **Недостаток языковой практики** также может привести к лексическим и грамматическим ошибкам, так как учащиеся не могут достаточно быстро выбрать правильное слово или грамматическую конструкцию в реальной коммуникации.

Для преодоления этих аномалий важным инструментом становится **стратегическая компетенция**, которая позволяет использовать различные компенсаторные стратегии, такие как перефразирование, использование аналогий или описания, чтобы восполнить недостающие знания или понять собеседника.

Когнитивный подход в изучении языков акцентирует внимание на том, как учащиеся воспринимают, обрабатывают и применяют языковую информацию. Этот подход включает изучение процессов, которые происходят в уме учащегося при решении коммуникативных задач. Когнитивные процессы, такие как внимание, память, анализ и синтез, имеют прямое отношение к стратегической компетенции, поскольку они позволяют быстро адаптировать поведение в сложных ситуациях общения.

Когнитивные стратегии помогают учащимся преодолевать препятствия, возникающие в процессе общения. Например, стратегия **саморегуляции** позволяет учащимся контролировать свои эмоции и мысли во время общения, что помогает сохранять уверенность и избегать стресса при возникновении трудностей. **Метакогнитивные стратегии**, в свою очередь, помогают учащимся осознавать свои слабые стороны и принимать меры для улучшения навыков [5, с. 2].

Анализ аномалий в обучении позволяет выявить, как студенты используют свои когнитивные ресурсы для решения проблем, возникающих в процессе устного общения. Это понимание помогает преподавателям разрабатывать эффективные методы обучения, направленные на развитие стратегической компетенции и преодоление коммуникативных барьеров.

В рамках исследования, проведенного в Кокшетауском университете имени Абая Мырзахметова, с участием студентов 4 курса специальности «Переводческое дело», были выбраны три наиболее часто встречающиеся аномалии, которые оказывают существенное влияние на развитие стратегической компетенции в сфере межкультурной коммуникации.

- **Перерывы в речи.** Студенты часто испытывали трудности в формулировке мыслей и выборе подходящих слов, что приводило к частым паузам в речи. Эти перерывы не только замедляли коммуникацию, но и демонстрировали неуверенность говорящего, что вносило элемент напряженности в разговор. Для анализа перерывов в речи использовались записи студенческих диалогов, где была замерена длительность и частота пауз. Анализ этих перерывов показал, что они чаще всего возникали на фоне нехватки лексического материала или неправильной грамматической структуры.

- **Неправильный выбор слов.** Неверно подобранные слова или выражения становились причиной искажений смысла и снижали качество коммуникации. В ходе анализа студенты часто использовали слова с близким значением, но не всегда учитывали контекст, что приводило к недопониманию. Ошибки в лексическом выборе также часто были связаны с ограниченным словарным запасом студентов. Для исследования был составлен перечень наиболее часто встречающихся лексических ошибок, который позволил выявить их типичные паттерны.

- **Недопонимание.** Это явление также стало одним из объектов анализа. Студенты порой неправильно воспринимали информацию собеседника или не могли точно выразить свои мысли, что приводило к недоразумениям в общении. Причинами недопонимания были как лексические, так и культурные различия, а также различия в восприятии контекста. Для анализа были использованы видеозаписи общения студентов в ситуациях реального взаимодействия, где выявлялись моменты недопонимания и их последствия для дальнейшей коммуникации.

Выбор этих аномалий был обусловлен их распространенностью среди студентов, а также их влиянием на развитие стратегической компетенции, необходимой для успешного общения на иностранном языке.

В процессе работы над исследованием были определены следующие этапы, направленные на систематический подход к анализу аномалий и разработке эффективных методов их устранения.

- **Идентификация аномалий.** На этом этапе были собраны аудиозаписи и видеоматериалы с реальными диалогами студентов. Каждое занятие студенты записывали с их согласия, чтобы затем детально проанализировать возникающие ошибки и аномалии. Анализ транскриптов и видео позволил точно определить, когда и как происходят перерывы в речи, ошибки в лексике и недопонимания, а также зафиксировать их влияние на общий ход коммуникации.

- **Интерпретация аномалий.** На данном этапе мы анализировали причины появления этих аномалий. Например, частые перерывы в речи были связаны с нехваткой лексического запаса или неуверенностью в исполь-

зовании грамматических конструкций, а неправильный выбор слов объяснялся ограниченным словарным запасом и недостаточным знанием контекстных особенностей. Недопонимание было вызвано, прежде всего, культурными различиями, а также недооценкой значимости уточняющих вопросов в диалоге.

- **Разработка стратегии устранения.** Для каждой аномалии была разработана специальная методика исправления. Для перерывов в речи были предложены упражнения на заполнение пауз с использованием различных речевых маркеров (“Give me a moment to think”, “Let me clarify”, “Alright, I think...”) и тренировочные задания на плавность речи. Для устранения ошибок в лексическом выборе был разработан комплекс упражнений на расширение словарного запаса и на использование синонимов, что позволило студентам научиться выбирать более подходящие слова в различных контекстах. В случае недопонимания, студенты проходили тренировки на уточнение и перефразирование своих фраз (“What I meant was...”, “Let me rephrase...”), что способствовало улучшению восприятия и понимания собеседника.

Для исследования была организована серия практических занятий, направленных на развитие стратегической компетенции через анализ и устранение речевых аномалий. Занятия состояли из нескольких этапов.

- **Разбор ошибок в реальных диалогах.** Студенты получили записи реальных разговоров, в которых были зафиксированы ошибки, такие как перерывы в речи или неверный выбор слов. Их задача заключалась в том, чтобы детально проанализировать диалог, выявить ошибки и предложить исправления. Например, в одном из анализируемых диалогов студент использовал слово “candidate” вместо более подходящего “applicant” в контексте собеседования, что привело к недоразумению. Студенты должны были объяснить, почему использование именно этого слова не было подходящим, и предложить более корректный вариант.

- **Ролевые игры.** В ролевых играх студенты разыгрывали различные сценки, где сталкивались с проблемами, связанными с перерывами в речи или неправильным выбором слов. Например, один студент разыгрывал роль бизнесмена, который должен был провести переговоры с клиентом, но часто терял нить разговора из-за перерывов. Другой студент, в роли переговорщика, должен был использовать стратегии для заполнения пауз, такие как вопросы для уточнения или использование синонимов для более точного выражения мыслей. В ходе анализа игры студенты предлагали более эффективные способы преодоления речевых барьеров.

По результатам проведенного эксперимента было установлено, что уровень стратегической компетенции студентов значительно повысился. До начала эксперимента студенты часто сталкивались с трудностями при выборе подходящих слов и сталкивались с проблемами недопонимания. В ходе занятий по анализу и устранению аномалий их навыки стали более уверенными,

а речевые перерывы сократились. Студенты, прошедшие программу, стали более уверены в своем выборе слов и смогли эффективно справляться с ситуациями недопонимания. Это подтверждается результатами тестирования до и после эксперимента.

В конце эксперимента был проведен опрос среди студентов, участвующих в исследовании. Результаты показали, что большинство студентов отметили значительное улучшение в их речевых навыках. 85 % студентов заявили, что стали более уверенно общаться на иностранном языке, улучшилось понимание собеседника, и они научились лучше перефразировать свои мысли. Важным моментом также стало повышение уверенности в выборе лексики: студенты отметили, что они стали быстрее находить нужные слова, а перерывы в речи сократились.

В ходе исследования, проведенного в Кокшетауском университете имени Абая Мырзахметова среди студентов 4 курса специальности «Переводческое дело», метод анализа аномалий продемонстрировал высокий потенциал в развитии стратегической компетенции.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, методика анализа аномалий также имеет свои ограничения, которые необходимо учитывать при ее применении. Основной трудностью является необходимость значительных затрат времени как на подготовку материалов, так и на разбор аномалий. Преподавателю требуется выделить время на запись и разбор речевых ошибок, что может быть сложным в условиях ограниченного учебного времени. Например, для каждого студента необходимо создать персонализированные задания, что требует тщательной подготовки и большого объема работы.

Исследование было проведено на ограниченной выборке студентов 4 курса специальности «Переводческое дело». Таким образом, результаты могут не быть полностью репрезентативными для других курсов или факультетов. Например, студенты других специальностей могут сталкиваться с другими типами аномалий, которые требуют изменений в методике.

На начальных этапах студенты не всегда осознают все возможные речевые аномалии, такие как паузы, неправильный выбор слов или недопонимания. Для преодоления этих барьеров потребуется дополнительное время и усилия. Например, многие студенты не сразу понимают, как важно анализировать не только грамматические ошибки, но и лексические, что может быть вызвано изначальным недостатком уверенности в собственных навыках общения.

На основе полученных данных можно дать следующие рекомендации для преподавателей, желающих интегрировать методику анализа аномалий в учебный процесс. Для успешного внедрения методики рекомендуется начинать с небольших упражнений на выявление и исправление речевых аномалий, постепенно переходя к более сложным задачам. Например, можно

начать с простых заданий, в которых студенты будут анализировать отдельные фразы и высказывания, а затем переходить к более сложным заданиям, включающим длительные диалоги или ситуации из реальной жизни.

Для более эффективного усвоения материала следует регулярно использовать ролевые игры и симуляции реальных коммуникационных ситуаций. Это поможет студентам совершенствовать навыки преодоления аномалий в реальных условиях общения. Например, в ходе ролевых игр студенты могут проигрывать ситуации переговоров или консульских бесед, где они должны быстро исправлять речевые ошибки и находить способы преодоления недопонимания.

Полученные результаты подтверждают, что методика анализа аномалий может быть успешно внедрена в практическую деятельность преподавателей, что значительно повысит качество подготовки студентов в области перевода и межкультурной коммуникации. Практическая значимость исследования заключается в возможности интеграции методики в образовательный процесс для улучшения стратегической компетенции и повышения качества языкового обучения.

В дальнейшем данное исследование может быть расширено на другие группы студентов, а также адаптировано для использования в других областях, таких как лингвистика, межкультурная коммуникация и педагогика. Перспективным направлением является исследование влияния культурных различий на возникновение аномалий в коммуникации, а также применение технологий автоматической обработки речи для улучшения метода анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bachman, L. F. *Fundamental Considerations in Language Testing*. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – 420 p.
2. Littlewood, W. *Communicative Language Teaching: An Expanding Concept for a Changing World* / W. Littlewood // *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning*, Vol. II. – New York : Routledge, 2011. – P. 541–547.
3. Kasper, G. *Linguistic Politeness: Current Research Issues* / G. Kasper // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – № 14. – P. 193–218.
4. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [текст] / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца XX века*. – М. : ИЯ РАН, 1995. – С. 144–238.
5. Croft, W. *Explaining language change: An evolutionary approach* / W. Croft // England Pearson Education Limited, 2016.

В. У. Фурс (г. Мінск, Беларусь)

ЗАСВАЕННЕ ЭКАНАМІЧНАЙ ЛЕКСІКІ ПА-БЕЛАРУСКУ: ЦЯЖКАСЦІ І ШЛЯХІ ІХ ПЕРААДОЛЕННЯ

Вывучэнне беларускамоўных адпаведнікаў у прафесійнай тэрміналогіі з'яўляецца важным аспектам падрыхтоўкі студэнтаў эканамічных спецыяльнасцей. Працэс засваення прафесійнай лексікі часта суправаджаецца шэрагам цяжкасцей, якія могуць знізіць эфектыўнасць навучання. У артыкуле аналізуюцца асноўныя праблемныя моманты, якія ўзнікаюць у студэнтаў пры вывучэнні эканамічных тэрмінаў, а таксама даследуюцца прычыны ўзнікнення цяжкасцей і прапановваюцца стратэгіі іх пераадолення.

Ключавыя словы: *беларуская мова, тэрмін, прафесійная лексіка, пераклад, эканамічная тэрміналогія.*

O. Furs (Minsk, Belarus)

LEARNING ECONOMIC VOCABULARY IN BELARUSIAN: DIFFICULTIES AND WAYS TO OVERCOME THEM

The study of Belarusian equivalents in professional terminology is an important aspect of preparing students of economic specializations. The process of learning professional vocabulary is often accompanied by a number of difficulties that can reduce the effectiveness of learning. The article analyzes the main problematic issues that arise for students when studying economic terms, and also examines the causes of difficulties and suggests strategies for overcoming them.

Key words: *Belarusian language, term, professional vocabulary, translation, economic terminology.*

Вывучэнне эканамічнай тэрміналогіі з'яўляецца важным аспектам падрыхтоўкі студэнтаў эканамічных спецыяльнасцей. Мэта дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» заключаецца ў дапамозе студэнтам павысіць узровень валодання беларускай мовай і сфарміраваць камунікатыўныя навыкі, неабходныя для паспяховай прафесійнай дзейнасці. Гэта ўключае ўменне наладжваць зносіны на роднай мове ў эканамічнай сферы, ствараць і перакладаць навуковыя і прафесійныя тэксты, весці дзелавую дакументацыю, а таксама выступаць з навуковымі паведамленнямі і публічнымі прамовамі. Авалоданне высокай маўленчай культуры, у сваю чаргу, забяспечвае лагічнасць, выразнасць, правільнасць і дакладнасць маўлення студэнтаў, што з'яўляецца важным аспектам іх прафесійнай падрыхтоўкі. Акрамя таго, студэнты павінны валодаць спецыяльнай тэрміналагічнай лексікай, умець лагічна і паслядоўна выкладаць свае думкі ў вуснай і пісьмовай формах, а таксама пісьменна карыстацца маўленчымі і стылістычнымі сродкамі ва ўмовах білінгвізму. Аднак працэс засваення эканамічнай лексікі часта сутыкаецца з шэрагам цяжкасцей, якія могуць зменшыць эфектыўнасць навучання і замарудзіць фармаванне прафесійных навыкаў.

Па-першае, адной з найбольш пашыраных праблем з'яўляецца высокая складанасць і абстрактнасць эканамічнай тэрміналогіі. Эканамічныя тэрміны часта ўяўляюць сабой полісемічныя словы ці выразы, якія могуць мець спе-

цыфічныя значэнні ў розных эканамічных кантэкстах. Гэта ўскладняе дакладнае разуменне і запамінанне тэрмінаў, асабліва для студэнтаў, якія не мелі папярэдняга досведу ў дадзенай вобласці. Да таго ж, шмат якія эканамічныя паняцці цесна звязаны з матэматычнымі і статыстычнымі канцэпцыямі, што робіць цяжкім іх разуменне студэнтамі з гуманітарным тыпам мыслення. Да ліку складаных для запамінання можна аднесці тэрміны *бэквардэйшн*, *вэндар-ліз*, *кантанга* і іншыя.

Па-другое, цяжкасці пры асваенні тэрміналогіі могуць быць звязаны з недастатковым узроўнем моўнай падрыхтоўкі студэнтаў. Эканоміка як навука актыўна скарыстоўвае англамоўныя тэрміны і запазычанні, што стварае бар'ер для студэнтаў, якія не валодаюць дастатковым узроўнем валодання замежнай мовай. Без добрай моўнай базы яны могуць мець цяжкасці з перакладам і інтэрпрэтацыяй значэнняў новых слоў, што запавольвае працэс асваення матэрыялу. Да ліку тэрмінаў, якія выклікаюць цяжкасці пры разуменні, адносяцца *лакаўт*, *ліз-бэк*, *фарфейтынг*, *фасілітатар* і іншыя.

Яшчэ адной прычынай цяжкасцей з'яўляецца недахоп кантэксту, які дапамагаў бы лепш зразумець эканамічныя тэрміны. Часам студэнты сутыкаюцца з тэрміналогіяй у ізаляваным выглядзе, без дастатковага аб'ёму прыкладаў і рэальных кейсаў. Гэта прыводзіць да складанасцей у разуменні таго, як скарыстаць гэтыя тэрміны ў практычных сітуацыях. Асаблівую ролю падчас практычных заняткаў набывае інтэграцыя канкрэтных прыкладаў і сітуацыйных заданняў для паглыблення разумення эканамічнай тэрміналогіі. У падручнікі, якімі карыстаюцца студэнты Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта (далей у тэксце БДЭУ) [1; 2], уключаны адпаведныя заданні, якія фармулююць у тым ліку і маўленчыя кампетэнцыі: распрацаваць рэкламны лозунг, брэнд, буклет ці іншы крэатыўны праект.

Каб эфектыўна зразумець навуковыя тэксты і ўдзельнічаць у прафесійнай камунікацыі, неабходна метадычна і паслядоўна засвойваць тэрміналагічную лексіку. Для дасягнення гэтай мэты выкарыстоўваюцца розныя віды практыкаванняў, якія, як адзначае А. Ю. Ваякіна, можна аб'яднаць у тры групы:

- некамунікатыўныя – накіраваны на свядомае засваенне лексічных адзінак;

- умоўна-камунікатыўныя – садзейнічаюць запамінанню значэнняў слоў у разнастайных камунікацыйных сітуацыях, актывізуюць працэсы ўспрыняцця, мыслення, памяці і ўключаюць заданні на развіццё маўлення;

- камунікатыўныя – накіраваны на выкарыстанне новых лексічных адзінак у маўленні. Пры выкананні такіх заданняў развіваецца крытычнае мысленне навучэнцаў [3, с. 144].

Для паспяховага засваення прафесійнай лексікі неабходна не проста запамінаць словы, але і ўмець актыўна выкарыстоўваць іх у маўленні, і ўсе тры групы практыкаванняў, якія дапамагаюць перайсці ад узроўню ўсвадомленага запамінання слова да яго выкарыстання ў маўленні, з'яўляюцца аднолькава важнымі. Галоўная задача першага этапу – пазнаёміць навучэнцаў з лексічным значэннем новых тэрміналагічных адзінак, іх граматычнымі прыметамі і правапісам, навучыць знаходзіць тэрміны ў тэксце. Да асноўных спосабаў і прыёмаў семантызацыі слоў адносяцца: тлумачэнне лексічнага

значэння слоў з дапамогай лінгвістычных слоўнікаў, падбор сінонімаў і сінанімічных слоў, тлумачэнне відавога паняцця праз родавае, высвятленне значэння слоў праз кантэкстуальнае ўжыванне, сінтагматычныя сувязі.

Важнымі з'яўляюцца псіхалага-педагагічныя аспекты, якія могуць уплываць на ўспрыманне і запаміnanне эканамічнай лексікі. Яны з'яўляюцца складаным комплексам фактараў, якія вызначаюць эфектыўнасць навучання. На першым месцы стаіць матывацыя: унутраная, калі студэнты бачаць практычную значнасць эканамічных тэрмінаў, і знешняя, якая стымулюеца ацэнкамі і прызнаннем. Цікава, да прадмета таксама істотна палягчае ўспрыманне і запаміnanне новай лексікі. Кагнітыўныя фактары, такія як увага, памяць і мысленне, выконваюць ключавую ролю. Здольнасць засяродзіцца, розныя тыпы памяці і аналітычнае мысленне дапамагаюць зразумець і запомніць складаныя тэрміны. Важна таксама ўлічваць індывідуальныя асаблівасці студэнтаў, такія як стыль навучання і хуткасць апрацоўкі інфармацыі. Эмацыйныя фактары, асабліва страх і трывожнасць, могуць перашкаджаць запаміnanню, у той час як пазітыўны настрой і ўпэўненасць у сваіх сілах спрыяюць эфектыўнаму навучанню. Сацыяльныя фактары таксама аказваюць значны ўплыў. Групавая праца, зносіны з выкладчыкам і прафесіяналамі дапамагаюць студэнтам абменьвацца ведамі і бачыць, як эканамічная лексіка выкарыстоўваецца ў рэальным жыцці. Пераадоленне гэтых псіхалагічных бар'ераў з'яўляецца важным фактарам, які спрыяе паспяховаму вывучэнню эканамічных паняццяў.

Намі было праведзена апытанне сярод 40 студэнтаў 1 курса факультэта камерцыі і турыстычнай індустрыі БДЭУ з просьбай сфармуляваць асноўныя цяжкасці, якія перашкаджаюць паспяховаму навучанню. Больш за палова апытаных у якасці адной з першых прычын назвала такія аб'ектыўныя фактары, як розны ўзровень валодання беларускай мовай пасля школы; студэнты прапанавалі вывучэнне мовы па ўзроўнях у групах меншай колькасці, каля 10–15 чалавек замест 25. Сапраўды, у некаторых аўдыторыях сустракаюцца навучэнцы як з алімпійднымі ведамі, так і з адсутнасцю ведання нават базавых прынцыпаў арфаграфіі. Ад выкладчыка патрабуецца высокая гнуткасць у выбары заданняў і дыферэнцаванае ацэньванне на працягу семестра.

Яшчэ адна важная прычына, агучаная студэнтамі, звязана з тым, што ім даступныя толькі базавыя веды па эканамічнай тэрміналогіі, якія не заўсёды дастатковыя на 1 курсе, калі большасць вывучае дысцыпліну «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». Для перакладу некаторых прафесійна арыентаваных тэкстаў даводзіцца звяртацца да разгорнутых каментарыяў эканамічнага характару.

Наступным фактарам можна палічыць недастатковую колькасць маўленчай практыкі. Завяршальны этап вывучэння прафесійнай лексікі накіраваны на тое, каб навучэнцы маглі эфектыўна выкарыстоўваць тэрміны ў камунікацыі. Гэта самы складаны этап, бо ён патрабуе ўмення выражаць свае думкі ясна, дакладна і лагічна, а таксама свабодна валодаць набытым слоўніковым запасам. Большасць навучэнцаў адзначыла, што напісанне тэрміналагічных дыктовак не выклікала ў іх складанасці, у адрозненне ад заданняў, звязаных з фармулёўкай выказвання па-беларуску. Падчас сітуа-

цыйнай практыкі, калі, напрыклад, інсцэніраваўся працэс суіскання працы і інтэрв'ю па выніках разгляду папярэдне падрыхтаванага рэзюмэ, большасць студэнтаў ацаніла заданне як «складанае» ці «вельмі складанае», нягледзячы на тое, што адводзіўся час для яго падрыхтоўкі, а ўсе этыкетныя формулы былі загадзя падрабязна абмеркаваныя.

Міжмоўная інтэрферэнцыя пры пабудове выказванняў па-беларуску, звязаная з больш частым зваротам у маўленчай прасторы да рускай мовы, выклікае ў некаторых студэнтаў псіхалагічны дыскамфорт, а часам і ўвогуле прымушае адмаўляцца ад выказванняў. У такіх выпадках задача выкладчыка – выказаць падтрымку, падбадзёрыць, заахвоціць да далейшага больш актыўнага карыстання беларускай мовай у самых розных сітуацыях. Добра сябе зарэкамендавала метадыка працы ў малых групах пры абмеркаванні такіх заданняў, як падрыхтоўка меню ці віртуальнай экскурсіі (для спецыяльнасцей «Рэстаранны бізнес», «Эканоміка і кіраванне турыстычным бізнесам»). Студэнты, якія менш упэўнена валодаюць беларускай мовай у маўленні, маюць магчымаць правесці своеасаблівую рэпетыцыю і атрымаць парады ад больш падрыхтаваных калег.

Такім чынам, у якасці аднаго з падыходаў для пераадолення азначаных вышэй цяжкасцей можна прапанаваць выкарыстанне актыўных метадаў навучання, такіх як тэматычныя дыскусіі, ролевыя гульні і кейс-метады, якія дапамагаюць студэнтам лепш зразумець тэрміналогію праз практыку і ўзаемадзеянне. Азначаны падыход дазваляе палепшыць не толькі запамінанне, але і навыкі аналізу і сінтэзу інфармацыі, якія неабходныя для ўжывання эканамічных ведаў на практыцы.

Акрамя таго, важным элементам пераадолення цяжкасцей пры вывучэнні эканамічнай тэрміналогіі з'яўляецца бесперапынная праца па развіццю моўнай кампетэнцыі студэнтаў, уключаючы асваенне базавай прафесійнай лексікі і рэгулярнае выкарыстанне арыгінальных англамоўных крыніц.

Можна адзначыць, што з мэтай паспяховага выкладання на занятках па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» могуць выкарыстоўвацца розныя стратэгіі для больш эфектыўнага працэсу засваення эканамічнай тэрміналогіі, пачынаючы ад паляпшэння метадык выкладання да выкарыстання псіхалага-педагагічных рэкамендацый па падтрымцы студэнтаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Зразікава, В. А. Беларуская мова. Прафесійная лексіка для эканамістаў : вучэб. дапам. / В. А. Зразікава, А. В. Губкіна. – Мінск : Вышэйшая школа, 2016. – 383 с.
2. Губская, В. М. Беларуская мова для эканамістаў : вучэб. дапам. / В. М. Губская, І. І. Шматкова. – Мінск : РІВШ, 2020. – 132 с.
3. Воякина, Е. Ю. Особенности преподавания профессиональной лексики будущим специалистам / Е. Ю. Воякина // Вопросы современной науки и практики. – 2016. – № 1 (59). – С. 141–146.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Артемова, О. А.</i> Указательные местоимения в белорусском и английском языках: норма и вариативность	5
<i>Евчик, Н. С.</i> Акцентно-ритмическая структура французской устной речи: норма и динамика становления.....	10
<i>Скуратов, И. В.</i> L' imaginaire linguistique et la néologie (entre faute et norme)	14

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

<i>Грачева, Л. А.</i> Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с соматическим компонентом «голова» во французском и белорусском языках.....	18
<i>Греф, Е. Б.</i> Экспрессивный потенциал голофразиса в английском языке (на материале романа Д. Митчелла «Облачный атлас»)	23
<i>Ключенович, С. С.</i> Совместить несовместимое: синтаксическая конструкция как словообразовательный элемент	28
<i>Козлова, Т. А.</i> Признак 'религиозность' в семантике наименований моральных качеств.....	34
<i>Машошина, В. С.</i> Функциональные особенности языковых аномалий в американском художественном дискурсе XX века	38
<i>Пантелеенко, О. А.</i> Репрезентация оппозиции «свой-чужой» в региональной антропонимии (на материале внутригородских названий Валле д'Аоста).....	42
<i>Урбанович, И. Г.</i> Расщепление как прием создания окказионального фразеологизма в публицистическом тексте	46

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: НОРМА VS. «НАРУШЕНИЕ»

<i>Бартош, Н. Н., Головейчук, М. В.</i> Синтаксическая омофония как средство создан	50
<i>Гапанович, Е. А.</i> Принципы кодификации современной французской грамматической нормы	54
<i>Змудяк, Г. А.</i> Повелительное наклонение и неимперативные значения (на материале французского языка)	63

<i>Михайлова, С. В.</i> Грамматика жестовых языков: девиация или норма?	67
<i>Савко, М. В.</i> Расширение поля глагольной валентности: от аномалии к норме	73
<i>Чернышова, А. И.</i> Английские синтаксические композиты: потенциал нейронного перевода.....	78
<i>Щенникова, Н. М.</i> Деривационные модели экономической терминологии во французском языке.....	83

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ

<i>Бувеч, А. О.</i> Фонетические особенности иноязычных онимов во французском теленовостном дискурсе.....	89
<i>Лебедева, И. Г.</i> Подходы к восприятию французского слога при ограниченной сформированности перцептивной базы языка.....	93
<i>Устинович, В. В.</i> К вопросу о стилистической обусловленности темпоральных характеристик речи (на материале французского языка)	97

ТЕКСТ И ДИСКУРС: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

<i>Богемова, О. В., Смирнова, Е. А.</i> Проявление некооперативного речевого поведения в ситуации выражения прескриптивного побуждения (на материале французского языка)	101
<i>Данилевская, В. А.</i> Суггестивный потенциал смысловых повторов в политических медиатекстах	105
<i>Дудина, А. М.</i> К вопросу о вариативности языковой нормы во французской интернет-коммуникации.....	106
<i>Комарова, М. А., Лавринович, Е. А.</i> Прагматическая составляющая новостных экономических заголовков интернет-СМИ.....	118
<i>Лещенко, Н. В.</i> Функциональная значимость антропонимов в поэтическом дискурсе	122
<i>Романкевич, М. Н.</i> Окказионализмы в речи как отражение дихотомии «аналогия / аномалия» (на материале французского языка)	129
<i>Смирнова, Е. А., Богемова, О. В.</i> Сентенциональный текст как отражение национальной культуры.....	133
<i>Ступина, Е. С.</i> Языковая игра в политическом дискурсе: механизм дешифрации риторического кода.....	138
<i>Цветкова, О. Л.</i> Аномия дискурсивного пространства: диверсификация сторителлинга.....	143

НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ

<i>Орлова, Т. С.</i> Методики коррекции моторной сферы и просодической стороны речи у детей с дизартрией.....	148
<i>Степанова, А. И.</i> Развитие стратегической компетенции у студентов-лингвистов через анализ аномалий в устном взаимодействии на английском языке	152
<i>Фурс, О. В.</i> Засваенне эканамічнай лексікі па-беларуску: цяжкасці і шляхі іх пераадолення.....	161

Научное издание

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *М. Н. Романкевич*

Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Подписано в печать 11.12.2025. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 10,75. Тираж 30. Заказ 54.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.